

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ
СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ

СЛАВЯНЕ И ИХ СОСЕДИ.
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
В ЭПОХУ ФЕОДАЛИЗМА

МОСКВА 1989

Хорес

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ
СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ

**СЛАВЯНЕ И ИХ СОСЕДИ.
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
В ЭПОХУ ФЕОДАЛИЗМА**

МОСКВА 1989

Утверждено к печати Институтом славяноведения и балканистики
АН СССР

Подп. в печ. 7.06.89. А-04672. Формат 60x84/16. 10 п.л.

8,45 уч.-изд.л. Тираж 300 экз. Цена 1 р. 30 к. Заказ № 60

Участок оперативной полиграфии Института истории СССР АН СССР
ИГ7036, Москва, ул. Дм.Ульянова, 19

ВВЕДЕНИЕ

В настоящем сборнике публикуются доклады сотрудников и аспирантов сектора истории средних веков, зачитанные на конференции "Славяне и их соседи", посвященной памяти выдающегося советского историка-слависта В.Д.Королюка. Они объединены единством основной темы – история международных отношений народов Центральной и Юго-Восточной Европы в эпоху феодализма.

Эта область истории длительное время была далека от магистральных интересов советской науки и работы В.Д.Королюка сыграли в 50-х - 60-х гг. большую роль в изменении отношения к данной тематике. В настоящее время история международных отношений – одна из ведущих областей исторического исследования, передавающая как бы "вторую молодость", когда обнаруживаются связи между традиционной для этой темы проблематикой межгосударственных контактов и историей идеологии, культуры, ментальности. Именно в таком широком современном понимании осмысливают эту тематику и составители данного сборника, включая в него доклады, связанные с историко-культурной проблематикой.

Хронологически помещенные в сборнике доклады охватывают всю эпоху феодализма – от VI в. до конца ХУП в. и включают события и явления, имевших место на протяжении этого периода практически почти во всех странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Авторы рассматривают и чисто источниковедческие проблемы, обращая внимание на забытые или малоисследованные тексты или интерпретируя по-новому конкретные свидетельства источников о раннесредневековой истории региона (статьи С.А.Иванова, Г.Г.Литаврина), причем полученные результаты используются для воссоздания широкой картины политической и этнической истории региона. Исследуются конкретные события или отдельные исторические проблемы ранней истории славян и их взаимоотношений с соседями в рамках более общей проблематики внутренних и меж-

дународных отношений в регионе (тексты А.В.Горизонтовой, О.В.Ивановой).

Часть статей посвящена такой актуальной, недостаточно исследованной и спорной в нашей и мировой историографии тематике как история народов Юго-Восточной Европы в начальный период османской экспансии на Балканах: и в конкретно-событийном плане (такой важнейший факт в истории этой части континента как Косовская битва – в статье Е.П.Наумова), и в проблемном (статья Л.Е.Семеновой по острой и спорной теме установления вассальной зависимости Валашского княжества от империи Османов), и в культурологическом (текст И.Ф.Макаровой).

Сложная проблема отражения разных сторон темы христианизации Чехии в хронистике XIV в. рассматривается в статье Г.П.Мельникова.

Группа статей касается многообразной проблематики международных отношений в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе в XVII в. в широких рамках функционирования и развития общеевропейской системы государств и борьбы за великодержавие в этой части континента (статьи Л.В.Заборовского, Н.С.Захариной, Б.Н.Флори, К.К.Шовши). В них предstawлены разные хронологические отрезки (с 40-х годов до конца XVII в.), разные территориальные комплексы (Россия, Речь Посполитая, Османская империя, королевство Венгрия) и разные стороны темы (внутри- и внешне-политические ее аспекты). Для характеристики уровня развития русской дипломатии несомненную ценность представляет публикуемая в сборнике роспись книг и документов 1656 г.

x x
x

Редколлегия сборника: Г.Г.Литаврин (ответственный редактор), Л.В.Заборовский (ответственный секретарь), Н.С.Захарина (бригадир), Б.Н.Флоря.

С.А.ИВАНОВ

МАРТИН ИЗ БРАГИ И СЛАВЯНЕ

Короткому сообщению о славянах, содержащемуся в стихотворении Мартина из Браги, не повезло в славистической литературе: сначала по недосмотру В.В.Латышева оно вошло в его "Известия" под именем другого автора, Альцима Эклидия Авита¹; оттуда эта ошибка перекочевала в хрестоматию А.В.Мишулина, который сделал вывод, что коль скоро Авит умер в 525 г., то перед нами – самое раннее упоминание славян². Е.Ч.Скржинская исправила это недоразумение, но сама допустила другую оплошность, спутав автора стихотворения, Мартина из Браги, с его героям и тезкой, Мартином Турским, и считая, таким образом, что эпиграфия была написана на смерть Мартина из Браги кем-то другим, т.е. после 580 г.³ Лишь Х.Ловмяньский восстановил наконец истину⁴.

Итак, что же мы знаем об этом авторе? Когда он родился, точно неизвестно. Исходя из дат его жизненного пути, можно предположить, что между 510 и 520 гг.⁵ Местом его рождения Григорий Турский называет Паннонию⁶. К тому времени римская власть там перестала существовать, и, по словам Эннодия, "из-за вторжений разных племен страна стала повседневным урожаем для мечей". Тем не менее археологические данные свидетельствуют о том, что многие города устояли под "варварским" наиском: там и в VI в. по-прежнему жило римское и романизованное население⁷. Практически на верняка Мартин родился не в бывшей Паннонии Первой, далеко отстоявшей от Византии, а в Паннонии Второй, т.е. где-то поблизости от слияния Савы и Дравы, в окрестностях крупного византийского города Сирмия: во-первых, в теологических сочинениях Мартина чувствуется влияние "иллирийской" школы богословия, а во-вторых, греческий язык был явно знаком ему с детства⁸.

С 504 г. эта область подчинялась остготской державе

Теодориха. Детские годы Мартина совпали с периодом политической стабильности, но 30-е гг. VI в. принесли в Среднее Подунавье новую волну этнических перемещений: в 530 г. на Сирмий напали гепиды, в 531 г. франки уничтожили тюрингское королевство, главного союзника остатков; созданная Теодорихом система союзов стала после его смерти разваливаться. В Паннонии стремительно развивалась экспансия лангобардов, сопровождавшаяся, как показывает археология, большими подвижками населения⁹. Наконец, в 536 г. гепиды захватили Сирмий. Я.Шашель резонно предполагает, что именно тогда Мартин бежал в Византию¹⁰. Но к этому времени его классическое латинское образование было уже завершено: ясно ведь, что греческая школа не могла бы ему привить ни знания Сенеки, ни мастерского владения латинской просодией – а в его сочинениях заметно и то, и другое (см.: МО, 53, 145–146, 206, 277).

Настоящая статья, как следует из ее заглавия, посвящена конкретному человеку и определенному племени. Однако все, что нам известно о судьбах и того, и другого до середины VI в., строится почти исключительно на гипотезах. Мартин что-то знал о славянах, этим он нам теперь интересен, но чтобы выяснить, откуда он свои знания почерпнул, в свою очередь необходимо предпринимать сложную реконструкцию. Так что прежде, чем добраться до славян, нам придется пролетешествовать по всей тогдашней ойкумене. Но иного выхода нет. А сейчас вернемся к биографии Мартина.

Григорий Турский рассказывает: "Оттуда /из Паннонии/ он, поспешил к святым местам Востока, дабы посетить их, настолько пропитался ученостью, что никто в то время не превосходил его"¹¹. Итак, Мартин переселившись в Византию, учился, видимо, в Кесарии или Александрии, а потом избрал монашескую жизнь.

Следующий факт его биографии, высвечиваемый источниками – это переселение в Свевское королевство. Необходимо кратко рассказать и об этом государстве. Германское племя свевов-квадов осело в Галисии на северо-западе Пиренеев

в начале У в. Их отношения с королевством визиготов, занимавшим остальной полуостров, развивались по-разному. В 455/56 гг. свевы были разгромлены; потом между двумя государствами установились дружеские связи; наконец, в 585 г. свевы снова были разбиты, а их королевство присоединено к визиготскому. Цламя свевов стояло на низком уровне развития. Оно было весьма малочисленно и жило особняком от местного испано-римского населения, сохранявшего свою социальную структуру. Церковь в Галисии традиционно играла большую политическую роль. При короле Рекиарии /448–456/ свевы приняли христианство в его католической форме, но при короле Ремисунде, ок. 465 г., под визиготским влиянием стали арианами¹². Их повторное обращение в католичество является в немалой степени заслугой того самого Мартина, которым мы сейчас и занимаемся.

Итак, около 550 г. свевский король Харарих, наслышанный о чудесах, творимых у гробницы св. Мартина Турокого, отрядил посольство, дабы узнать, не поможет ли святой его больному сыну. Таких посольств ездило два; когда же во второй раз послы возвращались обратно, везя священные реликвии из Тура, произошло следующее: "Тогда некий человек по имени Мартин, являющийся теперь там епископом, прибыл из дальней страны, наущенный Богом. Думаю, не иначе, как по Божьему промышлению он уехал с родины в тот самый день, когда стронулись с места святые реликвии /Мартина Турского/, и он вступил в порт Галисии одновременно с этими святынями"¹³. Таков рассказ Григория Турского. Наверно, можно согласиться с Я.Шашелем, датирующим приезд Мартина в Галисию, т.е. в Свевское королевство, 552 г.: именно на это время приходится пик церковно-дипломатической активности Константинополя на Пиренейском полуострове, в частности, попытки вырвать свевов из-под франкского влияния. Далее последовало вмешательство Юстиниана в борьбу за власть в визиготском королевстве и, наконец, военное вторжение византийцев в Испанию¹⁴. Однако это уже не представляет для нас интереса. Вернемся к Мартину. В 556 г. он получает епископскую кафедру в столице королевства

Браге /МО, 3/, под его влиянием свеы обращаются из арианства в католичество; в 558 г. он освящает базилику в честь св. Мартина Турского /МО, 280/. По словам Григория, "он Мартин из Браги/ сам сочинил стихи, что начертаны в базилике св. Мартина, над вратами с южной стороны"¹⁵.

Вот мы и добрались до непосредственного предмета нашей заинтересованности. Ни дальнейшая судьба Мартина, ни его сочинения нас занимать уже не будут. Итак, стихотворение из базилики, похвала Мартину Турскому, 558 год. Автор перечисляет племена, якобы принявшие христианство благодаря чудесам, сотворенным этим святым после смерти: ".....В качестве знамения доблести и похвали твоим

заслугам

возвращает любовь к Христу хладная Германия;
она пылает и, возжегши пламень духа Божьего,
растопляет иней, сковавший ее по вине враждебного
акниона.

Огромные и многоразличные к благочестивому союзу
Христа

привлекаешь ты племена: аламаны, сакс, торинг,
панионец, руг, СЛАВ, нореп, сармат, дат,
острогот, франк, бургунд, дак, алан
радуются, что под твоим водительством познали
Бога; твоим знамениям свев

дивясь, узнал, какой троюй идти ему к вере."

/МО, 282.7-16/

Перед нами – второе по древности, после Иордана, писавшего в 550/51 гг., упоминание славян в латиноязычной литературе. Дальнейшие наши усилия будут направлены на то, чтобы выяснить, чем отзывалось это имя епископу Браги, писавшему свое стихотворение за тысячи километров от самых западных славянских поселений.

Первым делом мы должны отнести предположение, будто в христианизации (или отвращении от арианства) перечисленных народов культ Мартина Турского на самом деле сыграл хоть какую-нибудь роль¹⁷ – восточнее Галлии не существовало церквей с реликвиями этого святого¹⁸. Перечень же

носит характер чисто риторического преувеличения и весь приведен ради упоминания о пиренейских свевах в последней пролитированной нами строке. Тем более надо отвести возможность того, что сам святой IV века проповедовал этим племенам: Мартин Брагский явно имеет в виду чудесное исцеление сына свевского короля, повлиявшее на обращение свевов в католичество – тем самым и все остальное в этом отрывке мыслится как посмертная деятельность святого. Тогда чем же руководствовался автор, подбирая этнические для своего даречия? Господствует мнение, будто он вспомнил свою далекую паннонскую юность и перечислил племена, сидевшие в начале VI в. поблизости от его родных мест. Это весьма ответственный вывод, ибо тогда оказалось бы, что славяне находились в Паннонии уже в начале VI в. Но поскольку перечень в целом явно указывает на время более раннее, чем VI в., то предлагается еще и удревнить нарисованную Мартином панораму, а тем самым – и присутствие славян на Среднем Дунае¹⁹. Это становится особенно заманчиво в свете недавнего возрождения "паннонской теории" славянского этногенеза²⁰.

Однако если мы сравним этнический перечень Мартина с той реальной ситуацией, которая существовала на Среднем Дунае на рубеже V/VI вв., то окажется, что они не совпадают почти вовсе: жили там гепиды, герулы, были сельские поселения свевов, не имевших собственной политической организации, существовали маленькие группы скирнов, ругов, на нижней Драве сидели остатки сарматов²¹; севернее находились лангобарды²². Совершенно непонятно, почему Мартин должен был в своей далекой Браге вспоминать крайне малочисленных ругов и сарматов, но забыть о главных политических силах региона – гепидах, герулах, лангобардах. Не могло здесь стать критерием отбора и вероисповедание: по словам Прокопия, "готские народы" "одинаковы в их служении богу: ведь все они арианской веры"²³. Наконец, совершенно неясно, как связать со Средним Подунавьем упомянутых Мартином бургундов и аланов.

Итак, нам остается предположить, что стихотворец

либо ставил этнонимы в перечень без разбора, какие приходили в голову, либо черпал из литературного источника. Зная установку классицизирующих авторов на подражание и заимствование, легче допустить второе. Так оно и оказывается. Издатель Ч.Барлоу, назвав перечень Мартина "изящным метрическим ухищрением", указывает на его родство с риторизированными списками у поэтов У.в. Драконтия и Сидона Аполлинария, а также высказывает догадку, из каких именно стихотворений Сидона Мартин мог черпать этнонимы /МО, 276/.

Заглянем в соответствующие произведения Сидона. Вот его панегирик императору Майориану /№ 5/. Идет перечисление племен, собранных для похода в Галлию:

"...бастарн, свев,
паннонец, невр, хун, дак, алан,
беллонот, руг, бургунд, вез, алтер,
бизальт, острогот, прокруст, сармат, мосх
пошли за твоими знаменами"²⁴.

А вот другой перечень, из панегирика императору Авиту /№ 7/:

"...за воинственным ругом и сопровождающим его галоном следует угремый гепид; бургунд подгоняет скира,
хун, беллонот, невр, бастерн, тюринг,
бруктер, коего омывает пахнущая морским латуком ни-
кейская волна,
рвется вперед франк..."

.....

ты, аламани, собираешь всех, кто попросил прощения
за свое безумство,
сакс..."²⁵.

Разумеется, и эти перечисления Сидона не более чем дань литературной моде: в них реальные для У.в. племена соседствуют с давно исчезнувшими²⁶. Каким же образом отбирал Мартин этнонимы из тех двадцати семи, что встречаются в списках Сидона? Ответить на этот вопрос нелегко. Прослеживается по крайней мере две тенденции. С одной стороны, брагский епископ отсеивает имена, уж совершенно

ничего не говорившие человеку VI в.: беллоноты встречаются у одного Валерия Флакка, бастарны исчезли в конце VII в., бруктеры во II в., последним упоминает гелонов – Вергилий²⁷, невров – Аммиан Марцеллин²⁸; столь же мало могли быть на слуху бизальты и геты²⁹, а кто такие прокрусты и алиты, нам вообще неизвестно. С другой стороны, нельзя не заметить, что Мартин не почерпал из Сидона и те этнонимы, которые были ему знакомы очень хорошо: везы (т.е. визиготы), скиры, гепиды. Итак, хотя никакой ярко выраженной концепции в отборе проследить у Мартина не удается, ясно по крайней мере то, что он не стремился специально вставить в свой перечень знакомые ему с детства названия племен.

Но не все, что есть у Мартина, заимствовано им из Сидона – три этнонаима (хоронима? политонима?) являются инновациями брагского епископа: "дат", "нара (норец?)" и "слав"³⁰. К сожалению, нигде больше ни "дат", ни "нара" не встречаются. Коль скоро в одном из трех дошедших манускриптов Мартина вместо "datus" стоит "danus" /МО, 282/, можно предположить, что перед нами испорченное рукописной традицией обозначение племени данов/датчан³¹. В таком случае это еще одно опровержение идеи, будто Мартина интересовали только народы Подунавья. Относительно "пага" высказывались гипотезы, что это измененное "погиет" т.е. житель Норика. Тогда термин встал бы в один ряд с "паннонцем" и "даком", обозначая какое-то варварское население бывшей римской провинции, но какое именно – неизвестно. Идея Е.Ч.Скрягинской, что "нара/норец" есть приложение к "слав", т.е. что перед нами "славянин из Норика"³², не кажется нам достаточно обоснованной: одной ссылки на "Повесть временных лет" тут явно недостаточно. И, наконец, третий этноним, являющийся самостоятельной вставкой Мартина в племенную "обойму" его предшественников – это "слав". К сожалению, нет возможности понять, что в глазах стихотворца объединило эти народы между собой, так что придется ставить вопрос только о самих славянах. Что заставило Мартина выделить их в своей памяти?

Резоны, выдвигавшиеся славистами раньше, должны быть, по нашему мнению, отброшены: как мы выяснили, Мартин неставил себе задачей погрузиться в сладкие воспоминания детства, дабы выуживать оттуда какие бы то ни было имена. Но даже если бы он задался подобной целью, вряд ли ему пришли бы на память славяне: все-таки остается фактом, что их присутствие отмечено лишь в Чехии и Моравии, да и то лишь с 30-х гг. VI в.³³ Значит, о них еще могли слышать в Паннонии ПЕРВОЙ, но Мартин-то родился, как было сказано, в Паннонии ВТОРОЙ, за сотни километров от любых засвидетельствованных славянских поселений. Так что оставим в покое детство Мартина и задумаемся о его зрелых годах.

Здесь есть один момент, который мы сознательно опустили, излагая его биографию. Что заставило монаха из Святой Земли тронуться ровно на противоположный конец ойкумены, в далекое варварское королевство? Сам Мартин в сочиненной для себя эпиграфии пишет: "Рожденный в Паннонии, преодолев огромные морские просторы, прибыл в леса Галисии, ведомый Божиим произволением" /МО, 281/. Ч.Барлоу видит ситуацию в общем так же: прямо в Святой Земле Мартин вдохновился на миссионерскую деятельность /МО, 2/. Но Я.Шашель разумно предположил, что одного божественного произвола для такого предприятия было недостаточно: за миссией Мартина стоял Юстиниан с его глобальными планами "реконкисты"; на Мартина же выбор пал потому, что он с детства знал не только латынь с греческим, но и готский язык, необходимый для общения со свевами³⁴. Эта гипотеза звучит совершенно убедительно во всем, кроме одного: почему в Галисию должен был ехать паннонец, причем что связи Испании с Византией были тогда очень обширны и в той же Святой Земле, несомненно, жило множество монахов (среди них, видимо, богословы и переводчики) родом прямо с Пиренеев /ср. МО, 53, 84-85/, которые знали тамошнюю специфику лучше Мартина и куда больше пригодились бы для миссии.

Все это наводит на мысль, что первоначально Мартину

предназначалась другая роль. Дело в том, что с конца 40-х гг. VI в. в Среднем Подунавье стала происходить новая подвижка политических сил. Если в I пол. 30-х гг. франко-лангобардо-гепидская коалиция вытеснила оттуда остготов (что и вызвало, напомним, бегство Мартина в Византию), то в 547 г. этот союз распался. Лангобарды заключили союз с Империей, неприкрыто направленный против королевства франков. Юстиниан "подарил" лангобардам Савию и восточную часть Средиземного Норика, сам же рассчитывал получить Сурмий в результате их войны с гепидами. Но та закончилась ничем, было объявлено двухлетнее перемирие, и тогда Константинополь стал действовать иначе, заключив договор с гепидами. В военно-дипломатическую комбинацию вовлекались новые племена: кутригуры и славяне. Когда в 550 г. лангобардо-гепидская война вспыхнула снова, Юстиниан расторг договор с гепидами, ссылаясь на то, что они помогают врагам Византии славянам. Мы не станем вдаваться в дальнейшие подробности³⁵. Подчеркнем лишь, что на рубеже 40/50-х гг. Паннония Вторая оказалась в центре внимания константинопольского правительства. Именно с этим мы склонны связывать появление на политической сцене Мартина, уроженца этих мест. Как его собирались использовать, мы не знаем. Может быть, хотели послать с миссией к арманам гепидам? Или даже послали? Или он как-то посредничал у местного романского населения? Ведь Григорий Турский пишет, что Мартин прибыл в Галисию "с родины", твердо зная, что родился тот в Паннонии. Но, видимо, что-то не задалось, и миссионера решили использовать в другом месте, хотя, впрочем, в том же стратегическом ключе противодействия франкскому влиянию. Если это так, то Мартин знал о славянах не понаслышке — они стали существенным фактором той политической ситуации, в которую был, возможно, задействован и он сам.

Но пусть все это лишь домыслы. Пусть отказ Мартина от монашеского уединения в далекой Палестине никак не связан с одновременными событиями в его родной Паннонии. Даже и тогда невозможно допустить, чтобы миссионер, при-

уготовляемый к апостольскому служению, не провел какого-то существенного времени в Константинополе. Ведь Юстиниан рассыпал миссии ко многим "варварским" племенам; поселившимся на землях бывшей Римской империи; это было частью его грандиозных планов реставрации³⁶. Наверняка получал соответствующие инструкции и Мартин - авторитет Константинополя оставался для него непререкаем еще и многие десятилетия спустя /см. МО, 254, 257/. И в этом случае он не мог не услышать имени славян: из-за их грабительских рейдов оно явно было в Константинополе у всех на уотах именно в 548-551 гг. Как раз накануне отбытия Мартина в Галисию славяне были главной политической сенсацией. Недаром о них практически одновременно, будто сговорившись, пишут около 550 г. такие непохожие друг на друга авторы, как Прокопий, Иордан и Псевдо-Кесарий. А ведь их сообщения и есть то первое, что мы узнаем о славянах вообще!

Итак, в 558 г., сочиняя похвалу Мартичу Турскому, епископ Браги Мартин вспомнил о славянах потому, что это имя врезалось ему в память семь или восемь лет назад, когда он еще только собирался сесть на корабль, дабы плыть на край света. Конечно, нельзя вовсе исключить возможность того, что какая-то информация об этом племени просочилась в Свевское королевство через купцов, дипломатов или паломников. Но это маловероятно, ибо с 554 г. Византия находилась в состоянии войны с государством визиготов, через которое только и могли осуществляться контакты Галисии со Средиземноморьем.

Таким образом, упоминание славян в стихах Мартина Брагского никоим образом не может служить доказательством присутствия этого народа в Паннонии (или где бы то ни было) в начале шестого века, но является ярким свидетельством того впечатления, которое произвели славяне на византийцев в середине этого столетия.

I. Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. СПб., 1883, т. II, вып. 2, с. 432. Стихотворе-

- ние Мартина издано Р.Пейпером в качестве приложения к тому сочинению Авита, но сам издатель двух этих авторов, конечно, не путает: *Alcimi Ecdicci Aviti Opera quae supersunt. Rec. R. Peiper. B.*, 1883, S. I94.
2. Мишулин А.В. Древние славяне в отрывках греко-римских и византийских писателей по УП в. н.э. - ВДИ, I94I, № I, с. 23I. Мишулин не знал об известии Псевдо-Кесария, которое тогда датировали IУ в., а может быть, скандальный характер сведений, сообщаемых о славянах этим автором, заставил целомудренно умолчать о нем.
3. Иордан. О пребытии и действиях гетов. Комм. Е.Ч. Скряинской. М., I960, с. 2II.
4. Lowmianiski H. Poczatki Polski. Warszawa, I964, t. II, s. 3I3.
5. Martini Episcopi Bracarensis Opera omnia//ed. C.W. Barlow. New Haven, I950 (Далее ссылки в тексте на: MO), p. 3.
6. Gregorii Turonensis Historia Francorum, V, 37.
7. Šašel J. Zur historischen Ethnographie des mittleren Donauraums//Die Völker an der mittleren und unteren Donau im V und VI Jh. Wien, I980, S. I3-I4.
8. Šašel J. Divinis nutibus actus// Historia, I978, v. 27, p. 253.
9. Werner J. Die Langobarden in Pannonien. München, I962, S. I34-I35.
10. Šašel J. Divinis..., p. 253.
11. Корсунский А.Р., Гюнтер Г. Упадок и гибель Западной Римской империи и возникновение германских королевств. М., I984, с. 58-6I.
12. Корсунский А.Р., Гюнтер Г. Упадок и гибель Западной Римской империи и возникновение германских королевств. М., I984, с. 58-6I.
13. Gregorii Turonensis De miraculis s. Martini, I, II// PL, I849, v. 7I, col. 925.
14. Šašel J. Divinis..., p. 250-25I. О византийском влиянии в Испании см.: Корсунский А.Р. К вопросу о византийских завоеваниях в Испании VI-УП вв.// ВВ, I957, т. I2.
15. Gregorii Turonensis Historia Francorum, V, 37.
16. Текст издавался пять раз. Последняя его публикация:

- I7. К сожалению, нам остались недоступны работы о культе св. Мартина: Ewig E. Le culte de s.Martin à l'époque franque//Revue historique de l'église de France, I96I, v.47; Idem. Die Martinuskult im Frühmittelalter//Archiv für Mittelrheinkirchengeschichte, I962, Bd.I4; Delaruelle E. La spiritualité des pèlerinages à Saint Martin de du V au X s.// Atti del IV convegno di Todi sul tema, Pellegrinaggi e culto dei santi in Europa fino alla prima Cruciate.Todi, I96I I8. Vieillard-Troiekou roff M. Les monuments religieux au la Gaule d' après les œuvres de Grégoire de Tours.Lille, I977, p.450.

Хотя ни Мартин Брагский, ни тем более Мартин Турский не проповедовали славянам (вопреки Dittrich Z. Christianity in Great Moravia.Groningen, I962, p.25), тем не менее в средние века существовала какая-то традиция, связывавшая последнего со славянской миссией: недаром св. Колумбан и св. Аманд, первые настоящие миссионеры у славян, прежде чем отправиться к ним, посещали Тур и проводили ночь у гробницы святого, прося его о помощи (Stauber J. Saint Columban et les Slaves//Slavic and East-European Studies, I956/7, v.1, p.237). Но вот вдохновляемься стихами Мартина Брагского они при этом не могли, как бы ни казалось такое предположение заманчивым автору названной выше статьи: эпиграфия находилась все-таки не в Type, а в Brage /MO, 276/.

I9. Lowmiański H. Początki..., s.3I4; Sašel J. Divinis..., p.253; Szydlowski J. Zur Anwesenheit der Westslawen an der mittleren Donau im ausgehenden V und VI Jh.//Die Völker..., s.235; Klanica Z. Počatky slovanského osídlení našich zemí.Praha, I986, s.10 etc.

20. Трубачев О.Н. Языкознание и этногенез славян // Вопросы языкоznания, I984, № 3; I985, № 4 и др.

21. Pohl W. Gepiden und Gentes an den mittleren Donau nach dem Zerfall des Attilasreiches // Die Volker..., s.289

22. Werner J. Die Langobarden... S.143.
23. Procopii Caesariensis De bello Vandalico, I, 2, 4-5.
24. Sidonius. Poems and Letters. Cambridge, 1936, v. I, p. 102.
- 25, Ibid., p. 146. Cf.: Dracontii Romulea, V, 34-35.
26. Loyen A. Recherches historiques sur les panégyriques de Sidoine Apollinaire. P., 1942, p. 52.
27. Ibid.
28. Негтманн А. Neuroi // RE, 1936, Bd. 33, col. 158-161
29. Cf: RE, 1899, Bd. 3; 1912, Bd. 7.
30. Удивительно, почему осознание этого факта совершенно не поколебало веры Я. Шашеля в то, что Мартин рисует подлинную картину расселения племен в Паннонии (см.: Klanica 1976, т. 24, 151).
31. Ошибочным кажется утверждение Х. Ловмяньского /313/, что это дублетная форма к "даку".
32. Иордан..., с. 211-212.
33. Klanica Z. Počatky..., s. 215.
34. Šašel J. Divinis..., p. 250-251; 254.
35. Werner J. Die Langobarden..., S. 140-141; Wozniak F. Byzantine Diplomacy and the Lombard-Gepidic Wars // Balkan Studies, 1979, V. 20, p. 148-152 etc.
36. Engelhardt I. Mission und Politik in Byzanz. Ein Beitrag zur Strukturanalyse Byzantinischer Mission zur Zeit Justins und Justinians. München, 1974, S. 12-99.

Г. Г. ЛИТАВРИН

О ПОХОДЕ АВАРОВ В 602 г. ПРОТИВ АНТОВ

Известие Феофилакта Симокатты под 602 г. о походе аварского военачальника Аспиха против антов неизменно останавливало и останавливает на себе внимание всех исследователей, занимающихся историей нижнего Подунавья и Приднестровья в VI-VII вв. и в особенности историей древних славян и аваров. Было бы неблагодарной трата времени и места перечислять здесь и комментировать множество мнений, догадок и гипотез, выдвинутых в историографии в

объяснение событий, связанных с походом Апсиха.

Приведем же это краткое известие:

"Когда приближалось лето /602 г./, до императора Маврикия дошел слух о том, что хаган нарочито сделал явной отсрочку войны, чтобы в то время как силы римлян рассеяны, неким неожиданным переходом напасть на окрестности Византии. Поэтому он приказал стратигу оставить Адрианополь и повелевает совершить переправу через Истр. Итак Петр готовится выступить в поход против сил Славинии. Написал он и Воносу (а человек это известный из царских телохранителей, которого в народе обычно называют скрибом), так как в то время он должен был служить стратигу Петру. Суть же письма была в том, чтобы доставить плавательные средства римлянам для переправы через реку. И постратигом же войска Петр поставил Гудуина. Итак, Гудуин, перейдя реку, убил острым мечом множество неприятелей; взяв же большой полон, он сподобился великой славы. Тогда как римляне пытались затем вернуться в свою землю, Гудуин пока помешал им сделать это. Между тем хаган, узнав о походе римлян, послал Апсиха с войсками, чтобы было уничтожено племя антов, которое оказалось союзным римлянам. Когда это происходило, восстали некоторые соединения аваров и поспешили перейти к императору. Посему хаган при слухе /об этом/ забеспокоился и, будучи сильно испуганным, всячески умолял /их/ и придумывал разные способы вернуть восставшее войско".^I

Сразу вслед за этим отрывком идет пассаж, в котором подробно сообщается о приказе Маврикия осенью 602 г. воинам зимовать в стране славян и о волнениях в войске, вызванных этим приказом. Войско восстало, двинулось на Константинополь, и в конце ноября 602 г. Маврикий был свергнут.

Сообщение Феофана, использовавшего среди прочих источников также и сочинение Феодилакта Симокатты, мало добавляет нового к описанию этих событий. Феофан, как кажется, просто сокращает Феодилакта Симокатту в этом месте, не всегда сохраняя точный смысл оригинала. Тем не ме-

нее процитируем и это известие.

"Василевс же, узнав, что хаган идет на Византий, велит письмом Петру вернуться к Истру и посыпает скривона Воноса с флотилией переправить войско. А Петр, послав ипострата Гудуина на ту сторону Истра, захватил большой полон. Узнав об этом, хаган послал Апсиха с войском, чтобы он уничтожил племя автов как союзника ромеев. Когда же это произошло, часть варваров перешла к ромеям".² Непосредственно далее следует сентенция согласно которой Маврикий счел случившееся божьей карой за его отказ выкупить пленных ромеев у хагана два года назад.

Отмечу важнейшие отличия в свидетельствах Феофана от сообщения Феофилакта Симокатты. Грубой ошибкой Феофана мы считаем его заявление, что авары ужешли в направлении к Константинополю, когда Маврикий отдал приказ Петру выступить из Адрианополя к Дунаю. Такой марш хагана был бы равнозначен объявлению войны. Особенность же ситуации в течение всего лета 602 г. заключалась в том, что обе стороны усиленно делали вид, что они воздерживаются от войны и старались не дать повода в обвинении, что тот или другой нарушил формально сохраняемый мир. Известие Феофана позволяет, кроме того, думать, что флот для переправы войска Петра через Дунай был послан из мест, находившихся не на реке, а где-то в ином месте (может быть, в столице). Ошибочным или небрежным пересказом оригинала представляется свидетельство Феофана, что часть "варваров" перешла на сторону ромеев после того, как Апсих действительно выполнил поставленную хаганом задачу. Феофан нечеток также и в том, что говорит о перебежчиках просто как о "варварах", тогда как у Феофилакта прямо сказано об аварах. Наконец заключение пассажа у Феофилакта представляет собой рассказ в целом об успешном для ромеев ходе дел (мир с хаганом удалось сохранить, побеждены славяне, взят большой полон, часть аваров изменила хагану, в спокойствии прошел остаток лета и наступила осень). У Феофана, напротив, пассаж завершается сентенцией, согласно которой Маврикий расценил ход событий как тяжелую неудачу.

чу, как свидетельство гнева божьего, причем в контексте известия Феофана таким несчастьем можно счесть лишь якобы действительно состоявшийся разгром аварами союзных ромеев антов (Феофан употребляет здесь в обороте *genit. absol.* совершенный вид причастия прош. врем. — тобтоу бѣ γενομένου тогда как Феофилакт имеет в этом же месте в виду не одно событие — поход Апсиха — а много других (предшествующих) и использует несовершенный вид: тобтоу бѣ γεγομένων. Видимо, упомянутая сентенция Феофана — следствие сокращения им своего источника. Ее надо связывать не с предшествующим, а с последующим текстом — с рассказом о роковом для Маврикия восстании войск на Дунае.

В исторической литературе широко распространено мнение, что авары разгромили союзное объединение антов и что именно в связи с этим анты перестали быть союзниками империи и само их имя исчезло из источников.³ При этом обычно не уточняется, все ли анты входили в "уничтоженный" Апсихом союз и действительно ли рейд аваров в 602 г. коснулся обширных территорий между Подунавьем и Приднепровьем, занятых племенами антов. Иначе говоря, кочующие из работы в работу выводы, касающиеся похода Апсиха, предполагают подлинную катастрофу, которая будто бы постигла восточных славян, и позволяют заключить о чрезвычайном могуществе Аварского хаганата, совершающего карательные экспедиции из своего центра в Паннонии далеко на восток, вплоть до Днепра. Впрочем, высказывались в науке и возражения против столь расширительного толкования известия об аварском походе.⁴ Мы некогда допускали поражение лишь одного из союзов антов, ближе других расположенного к Нижнему Подунавью, и прекращение в результате их похода их союзных отношений с империей.⁵ В.В.Седов справедливо указывал на то, что сообщение Феофилакта не дает никаких оснований для заключения об уничтожении антов Апсихом; более того — археологические свидетельства прямо противоположны: во-первых, не обнаружено никаких следов аварского погрома; во-вторых антские поселения в между-

речье Днепра и Дуная существовали непрерывно в течение VI-VII вв.⁶ Из новейших археологических раскопок известно теперь и об античных древностях, датируемых VI-VII вв., в самом Нижнем Подунавье и во многих других районах Балканского полуострова, в том числе в Добрудже.⁷

Вернемся, однако, к процитированному источнику. Констатируем прежде всего то, что представляется очевидным. Такими очевидными фактами, на наш взгляд, можно считать следующие. Приказ Маврикия войскам империи вторгнуться в Славинию, расположенную к северу от Истра, представлял собой превентивную меру, способную помешать походу хагана на Константинополь. Это была демонстрация готовности империи к войне: хагану, кроме того, давали понять, что возможно новое вторжение ромеев в Банат, где всего год или два назад он потерпел тяжелое поражение. Сам Петр не участвовал в походе за Дунай, оставаясь на правом берегу Истра, несомненно, с частью воинских сил, доверенных ему. Решение хагана направить Апсиха против антиков явно мотивировано двумя причинами: походом византийцев за Дунай и тем обстоятельством, что антии являлись их союзниками. Мир между тем формально не нарушался ни походом ромеев за Дунай (они имели на это право по договору 600/31 г.) ни походом Апсиха. До непосредственной схватки хагана и ромеев дело не доходило. Наибольшим ущербом хаган счел для себя переход части его войск на сторону императора.

Со значительной степенью вероятности из процитированного сообщения можно заключить, что хаган отказался от намерения выступить на Константинополь сразу после получения известия о переходе войск империи через Дунай: в противном случае трудно признать оправданным его решение отправить в поход против антиков Апсиха, своего непосредственного военного заместителя (в другом месте Феодилакт Симокатта называет его "ипостратигом сил аваров"⁸), отделив для него значительную часть войска. Гудуин, задержав переправу своих войск и взятое полония на правый берег Дуная, выполнил скорее всего инструкции Петра — необходимо было подождать реакции хагана на случившиеся

события. Может быть, к тому же, что уже в это время (летом 602 г.) Петр знал о замысле императора Маврикия заставить войска зимовать в стране славян, хотя приказ об этом был отдан лишь осенью, как пишет Феофилакт Симокатта, сообщающий тут же, кстати говоря, что войска империи оставались в землях славян вплоть до осени и, лишь узнав о приказе и вознегодавши, воины самовольно вернулись из-за реки и пришли к отоянке войск в Палаццоле (у устья р. Вит, владающей в Дунай против устья его левого притока Олта).⁹

Но гораздо больше в известиях Феофилакта Симокатты загадок. 1) Против какой Славинии выступили ромеи: против славян левобережья нижнего Дуная (между рекой и южными склонами Карпат) или против славян в Банате, в бассейне Тисы, куда византийцы совершили победоносные походы в 600/01 гг. где наиболее многочисленными в составе выступивших против них войск были именно славяне?¹⁰ 2) Почему поход против славян должен был заставить хагана изменить свои военные планы относительно Константинополя – ведь походы ромеев против славян в этот район в 594 и 595 гг. заботили хагана лишь постольку, поскольку он надеялся разделить с ромеями взятую ими у славян добычу?¹¹ 3) В чём, когда и где анти как союзники оказали помощь ромеям против аваров или готовы были ею оказать? 4) Где находились основные силы хагана во время похода Гудуина за Дунай и где совершилось присоединение части аваров к войскам императора? 5) Часть какого войска (самого хагана или соединения Апсиха) составляли изменившие хагану отряды? 6) Каков был путь войска Апсиха, выступившего против анти – по правому или левому берегу Дуная? 7) Выполнил ли Апсих поставленную перед ним хаганом задачу и вообще достиг ли Апсих мест расселения анти?

Разумеется, не на все эти вопросы возможен аргументированный ответ. Что касается первого вопроса, то в литературе не высказывается, насколько мне известно, совершенно никаких сомнений в том, что имеются в виду так называемые "дакийские" славяне. Нам, однако, это суждение

не представляется бесспорным. Под "Славинией" у Феофилакта подразумеваются не обязательно только военно-политические союзы "дакийских" славян, а более широко – вообще заселенная славянами территория за Дунаем. Известны еще два случая употребления термина "Славиния" в этом смысле (у Феофана под 658 и 688/89 годами), причем в обоих этих случаях речь идет отнюдь не о территории между Дунаем и Карпатами.¹² И все-таки мы склоняемся также к мнению, что под "Славинией" Феофилакта следует понимать земли "дакийских" славян, так как осенью, поддавшись на уговоры Петра, воины начали было строить плоты для переправы где-то в районе устий рек Вит и Осм.¹³ Значит здесь и должно было совериться их возвращение на левый берег. Правда, дело до этого не дошло: вскоре, вместе с начавшимися осенними дождями, они снова взбунтовались и ушли с Дуная.

2. А.Н.Авенариус полагает, что, не доводя дело до открытого столкновения, каждая из враждующих сторон пока выступила против союзников друг друга: ромеи напали на союзных хагану славян за Дунаем, а авары – на союзников ромеев – антов.¹⁴ Иначе говоря, и та и другая сторона обязывала славян и антов помочь им в войне, но не брала на себя подобных обязательств в отношении к ним. Эта гипотеза вполне закономерна, однако необходимо сначала обосновать тезис о том, что "дакийские" славяне (а А.Н. Авенариус имеет в виду именно их) были подлинно союзниками хагана. Тот факт, что хаган многократно заявлял свои претензии на господство над этими славянами как его "подданными", отнюдь не означало, что именно так дело обстояло в действительности и что славяне бывшей Дакии выполняли в это время его приказы и помогали именно ему в своих набегах на земли империи. Одновременность враждебных действий против ромеев аваров и "дакийских" славян еще не доказательство того, что славяне "Дакии" были подвластны хагану.¹⁵ Но это – особая тема, которой мы уделяем внимание в другой работе.

Во всяком случае, невозможно, по нашему мнению, говорить о "дакийских" славянах как о части воинских сил

хагана: он не предпринял в их защиту даже дипломатического демарша перед Мавриkiem или Петром. Не мешал он и переправе на правый берег войск ромеев с их добычей, не вымогал себе ее доли, как делал это несколькими годами ранее, не требовал освобождения полона¹⁵. Самое большее, что мы можем здесь допустить – это какое-то соглашение хагана с "дакийскими" славянами накануне похода на Константинополь, предусматривающее одновременные действия против империи и давшее повод ромеям для похода, который имел целью "малой кровью" сорвать планы аваров.

3. Логически закономерным был бы вывод, что летом 602 г. антов непосредственно – как особого соединения (союзного) – в войсках империи не было. У Железных ворот археологи обнаружили немало типично антских фибул.¹⁶ Но обронены ли они тут были в ту эпоху во время совместных походов с ромеями или во время самостоятельных набегов на империю, сказать невозможно. Судя, однако, по дальнейшему ходу событий, передовой отряд Гудуина, переправившийся за Дунай первым и действовавший там с максимальным успехом, не состоял из антов: эти воины затем (осенью) вернулись самовольно и требовали – как истинные ромеи – соблюдения их законных прав (традиционной оплаты и расквартирования на зиму в своей – имперской – земле, а не в "стране славян").

Не был поход Апсиха направлен и против какого-то антского соединения в составе войск Петра, оставшихся на правом берегу, так как в таком случае выступление Апсиха (против антов) было бы походом вообще против имперского войска. На такой вывод данные источника не дают права. Не исключено, впрочем, что анти ударили по "дакийским" славянам с востока, когда Гудуин перешел Дунай, и, оказав как союзники эту помощь ромеям, вернулись домой (так ход событий видит, как кажется, П.Шрейнер¹⁷). Следовательно Апсиху была поставлена цель напасть на места постоянного поселения антов. Но и в этом случае необходимо определить, где, на левом или на правом берегу, находилось союзное империи антское племя. Ч.Бонев решительно

отстаивает мнение, что поселения антов-Федератов, во всяком случае с конца VI в., имелись и на правом берегу, опираясь прежде всего на данные археологии¹⁸. Но даже если такие воинские поселения антов и были в Добрудже, вряд ли они имели для империи то важное значение, о котором можно заключить из сообщения Феофилакта Симокатты.

Можно ли думать, что это были анти левобережной долины Дуная? Исключительно важные сведения о них как раз для этого времени содержатся в "Стратегиконе", написанном самим императором Маврикием (582-602 гг.), полководцем, приобретшим личный опыт в столкновениях со славянами и антами. Эти анти заселяли тогда земли к северу от Дуная в пределах досягаемости их селений византийскими войсками¹⁹. Часто высказываемое мнение, которое разделяли и мы²⁰, что союз живущих у нижнего Дуная анти с империей был непрерывным с 545 по 602 г., видимо, требует оговорок. Известия "Стратегикона" Маврикия, где анти рассматриваются как потенциальные противники империи, невозможно истолкововать иначе, как указание на какие-то недавние столкновения с ними. Поэтому возможны, на наш взгляд, два решения этого вопроса. Либо договор с анти левобережья Дуная вообще был возобновлен еще до правления Маврикия, при Тиверии (578-582 гг.), а Маврикий сохранил к ним настороженное и враждебное чувство со времен своей молодости, когда он сталкивался с ними с оружием в руках²¹. Либо же анти "Стратегикона" и анти - союзники империи - это совершенно разные их объединения, живущие в разных районах.

Археология позволяет локализовать интересующие нас антические поселения к северу от нижнего Дуная в VI-VII вв., в междуречье средних течений Сирета и Прута и в междуречье нижних течений рек Олта, Арджеша, Яломиды и Бузэу. Но особенно плотными были по археологическим данным поселения анти в это время в междуречье среднего течения Прута и Днестра и в верховьях этих рек²².

Что касается ближайшего к империи из названных антических регионов, то считать имевшю его союзником Византию на

^{иц}
нам ~~всегда~~ невозможно в силу нескольких причин: будь эти анты союзниками империи, они должны были постоянно считаться с опасностью нападений славян, которые как раз в это время выступали в качестве непримиримых врагов империи. Главное же состоит в том, что именно сюда, в район названных рек, в 594-595 гг. и, вероятно, в 602 г. византийцы, согласно данным того же Феофилакта Симокатты, направляли свои удары по славянам. Мы думаем поэтому, что союзники империи при Маврикии были, скорее всего, анты Среднего Поднестровья (где в последующем проживали тиверцы. "Места их поселений, - пишет В.В.Седов, - целиком расположены в области расселения антов". Вплоть до X в. в их среде сохранились, согласно данным русской летописи, традиции владения греческим языком²³.

Умеющие строить средства передвижения по рекам (Днестру, Пруту, Дунаю) и по морю и отлично управлять ими, анты в случае необходимости могли в недельный (самое большое) срок достигнуть устья Дуная или города-крепости Томи (Константинополь), ставки имперских войск именно в это время.

Конечно, не давняя ненависть хагана к антам времен столкновения с ними в Поднестровье в 50-60-х годах VI в. обусловила приказ хагана Апсиху идти на антов. Вряд ли можно допустить также, что анты летом 602 г. непосредственно помогали Гудуину громить славян, а поэтому и вызвали взрыв ярости хагана. Принять эту гипотезу мешает, кроме вышеуказанных причин, еще одно обстоятельство. Дело в том, что план похода против антов как союзников империи созрел у хагана, как мы думаем, еще до 601 г. Доказательство этого тезиса мы усматриваем в том, что к началу осени 602 г., согласно сообщению Феофилакта Симокатты, "полчища аваров собрались около так называемых Катарактов и там стал лагерем Апсих. Итак, когда ромеи пришли сюда, стратиг Петр обменялся с Апсихом, и постратигом войска аваров, посланиями. А Апсих помогался захватить Катаракты у ромеев. Когда же стратиг возмутился, дабы не звергли мир в полном подобными условиями, оба войска разошлись. Ха-

лан ушел в так называемую Константиолу, а ромей вернулся во Фракийские места размещения²⁴. (Непосредственно далее следует текст, приведенный на первой странице.)

Катаракты (Пороги), или Железные ворота, - самое узкое место Дунайской долины (до 150 м), зажатой здесь отрогами Южных Карпат с севера и северо-западными отрогами Стара-Планины с юга. Все известия, которыми мы располагаем, свидетельствуют о том, что переправы через Дунай (причем излюбленные у варваров) находились непосредственно ниже порогов (примерно, между Катарактами и устьем Тимока). Именно поэтому здесь была наиболее плотной система позднеримских оборонительных сооружений и крепостей, особенно на правом берегу, непосредственно над порожистым узким руслом Дуная²⁵. Причины этого понятны - крепости в этом "узком горле" с обрывистыми берегами служили не для того, чтобы мешать переправе: она была бы здесь крайне опасна и нерентабельна. Крепости у Железных ворот должны были препятствовать проходу вражеских судов (плотов, ладей) как вверх, так и вниз по течению реки. Любая цель внизу, на воде, от берега до берега, могла быть почти наверняка удитожена стрельбой из луков и камнеметов с высокого берега. Владея Катарактами, ромеи запирали здесь Дунай для любого неугодного им судна. Именно поэтому Петр отверг договор с хаганом на условиях сдачи Катарактов.

Никому иному в это время, кроме аваров, Катаракты как византийский комплекс крепостей не мешали. И никто иной, кроме аваров, не спорил в эти годы у империи право на владение ими. Они мешали аварам в двух отношениях: не позволяли им быстро спускаться на плавательных средствах в нижнедунайскую низменность для походов против ромейских провинций Нижней Мисии и Малой Скифии; они были также непреодолимой преградой для проникновения аваров в нижнее левобережье Дуная, в земли "дакийских" славян и антов.

Закономерно возражение: что мешало аварам вторгаться в нижнедунайскую долину по левому берегу реки - ведь

подконтрольная аварам территория (Банат) находилась по-соседству с Южным отрогом Карпат, обрывающимся у Железных ворот? Косвенный ответ на этот вопрос мы усматриваем, во-первых, в том, что авары предпочитали переправляться через Дунай всегда выше Железных ворот, на участке между Катарактами и районом, в котором русло реки резко отклонялось на север; а во-вторых в том, что источники абсолютно умалчивают хотя бы об одной попытке аваров пройти в левобережье нижнего Дуная носуху, через перевалы прилегающих к Дунаю Южных Карпат. Следует, видимо, заключить, что горные перевалы в этом месте, хорошо укрепленные "дакийскими" славянами, были недоступны для аварской конницы, да и славянские воины издавна – по свидетельству Прокопия Кесарийского – обладали особыми навыками борьбы в "тесных" местах²⁶, чуждых и страшных для степников-кочевников.

Возможно, однако, еще одно возражение: почему в 578/79 г., как сообщает Менандр, авары в качестве союзников императора отправились в низовья Дуная не на ладьях и плотах, хотя это было бы быстрее, а Катаракты в таком случае были бы для них открыты ромеями, но прошли по суше по правому берегу вплоть до Добруджи (Малой Скифии), где и были переправлены через реку на византийских судах²⁷. Но и это соображение нам не представляется серьезным доводом. Хотя среди подданных хагана в Паннонии и Банате большинство составляли славяне и именно они строили для хагана плавательные средства и наводили переправы²⁸, в условиях союза с империей переход конницы к Добрудже по суше (а не на плотах через порожистые Железные ворота) представлялся предпочтительнее и безопаснее.

Итак, попытка аваров взять Катаракты (хаган поставил для этого во главе своих войск испытанного полководца Апсиха) осенью 601 г. была предпринята, по нашему мнению, как одна из важных задач на пути к осуществлению плана похода против антов. Повторяю, нет ни единого известия о том, что начиная с появления аваров в начале 60-х годов VI в. на землях империи они хотя бы раз, само-

стоятельно переправившись на левый берег Дуная ниже Железных ворот, совершили поход против "дакийских" славян, кроме упомянутого нападения в 578/79 г., которое они сделали по просьбе ромеев. Сколько хаган ни заявлял или провозглашал, что "дакийские" славяне его "поданные", сколько он ни претендовал на получение с них дани, он не мог подкрепить свои домогательства никакими действенными мерами, и славяне "Дакии", сознавая бессилие хагана, чувствовали себя по отношению к нему совершенно независимыми. Лишь во время своих вторжений в пределы империи, в то же самое время, когда и аварские полчища рыскали по имперским провинциям, славяне "Дакии" могли оказываться под влиянием хагана и могли содействовать ему в его военных предприятиях. Так, вполне вероятно, что и они помогали в 586 г. хагану в осаде Фессалоник²⁹. Ч.Бонев констатирует, что археологические изыскания позволяют говорить об единовременных действиях и в Добрудже аваров и славян в конце VI в.³⁰

Итак, захват Катарактов, по мысли хагана, позволил бы ему осуществить серьезные военные планы, связанные с претензиями на господство над славянами нижнего Подунавья, в том числе над антами, и обеспечить контроль над коммуникациями между Паннонией и причерноморскими степями.

В 601–602 гг. главного, помимо ромеев, врага в этом регионе хаган видел именно в днестровских антах, и попытка овладеть Катарактами, как уже сказано, была в первую очередь связана с проектом похода против антов. Следовательно, совсем недавно, в войнах византийцев с ромеями, по крайней мере в 594–595 и в 599–600 гг., серьезную помощь ромеям оказали именно анти. Вероятно, они же поддержали ромеев и в 585 г. в сражениях с аварами³¹ у г. Томи, когда чуть-чуть не был взят в плен сам хаган Баян³¹.

Намереваясь осенью 601 г. захватить Катаракты, хаган надеялся весной–летом 602 г. развернуть боевые действия одновременно и против ромеев (вторжение во Фракию) и против антов (спустившись по Дунаю к его устью или – по

крайней мере – высадившись на левый берег нижнего течения реки для дальнейшего конного похода против аттов через земли "дакийских" славян). Разнятие событий нарушило планы хагана. Во-первых, Катаракты не были взяты. Ромеи начали операции против "дакийских" славян, предупредив их вторжение, которое, независимо от того, состояли или не состояли они в это время в союзе с хаганом, было в военном отношении ему выгодно. Непосредственно против хагана войска ромеев еще не были двинуты, поскольку и хаган еще не выступил в поход (свидетельство Феофана на этот счет мы считаем ошибочным – см. с. 17). Не исключено, что ромеи ждали прихода союзного войска аттов, и поход Апсиха должен был предупредить соединение сил ромеев и аттов, а возможно – вообще навсегда устранил для аваров всякую опасность со стороны аттов.

Апсих, по нашему мнению, должен был продвигаться по правому берегу Дуная³², причем переправа на левый предполагалось либо поблизости от Добруджи, либо в пределах самой Добруджи, так как переход Дуная в промежутке между Железными воротами и Никополем делал неизбежным столкновение о войском Гудуина, уже стоявшем на левом берегу на пути к району расселения аттов. Остатки ромейских сил во главе с Петром, оставшиеся на правом берегу, видимо (до подхода атских отрядов), расценивались как недостаточные для преграждения пути войску Апсиха, да и возможность маневра для аварской конницы в Мисии (обойти заслоны) была практически неограниченной. Следует полагать также, что в этот поход, которому хаган придавал особое значение, с Апсихом должны были, конечно, отправиться и соединения из подвластных хагану славян: они должны были обеспечить Апсиху переправу на левый берег Дуная.

4. Безусловно, можно только предполагать, где в это время (во время выступления Апсиха или в самой канун этого выступления) находился сам хаган с его основными силами. По всей вероятности, он стоял там, где обычно устраивал лагерь перед походами на ромеев и после таких походов, – у Константиона (города-крепости у устья Южной Мо-

рены) и Белграда (Сингидунума) или у Сирмия. Во всяком случае его войска находились в боевой готовности и вышли на исходные позиции, форсировав Дунай (выше Железных ворот) и Саву. Упомянутый выше раздор в войске хагана (или в войске Апсиха) произошел, по нашему мнению, не после похода Апсиха, а накануне похода или в его начале, задолго до прихода полководца в места, назначенные в качестве пунктов для переправы. В связи с этим еще раз подчеркнем, что фразу Феофилакта Симокатты "Когда это происходило, восстали некоторые соединения аваров..." мы понимаем в том смысле, что происходили: поход Гудуина, задержка римских воинов на левом берегу, получение Апсихом призыва о походе, а не в том, что часть войска аваров изменила только после завершения похода Апсиха (как это следует из данных позднего источника - из "Истории" Феофана)³³.

5. Раздор среди аварской знати вызвало, как мы уверены, именно решение хагана послать Апсиха против антов. Вероятно, часть видных аваров союзом иначе, чем хаган, рассматривала и размеры опасностей, ждущих Апсиха, и вообще перспективы на успех всего этого предприятия. Характерно, что еще в 594 г. часть аварской знати выражала несогласие с хаганом, требовавшим с ромеев, совершивших победоносный поход против "дакийских" славян, долю взятой ими добычи, и препятствовавшим возвращению ромеев на правый берег, пока они ему не уступили. Эти знатные авары говорили, что хаган поступает несправедливо (*μή εὐδίκης*)³⁴. Вероятнее всего, именно часть войска Апсиха переплыла, присоединившись к войскам Петра, находившимся в районе Палестина, причем перешла еще до того, как войско Апсиха достигло Добруджи. (Мы не исключаем, однако, отделения и какой-то части аваров от воинства, окружавшего самого хагана.).³⁵

Наконец, следует рассмотреть два последних вопроса, 6-ой и 7-ой. Наши ответы на них, как кажется, уже предопределены предшествующим изложением. Путь Апсиха, если он вообще успел отделяться от главного аварского воинства, пролегал, несомненно, по правому берегу Дуная. Задачу,

поставленную хаганом, Апсих, однако, не выполнил и вообще, как мы думаем, его поход против антов не состоялся. После измены части аварских войск Апсих должен был прервать поход и вернуться (если он действительно уже находился в пути). Измена в рядах авар явила последним фактором, окончательно сорвавшим все военные планы хагана на лето-осень 602 года. Феофилакт Симокатта пишет о сильном страхе хагана в связи с этой изменой, об отчаянных мерах, принимаемых им для возвращения ушедших частей. О какой-либо открытой, настоящей войне с ромеями и антами в этой ситуации не могло быть и речи. И действительно – военных действий между аварами и ромеями не было в этом году ни до ноября (когда произошел бунт в войске ромеев и оно оставило границы империи на Дунае), ни тем более зимой.

Вернемся, однако, к антам. Их имя – и в этом историки единодушны – действительно исчезло из источников после 602 г. Однако, почему это случилось, если, как мы пытались доказать, разгрому в 602 г. со стороны аваров они не подверглись? Во-первых, не совсем корректно все-таки и утверждение, что имя антов совсем не упоминается после 602 г. в источниках. Анты названы в титуле императора Ираклия (610–641 гг.) последний раз в его новелле от I.У. 612 г.³⁶ Официально, по-видимому, анты в это время еще считались союзниками ромеев. Во-вторых, союз ромеев с антами между 602 и 612 годами, если он формально сохранился, не находил, по-видимому, никакого реального воплощения. И причин^ы этого следует, скорее всего, усматривать не в нежелании ромеев поддерживать союзные связи сантами и не в пережитых союзником бедствиях, якобы заставивших их сняться со своих мест, а в уже упоминавшемся выше факте – в уходе ромеев с Дуная, в крушении их контроля в этом регионе и, как следствие, в разрыве связей империи сантами. Что же касается утраты антами своего старого имени, то вполне правдоподобным нам представляется мнение, согласно которому союз, носивший название "антов", распался в VII в. под влиянием внутренних причин

(а может быть и внешних - столкновений с протоболгарами), и в последующем анти Поместровья снова вышли на арену истории под новым именем. С начала X в. они известны под названием "тиверцы", славянского объединения на Тирасе - Днестре. Что же касается анти, обитавших непосредственно в низовьях Дуная и потерявших всякие связи с днестровским союзом, то они появились, как мы думаем, в конце 70-х годов VIII в. в византийских источниках под названием "северов".

1. ГИБИ, Т. П. // ИБИ, Т. Ш. София, 1959. С. 353-354.
2. ГИБИ, Т. Ш // ИБИ, Т. УІ. София, 1960. С. 256-257.
3. См., например, из новейших работ: Schreiner P. *Theophylaktos Simokates Geschichte*. Stuttgart, 1985, S. 357; Брайчевский М.Ю. Восточные славяне в I тысячелетии н.э. Автореферат докторск. дисс. Киев, 1988, с. 15-16. Ср.: Waldmüller L. *Die ersten Begegnungen Slawen mit dem Christentum und den christlichen Volkern vom VI. bis VIII. Jahrhundert*. Amsterdam, 1976, S. 162.
4. См., например: Avenarius A. *Die Awaren in Europa*. Bratislava, 1974, S. 109; Иванова О.В., Литаврин Г.Г. Славяне и Византия // Раннефеодальные государства на Балканах. VI-XII вв. М., 1985. С. 53.
5. Иванова О.В., Литаврин Г.Г. Славяне..., с. 53-54.
6. Седов В.В. Восточные славяне в VI-XIII вв. М., 1982. С. 28, 129.
7. Бонев Ч. Анти и славини в Добруджа през XI в. // Руско-български връзки през вековете. София, 1986. С. 56-61.
8. ГИБИ. Т. П., с. 353.
9. Там же, с. 354.
10. Там же, с. 352. См.: Иванова О.В., Литаврин Г.Г. Славяне..., с. 56.
11. ГИБИ, т. П., с. 328-330, 335, 341, 348, 352.
12. См.: Литаврин Г.Г. Славинии XI-XIX вв. - социально-политические организации славян // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. М., 1984, с. 195-198.
13. ГИБИ, т. П., с. 355.
14. Avenarius A. *Die Awaren...*, S. 108-109

- I5. По мнению Л.Вальдемюлера (Op.cit., S.160), поведение хагана летом 602 г. свидетельствует о его отказе от притязаний на господство над "дакийскими" славянами. Ср.: Sorlin J. Slaves et Sklavenes avantet dans les miracles de saint Demetrius//Appéndice III, dans: Lemerle P. Les plus anciens recueils des miracles de saint demetrius, v.II. Commentaire. Paris, q 1981, p.233.
- I6. Sorlin J. Op.cit., p. 233.
- I7. Schreiner P. Op.cit., S. 357.
- I8. Бонев Ч. Указ.соч., с. 58-59. Таково же мнение В.В.Седова Анты // Этносоциальная и политическая структура раннефеодальных славянских государств и народностей. М., 1987, с. I7-I8. Ср.: Sorlin J. Op.cit., p.231.
- I9. ГИБИ, т. II, с. 278, 281-289.
20. Литаврин Г.Г. О двух Хильбудах Прокопия Кесарийского // ВВ, 1986, т. 47, с. 27. О том же: Ditten. Zur Bedeutung der Einwanderung der Slawen // Byzanz im Jahrhundert. Berlin, 1978, S.93.
21. Не следует ли связать эту проблему с вопросом о дате написания "Стратегикона", так как представляется странным, что император, которому какие-то анты оказали существенную помощь, пишет столь враждебно вообще об антах? Может быть, Маврикий написал эти главы "Стратегикона" до восстановления союза с какой-то частью из них?
22. Седов В.В. Анты, с. I8.
23. Седов В.В. Восточные славяне..., с. I29-I30. Отметим, однако, что В.Тыцкова-Займова полагает, что сообщения о походе Аспиха нужно связывать не с какой-то частью антов, а со всеми ими как союзниками империи. Тыцкова-Займова В. Нашествия и этнические промены на Балканах. София, 1966, с. 70, 78.
24. ГИБИ, т. II, с. 353 (см. здесь же перевод Г.Цанковой-Петковой). По смыслу к этому переводу и к нашему близок и перевод П.Шрайнера (Schreiner P. Op.cit., S. 208-209). Тем более неожиданным для нас является (с оговоркой, что фраза "темная") его заключение в комментарии, что ради сохранения мира византийцы уступили, как кажется, Ката-

- ракты аварам - "Es scheint, dass die Frieden zu erhalten seitens der Römer die Katarakte (ibidem. s.356) zugestanden erhielten
25. См.: Иванов С.А. Оборона Византии и география "варварских" вторжений через Дунай в первой половине VI в. // ВВ, 1983, т. 44, с. 27-47; Он же. Оборона балканских провинций Византии и проникновение "варваров" на Балканы в первой половине VI в. // ВВ, 1984, т. 45, с. 38 сл.
26. Иванова О.В., Литаврин Г.Г. Славяне..., с. 51-52.
27. ГИБИ, т. II, с. 230-231.
28. Иванова О.В., Литаврин Г.Г. Славяне..., с. 43, 56.
29. Sorlin J. Op.cit., p.233. Иванова О.В. Славяне и Фессалоника во второй половине VII в. по данным "Чудес св. Димитрия" // Славянские древности. Киев, 1980, с.81-90.
30. Бонев Ч. Указ. соч., с. 59.
31. ГИБИ, т. II, с. 300.
32. Ранее, недостаточно внимательно рассмотрев источник, мы придерживались иной точки зрения (Иванова О.В., Литаврин Г.Г. Славяне..., с. 53-54).
33. Несовершенному виду причастия в этой фразе мы придаём особое значение и полагаем, что этот вид не чутился в переводе П.Шрайнера, что и отразилось на традиционном у него толковании данного места (Schreiner P. Op.cit.S. 209,357)
34. ГИБИ, т. II, с. 328.
35. Мы считаем, что изменили части, состоявшие именно из аваров (а не из славянских или гепидских подданных хагана). Именно это обстоятельство столь испугало и опечалило аварского властителя. Й.Штадтмюller, напротив, полагает, что это были славяне, отправленные хаганом в поход принудительно (Stadtmüller Й.Op.cit.,S.162)
- 36. Graeco-Romanum, v.III. Ed.C.Zachorial alingenthal. Lipsiae, 1857, s.33-34.
- P.S. Статья была написана до знакомства автора с диссертацией машинописной) Т.А.Дакета. в которой пересмотрены(признаны более поздними на 3-5 лет) даты походов римлян за Дунай против аваров и славян в 90-х гг. VI в. (Duket T.A. Study in Byzantine Historiography. An Analysis of Theophanes Chronographia and its relationship to Theophylact's History, the Reign of Maurice and the seventh Century to 711.Boston College Chestnut Hill.Massachusetts, 1980, p.17-18

О.В.ИВАНОВА

ВОССТАНИЕ 930 г. В БОЛГАРИИ И БОЛГАРО-ВИЗАНТИЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Византийская политика по отношению к иноэтническому (негреческому) населению в европейских провинциях империи – проблема недостаточно изученная в историографии.¹ Восстание 930 г., в результате которого произошло переселение значительной группы мятежников из Болгарии в Византию, интересует нас сейчас прежде всего в аспекте отношения империи к случаям массовой эмиграции с территории соседнего государства. Немаловажное значение для этого имеют и вопросы, связанные с характером самого восстания.

Изменение внешнеполитического курса Болгарии о приходе к власти Петра и заключение мира в 927 г. не только не привели к стабилизации внутренней обстановки в стране, но и обострили ее. Сближение с империей вызвало недовольство определенных правящих кругов, сторонников активной внешней политики Симеона: договор, несмотря на ряд уступок со стороны империи, которых добивался отец Петра (признание титула наследника за болгарским правителем, повышение ранга главы болгарской церкви, согласие на брак Петра с внучкой Романа I Лакапина) рассматривался ими как невыгодный для Болгарии, так как ей пришлось отказаться от территориальных приобретений, сделанных во второй войне Симеона.² Оппозиция незамедлительно выдвинула новых претендентов на престол – братьев Петра. Выступление в 928 г. в столице Ивана, которого поддерживали "вельможи Симеона", было быстро подавлено. Михаил же, старший из братьев (постриженный в монахи при жизни отца), восстал в 930 г. в одной из провинциальных областей Болгарии и ему удалось развернуть там широкое движение, грозившее перерасти в серьезную внутреннюю войну в стране. Однако смерть самого Михаила побудила восставших отказаться от своих первоначальных планов и уйти в Визан-

тию. Об этом событии сообщается очень кратко только в двух византийских источниках – у так называемого Продолжателя Феофана (Х в.) и в "Истории" Иоанна Скилицы (XI – нач. XII в.), сведения которых различаются лишь в деталях.³ Почему о восстании Михаила умалчивается в других источниках, в которых рассказывается о заговоре Ивана, (сочинениях Симеона Логофета и Льва Грамматика) можно лишь предполагать. Однако на основании этого факта вряд ли следует расценивать восстание как незначительное волнение в провинции Болгарского государства. Даже из кратких сообщений имеющихся источников следует, на наш взгляд, вывод о достаточно серьезной ситуации, сложившейся в пограничном районе. В свое время В.Златарский, подробно разобравший свидетельства византийских авторов о восстании, предложил свою интерпретацию этого события. Во-первых, по его мнению, в движение было вовлечено население целой области. Во-вторых, в "скифах" (как у Продолжателя Феофана названы восставшие) следует видеть потомков протоболгар Кувера, которые в конце УП в. были поселены Юстинианом II на Струмоне, а к середине IX в., видимо, оказались в составе Болгарского государства. И, в-третьих, восставшие имели договор с византийскими властями, чем и объясняется их свободный проход по территории империи⁴. Первое из этих предположений представляется справедливым. Когда "Михаил восстал в некой болгарской крепости", "к нему присоединились скифы, отделившиеся (διεστηκότες) от власти Петра".⁵ Так можно было бы сказать, по нашему мнению, лишь о какой-то компактной группе населения – например, о жителях целого района. Численность восставших, видимо, была значительной, если после переселения на территорию империи их не сразу удалось подчинить, о чём сообщает Иоанн Скилица. Маршрут их движения – из Македонии через Струмона в Элладу и затем в район Никополя – указывает на то, что оно начиналось в области к востоку от Струмона. Однако предположение о болгарах Кувера в данном случае вряд ли убедительно. Во-первых, их потомки должны были быть давно ассимилированы

местным славянским населением и уже не составляли какой-то особой этнической группы. Во-вторых, проблематично и то, что "скифами", которых Юстиниан II послал охранять клисуры Стимона, были протоболгары Кувера⁶. Этот архайчный этноним византийские авторы, как в предшествовавший период, так и в X-XI вв., довольно часто использовали и для обозначения жителей Болгарского государства.⁷ В восстании 930 г. могли принять участие и славяне при соединенной Симеоном территории, и собственно болгарское население, поскольку обстановка в приграничных областях была неблагополучной с начала 20-х годов X в. О неспокойствии на болгаро-византийской юго-западной границе в этот период свидетельствуют по крайней мере два факта: добровольный переход 20 тыс. болгар в Византию в 923 г., о чем сообщается в письме Романа Лакапина к Симеону (о недовольстве в Болгарии намекается и в письме Николая Мистика в 921 г.), и волнения византийских славян в Македонии, в районе Фессалонике, в 927 г., о которых упоминает Лиутпранд (X в.). Длительные болгаро-византийские войны при Симеоне принесли бесчисленные бедствия населению Македонии. Недовольство местных жителей, как в Болгарии, так и в Византии, могло быть легко использовано в каких-либо движениях против центральной власти. Именно такой ситуацией в какой-то области Восточной Македонии воспользовался Михаил в 930 г. Скорее всего восставшие были равнодушны к судьбам болгарской короны и переселение в Византию после смерти Михаила представлялось им более рациональным, чем продолжение восстания. Как уже отмечалось в историографии, при нестабильности ситуации в регионе длительный период, частом изменении пограничной линии местные жители начинают проявлять безразличие к подданству тому или иному государству⁸. Путь, проделанный восставшими от Стимона до Никополя, кажется очень значительным и, видимо, был для них нелегким, если учесть, что речь идет не о выступлении войска, а о движении населения со всей необходимой утварью. Продвигаясь вглубь Греции, болгары-переселенцы руководствовались прежде

всего желанием уйти подальше от границы, опасаясь мести царя Петра. Напомним, что на юго-западе в территорию Болгарии по договору 927 г., подтвердившему соглашение 904 г. вошла значительная часть Центральной и Южной Македонии. Проднигаясь по территории Греции с грабежами и, видимо, избегая столкновения с византийским войском, болгары искали спокойное место для поселения. Можно полагать, что выбор их пал на Южный Эпир не случайно. Фему Никополь населяли различные этнические группы, немалую часть из них составляли славяне из бывшего племени вакинтов, которые обосновались здесь еще в начале VIII в., и не были ассимилированы по крайней мере в X-XI вв.⁹ Скилица сообщает, что болгары захватили Никополь и там поселились. Однако вряд ли город или тем более вся фема были ими захвачены. Здесь, несомненно, точнее свидетельства так называемого Продолжателя Феофана, согласно которому болгары "достигли Никополя".¹⁰ В последствии они могли проникать в город мирным путем.

Переходя к вопросу об отношении византийских властей к болгарам-переселенцам, прежде всего хотелось бы выразить сомнение, что существовал предварительный договор восставших с империей, который якобы и обеспечил их свободное движение по ее территории. Даже если Михаил вел какие-то тайные переговоры с Византией, рассчитывая на ее поддержку, после его внезапной смерти переселение восставших произошло самовольно и неожиданно для Византии. Даже из очень кратких сообщений источников ясно видно, насколько их поведение не похоже на то, чтобы они сдались на милость императора, предоставив свою судьбу в его руки, как это бывало в других случаях: византийские авторы сообщают об этом переселении с явным осуждением, так как оно напоминало выступление войска и сопровождалось грабежами, византийские земли были болгарами захвачены, а покорить их удалось не сразу. Примечательно, что у Продолжателя Феофана ничего не говорится о подчинении болгар в Эпире, поэтому высказывались предположения, что оно произошло уже после составления этого произведения —

т.е. после 961 г., на котором оно заканчивается.¹¹ Скилица же говорит: "позже побежденные различно, они стали подчиненными ромеям" (Βιτινες μαστερον διαφέρωσι καταπολεμηθέντες υποχειριοι βασιλίου έγένοντο).

Выражение διαφέρωσι (букв. различно, отлично) следует понимать, по нашему мнению, не в смысле "в нескольких сражениях" или различными способами, как иногда его интерпретируют, а в значении "по отдельности", как переводит В.Златарский¹². То есть полное подчинение болгар, видимо, произошло, когда Византии удалось расколоть их единство. Болгары могли пройти беспрепятственно по византийской территории, если они двигались вдали от основных дорог, обходя города и крепости, то есть, как мы уже сказали, избегая встреч со значительными воинскими силами. Эти маршруты могли быть им уже знакомы, если они участвовали в походах Симеона вглубь Греции.

Известно, что империя всегда стремилась использовать в своих интересах различные заговоры и волнения в Болгарии. Болгарские политические эмигранты на протяжении всей истории существования Болгарского государства находили хороший прием в Византии¹³. Осудив официально заговор Ивана против Петра, имперские власти хитростью вывезли его в Константинополь, затем он был помещен в феме Армениакон, окруженный почестями, женился на знатной византийке. Находясь в Византии, родной брат болгарского царя становился мощным орудием в руках империи как возможный претендент на престол. Однако не только знатные болгары, оказавшиеся в оппозиции, искали убежища в Византии. Империя неоднократно благосклонно принимала и массовую эмиграцию. Первый такой случай, отмеченный в источниках, имел место в 60-х гг. VIII в., когда большая группа славянского населения перешла в Византию во время междоусобных войн и борьбы за власть в Болгарии. Случай массового переселения на территорию империи известен и для IX в.¹⁴ Добровольный переход под власть императора всегда рассматривался константинопольским правительством как очень важный фактор в соперничестве с Болгарией. Николай Мистик и Ро-

ман I Лакапин упрекают в своих письмах Симеона в том, от него бежит население, так как оно "возненавидело войнолюбивое устремление и непримиримые намерения".¹⁵ Выселение при Симеоне в 923 г. 20 тысяч болгар, о котором мы уже упоминали, было наиболее крупным в этот период, однако небольшие группы болгар также проникали на византийскую территорию. "Славяно-болгары" захватили земли на Халкидике в этот период. И хотя вопрос об их государственной принадлежности (византийские славяне или жители Болгарского государства) является спорным в литературе¹⁶, полностью исключить возможность проникновения болгар на имперские земли, когда границы в этом регионе практически не существовало, нельзя. Переселение во время восстания 930 г. было новой волной, начавшегося при Симеоне движения из Болгарии, и, возможно, последней в этот период. После падения Болгарии в 1018 г. насильственному переселению в старые византийские фемы подверглись жители городов, оказавших наиболее упорное сопротивление Василию II. Таким образом на протяжении ряда столетий имело место добровольное или насильственное поселение болгар на территории Византии. Как правило, правительство определяло места для их размещения, наделяло своих новых подданных землей, облагало налогами, зачисляло их в армию. При этом большие группы разбивались на части и направлялись в разные области по всей территории империи. Такой тактики Византия придерживалась не только в отношении болгар, но также иных этнических групп. В качестве примера можно привести здесь расселение мардайтов в конце УП в., персов в 834 г., венгров в X в., неоднократные переселения армян, славян и других народов. Мы ни в коей мере не собираемся здесь хотя бы в общих чертах охарактеризовать такую сложную проблему как византийская политика переселений. Она была многогранна и при сохранении определенных закономерностей варьировалась в отдельных случаях. Мы лишь хотим показать ее проявление на конкретном примере. В историографии уже отмечались в качестве главных мотивов поселения иноэтнических групп или пере-

движения жителей империи экономические (возделывание запущенных земель, поднятие хозяйства, уменьшение демографического дефицита и пр.) или военные (пополнение фемного войска, оборона границ) интересы Византии.¹⁷ Прекращение практики массовых переселений с XII в., особенно это касается пограничных районов, учёные связывают с развитием феодальной зависимости свободного крестьянства и падением значения фемного войска.¹⁸ Колонии из иноэтнических групп на особом статусе также, видимо, теряли свое значение. Однако при определении мест поселения всегда немаловажную роль играл и этнический фактор. Так, болгар всегда размещали либо в восточных провинциях, преимущественно в Малой Азии, либо во Фракии – в областях, прочно удерживаемых Византией. Никогда им не отводились земли в византийской части Македонии и в Греции. Даже после падения Болгарии в 1018 г. часть болгарского населения, уцелевшую регулярную армию и последних представителей болгарской правящей династии поместили в Малой Азии и в феме Волерон (между нижними течениями Меисты и Марицы). Более того, болгары, посаженные Самуилом в Фессалии (в Ларисе), также были перемещены в Волерон, а не в какую-нибудь из областей Греции.¹⁹ В свое время в Элладе, на Пелопоннесе и прилегающих островах отводились земли народам иных этнических групп: мардантам, армянам, персам, грекам из Калабрии и т.д. Таким образом, определяя болгарам места для поселения, Византия учитывала наличие в Греции компактных масс славянского населения в Фессалии, Эпире, на Пелопоннесе. Она справедливо опасалась возникновения чувства этнической солидарности у болгар-переселенцев с византийскими славянами в каких-либо социальных или политических движениях. Не случайно, видимо, во время походов Симеона и Самуила в Грецию, они легко доходили почти до Коринфа, практически не встречая сопротивления местных жителей. Обстановка в областях со славянским населением была очень неспокойной в I-й половине – середине XI в.: жители фемы Никополь поддержали восстание Петра Деляна в 1040–1041 гг., славяне и влахи

были главными силами во время восстания 1066 г. в Фессалии.²⁰

Таким образом, поселение болгар в 930 г. в Южном Эпире могло вызвать у византийских властей лишь отрицательную реакцию. В таких случаях империя часто изгоняла новых жителей с захваченных ими земель и распоряжалась их судьбой по своему усмотрению. Однако, видимо, так было не всегда. Если Византии не удавалось сразу полностью подчинить переселенцев, то по прошествии какого-то времени, когда они прочно обосновывались на новых землях, налаживали свои хозяйства, добровольно принимали византийскую власть, начинали платить налоги, изгнать их уже было не целесообразно из экономических соображений. Для урегулирования отношений населения в регионе правительство даже могло предоставлять какую-то компенсацию пострадавшим когда-то местным жителям. Так оно поступило в середине X в. на Хлакидике, дав по хрисовулу 959/960 г. монастырю Колову 40 париков в обмен на захваченные "славяно-болгарами" земли монастыря. Мнение греческого ученого Ф.Малингудиса, что речь в данном случае может идти только о византийских славянах, так как жители Болгарского государства были бы обязательно изгнаны, либо империя не стала бы заботиться о компенсации,²¹ не представляется нам бесспорным. Думается, что правительство в случае захвата чужих земель не делало бы различия между болгарами и славянами пограничных областей, которые могли продвинуться на юг во время войн Симеона. К тому же компенсация, как справедливо отмечает Малингудис, была не равноценной. Не были выселены, как следует из источников и болгари из Южного Эпира. Спустя время они полностью подчинились Византии, приняв ее власть и обязанности налогоплательщиков. Можно полагать, что формально они никогда не составляли здесь колонии на каком-то особом статусе и довольно быстро слились с местными жителями.

Нами рассмотрен лишь один эпизод переселения болгар в Византию в период средневековья. При этом мы практичес-

ки не касались внутренних причин выселения из Болгарии. Исследователям еще предстоит, привлекая данные различных источников, проследить динамику и особенности этих переселений, рассмотрев процесс в диахроническом аспекте. Проблема эта представляется важной не только для истории Болгарии или болгаро-византийских отношений, но и для составления этнорегиональной карты империи для различных периодов ее истории.

1. Наиболее последовательно этой темой занимался П. Карапанис. См.: Charanis P. Studies on the Demography of the Byzantine Empire, London, 1972; также: Литаврин Г.Г. Византийское общество и государство в X-XI вв. М., 1977, с. I56-I75; Ferluga J. Untersuchungen zur byzantinischen Ansiedlungspolitik auf dem Balkan von der Mitte des 7. bis zur Mitte des 9. Jahrhunderts // ЕВИ, 1984, т. 23, с. 49-61.
2. Оценку договора 927 г. см. в кн.: Литаврин Г.Г. Формирование и развитие болгарского раннефеодального государства (конец VIII - начало XI в.) // В кн.: Раннефеодальные государства на Балканах. VI-XII вв. М., 1985, с. I73-I74.
3. Theophanes Continuatus // ГИБИ, т. У, с., 1964, с. I38; Ioannis Scylitzae Synopsis historiarum/Rec. I.Thurn. Berolini et Novi Eboraci. 1973, p.226.23.I-19 далее: Theoph. Cont. и Io.Scyl.).
4. Златарски В. История на Българската държава през средните векове. Т. I/2, София, 1971, с. 514-515; 800-804.
5. Theoph. Cont., р. I38.
6. Интерпретация этого сообщения Константина Багрянородного в сочинении "О феме" в историографии неоднозначна. См.: Γρηγορίου-Ιωαννίδου Ι. Τό επεισόδιο του Κομβέρ στη "Θεμάτα τοῦ λύκου Δημητρίου". Σεσσλονίκη, 1980, с. I5 (здесь указана и основная литература).
7. Tapkova-Zaimova V. Quelques remarques sur les noms ethniques chez les auteurs byzantines//Studien zur Geschichte und Philosophie des Altertums. Budapest, 1968, p.400-405; Литаврин Г.Г. Некоторые особенности этнонимов в и-

- зантийских источниках // Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев. М., 1976, с. 211.
8. Литаврин Г.Г. Этническое самосознание населения по-граничной зоны между Византией и Болгарией в X-XIV вв.// Этнические процессы в Центральной и Юго-Восточной Европе. М., 1988, с. 76.
9. Область Вагенития, получившая свое наименование от славянского племени ваянитов, охватывала прибрежные районы Эпира между Химарой и совр. г. Маргаритион. Ее упоминание в источниках прослеживается до XV в. См.: *Tabula imperii Byzantini.Nikopolis und Kephallēnia/Von Soustal P. unter Mitw.von Koder J. Wien, 1981, Bd. 3, S.II9-I20.*
10. Io.Scyl.p.226.23;Theoph.Cont.p.I38.
- II. Златарски В. История..., I/2, с. 802.
12. Там же, с. 801, спр.: ГИБИ, т. VI, С., 1965, с. 257.
13. Ditten H. Prominente Slawen und Bulgaren in byzantinischen Diensten (Ende des 7. bis Anfang 10.Jahrhunderts)// Studien zum 8.und 9.Jahrhundert in Byzanz, Berlin, 1983, S. 95- 119; Božilov I. Les bulgares dans l'empire Byzantin// ГСУ, ист.фак., т.69, 1980, с.141-193; Ph.Malingoudis."Die Bulgaren im byzantinischen Reich" Kritische Bemerkungen// Balkan Studies, 1981, t.22(2).S.247-267.
14. Ferluga J. Untersuchungen..., S.54; I.Božilov.Les bulgares..., с.155.
15. ГИБИ, т. IV, С., 1961, с. 300.
16. Об этом в кн.: Πελιγκούδης Κ. Σλάβοι στη μεσαιωνική Ελλάδα. Εσπελονίκη, 1988, с. 90-98 (здесь и библиография).
17. Литаврин Г.Г. Византийское общество..., с. 173; Ferluga J. Untersuchungen..., S.58.
18. Литаврин Г.Г. Этническое самосознание..., с. 73.
19. Литаврин Г.Г. Народы Балканского полуострова в составе Византийской империи в XI-XII вв.// Формирование раннефеодальных славянских народностей. М., 1981, с.177.

20. Литаврин Г.Г. Болгария и Византия в XI-XII вв. М., 1960, с. 384-385.
21. Малюковббң Յ. Ելեվու..., с. 92-93.

А.В.ГОРИЗОНТОВА

ВЕНГРЫ И ПОЛАБСКИЕ СЛАВЯНЕ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ X в.

В течение почти целого столетия (с 862 г. до 955 г.) походы венгерских дружин в Западную Европу являлись заметным фактором в международных отношениях, который сыграл определенную роль в том числе и в истории полабских славян. Многие исследователи, изучавшие племена между Эльбой-Заалой и Одером и их взаимоотношения с Германией, отмечали, что в конце IX – начале X в. произошло заметное улучшение международного положения полабских славян. Оно было обусловлено как внутренней нестабильностью Восточно-Франкского королевства, особенно обострившейся в этот период, так и набегами датчан и венгров на германские земли (походы последних приняли систематических характер с начала X в.), которые в свою очередь осложняли ситуацию в королевстве и не могли не сказаться на его внешнеполитических возможностях¹. В этих условиях возросла военная активность некоторых племен Полабья.

В литературе давно замечено то весьма интересное обстоятельство, что многие акции славян против Саксонии совпадали по времени с набегами венгерских отрядов. Адам Бременский, например, сообщает, что в 915 г., в то время как венгры разорили бременское епископство, славяне напали на Гамбург². В 938 г. нападение венгров на Саксонию сопровождалось нападением славян с востока, в 954 г. возрастание активности племени укряян снова совпало с обострением венгеро-германской борьбы³. Конечно, синхронность нападений не может служить доказательством совместного характера действий славян и венгров, более того, применительно к событиям 915 г. Адам Бременский указывает на взаимодействие славян, напавших на Гамбург, не с венграми,

ми, а с датчанами⁴. Немногочисленные сведения источников не позволяют ни подтвердить, ни опровергнуть другие упомянутые примеры возможного взаимодействия венгров и полабских славян. В то же время один факт установления прямых контактов славян Полабья с венгерскими дружинами известен достоверно. Речь идет о двух фрагментах из "Деяний саксов" Видукинда Корвейского, где рассказывается о том, как в 906 г. сорбское племя гломачей (или доленчан: в латинских источниках X в. называлось *Dalemince*, *Dalamanza*) проживавшее в районе будущего Мейсена, "не будучи в состоянии выдержать написк Генриха, впоследствии первого короля из Саксонской династии (919–936) – А.Г./, призвало против него авар, которых мы называем венграми"⁵. Почти тридцать лет спустя, в 933 г. гломачи, как сообщает Видукинд, расторгли дружественные отношения с венграми, пожелавшими вновь пройти через их земли в Саксонию⁶.

Видукинд указывает, что инициаторами заключения союзнических отношений с венграми выступили славяне. Действительно, до 906 г. венгерские дружины ни разу не появлялись в Саксонии и не могли иметь контактов с граничащими с ней племенами. Из сообщения Видукинда видно, что гломачи не принимали участия в военных действиях венгров, но предоставили им возможность отдохнуть на своей территории. Не исключено, что венгерские отряды пользовались услугами проводников из числа славян. Подобный случай известен благодаря этому же автору: в 938 г. некий славянин-проводник (неизвестно, правда, из какого племени) хитростью завел часть венгерского войска, напавшего на Саксонию, в труднопроходимую болотистую местность⁷. Гломачи, по всей видимости, проявляли большую заинтересованность в том, чтобы венгры нанесли как можно больший ущерб владениям Генриха и его отца герцога Оттона Светлого, так как в 906 г. принесли у себя два венгерских войска⁸. Неясно, однако, появилось ли второе войско по договоренности со славянами или неожиданно для них. Отношение гломачей к чуть было не возникшему конфликту меж-

ду двумя венгерскими отрядами также не обозначено в источнике.

Некоторые исследователи на основании косвенных данных высказывали предположение о существовании между 906 и 927 гг. более широкой антисаксонской коалиции, куда кроме гломачей и венгров входили еще чехи. Одним из первых подобную гипотезу выдвинул К.Я.Грот⁹. В современной венгерской литературе этой точки зрения придерживается Д. Дьерфи¹⁰. Г.Лабуда не считает возможным настаивать на существовании такого союза, однако в его работе можно найти наиболее развернутую аргументацию, на основе которой можно отстаивать названную гипотезу. Основными моментами, которые свидетельствуют в ее пользу являются, во-первых, соображения чисто географического порядка: иначе как через Чехию венгерские дружины не могли попасть в земли гломачей, в связи с чем можно предположить посредничество чехов в призвании венгров; во-вторых, во время 9-летнего перемирия с венграми король Генрих I, среди прочих действий, призванных укрепить восточную границу Саксонии на случай нападения венгров, совершил походы не только против их союзников-гломачей, но и против чехов^{II}.

Вне зависимости от того, содействовали ли чехи походам венгерских отрядов в Саксонию, очевидно, что связи последних с гломачами носили достаточно устойчивый характер. Новый поход в Саксонию через Полабье состоялся в 908 г.; тем же путем венгры приходили в 919 и 924 гг. Рассказывая о более поздних событиях (933 г.), Видукинд писал, что венгры, "проходя через земли доленчан, потребовали помощи от старых друзей"¹². По всей видимости, здесь имеется в виду не только относительно давний эпизод 906 г., но и содействие славян во время последующих походов.

Дружественные отношения между венграми и полабскими славянами-гломачами, таким образом, были выгодны обеим сторонам, однако вызывает удивление то обстоятельство, что в период с 906 до 919 гг. (т.е. с момента уста-

новления союзнических отношений до воцарения Генриха I), когда почти не прекращавшиеся междуусобицы в немецком государстве создавали, казалось бы, дополнительные преимущества для славян и венгерских отрядов, походов на Саксонию через земли чехов и гломачей почти не было. Чтобы найти объяснение этому явлению, следует, видимо, обратиться к анализу целей набегов венгерских отрядов на германские земли, попытаться выяснить, была ли какая-либо логика в выборе их направлений. Было бы, видимо, неверным считать, что единственной целью походов в Западную Европу был грабеж и захват пленных для продажи в рабство хотя, конечно, отрицать значение этого мотива набегов также нельзя). Д.Кришто, автор одного из последних монографических исследований по истории Венгрии X в., Д.Дьерфи, написавший соответствующие разделы в "Истории Венгрии" единны во мнении, что одной из важнейших целей походов было получение ежегодной дани, выплата которой началась еще при Людовике Дитяте¹³. В различных источниках, содержащих сведения о набегах венгерских дружин, встречается сходный мотив: узнав о смерти короля, платившего им дань, венгры отправляются в поход, чтобы заставить его преемника продолжать ежегодные выплаты. Применительно к походу 911 г., когда со смертью Людовика Дитяти прекласса династия немецких каролингов и королем стал Конрад Франконский, подобное сообщение есть, правда, только у позднего автора (ХVI в.) Авентина¹⁴, сходная мотивировка похода 919 г. имеется у современника событий Лиутпранда Кремонского: узнав о смерти Конрада, венгры хотели проверить, будет ли Генрих по-прежнему платить им дань¹⁵. Поход скорее всего именно с такой целью был предпринят даже в 936 г. после смерти Генриха I и прихода к власти его сына Оттона I¹⁶ хотя к тому времени дань венграм уже не поступала в течение 3 лет (Генрих добился этого благодаря победе при Риаде в 933 г.)¹⁷.

Если король соглашался выплачивать дань, то получать ее отправлялось не целое войско, а только посы, как это было, например, в 933 г., когда, как сообщает Бидунций

"... послы венгров прибыли к королю за обычными дарами".¹⁸ Лишь узнав об отказе Генриха "... авары без промедления тяжеловооруженным войском поспешили вторгнуться в Саксонию".¹⁹ Таким образом, походы непосредственно с целью получения дани составляют лишь небольшую часть всех совершенных венграми набегов в Германию.

В то же время, если собрать воедино все сведения о венгеро-германских отношениях в эпоху походов и попытаться вычленить составляющие их компоненты – взаимоотношения с различными племенными герцогствами, – то станет очевидным, что наибольшей интенсивностью на протяжении всего рассматриваемого периода характеризовались отношения с Баварией. Они разыгрывались в разных формах – от ожесточенных военных столкновений, наиболее значительным из которых был поход баваров, завершившийся битвой у Покони (Братиславы) в 907 г., до возможного бегства Арнульфа Баварского к венграм в 914 г.²⁰ и мира, заключенного им же в 927 г.²¹ Другие части немецкого государства в разные периоды интересовали венгерские отряды в различной степени. Так, в годы правления Конрада I (911–919) в большинстве случаев походы были направлены в его родовые владения – Франконию, а также соседние Швабию и Тюрингию. В источниках упоминаются походы 912 г. (Франкония – Тюрингия), 913 (Швабия – Восточная Бургундия), 915 г. (Франкония – Тюрингия – Саксония), нацеленные так или иначе прежде всего на владения Конрада I. Возможно, венгры появлялись там и в 914 г.²² Правда, не все эти набеги преследовали самостоятельные цели: в некоторых случаях – в 915 г. и, вероятно, также в 914 г. (относительно событий этого года в источниках нет полностью достоверных свидетельств) венгерские отряды были использованы Арнульфом Баварским в борьбе против Конрада.²³ С приходом к власти в немецком государстве Саксонской династии принципиальное значение для венгров приобретает Саксония, поскольку большая часть походов направляется именно туда: в 919, 924 (926?), 933, 936, 937/38 гг.

Если правомерным будет предположить, что венгерские

отряды и в тех случаях, когда речь не шла непосредственно о поддержании данических отношений, проявляли внимание прежде всего к тому племенному герцогству, представитель которого в данный момент находился на престоле, станет более понятным отсутствие интереса к походам в Саксонию в 906–919 гг. и крайне нерегулярное использование возможностей, открывшихся благодаря дружественным отношениям с гломачами.

Положение изменилось, как уже упоминалось, в 919 г. Союзнические отношения были, по всей видимости, возобновлены, но не надолго: поход 924 (926?) г. окончился относительной неудачей для венгров. Несмотря на то, что они, по словам Видукинда, нанесли большой урон Саксонии "удалось, однако, захватить одного из вождей венгров ("principes Ungariorum") и доставить его, связанного, к королю. Венгры же настолько почитали его, что предлагали в качестве выкупа золото и серебро в бесконечном количестве. Король, однако, отвергнув золото, потребовал мира и вернув пленника со всеми дарами добился того, что был заключен мир на девять лет".²⁴

Вопрос о дате этого похода и заключения перемирия остается неясным. Если в венгерской литературе принятая дата 924 г., то в германской традиции более распространена датировка, обоснованная М.Линтцелем – 926 г.²⁵ С точки зрения развития ситуации в Полабье этот момент, не имеет, видимо, принципиального значения, поскольку контактов славян с венграми вплоть до 933 г., по всей вероятности, не было, а основные события развернулись здесь в 927–929 гг., когда, как уже упоминалось, Генрих предпринял ряд успешных военных акций против полабских славян и чехов. Гломачи, скорее всего, понесли наиболее тяжелый урон вследствие этих походов: был разрушен их град Гана, все его население было истреблено или продано в рабство²⁶; вместе с другими племенами полабских славян гломачи были обложены данью²⁷. Среди других действий, направленных на укрепление восточной границы Саксонии в этот период, в литературе называется обычно строительст-

во крепостей, крупнейшая из которых – Мейсен была основана именно на территории гломачей, а также создание института "воинов-земледельцев" ("agrariis milites")²⁸. Одним из последствий политики Генриха I в период перемирия было расторжение дружественных отношений гломачей с венграми, причем, если верить описанию Видукинда, славяне не испытывали большого сожаления, порывая эти связи: отказав венграм в прежней помощи они "с насмешливыми взглазами долго провожали /своих/ друзей"²⁹.

Исход последовавшего за этим сражения при Риаде, по всей видимости, не был непосредственным следствием разрыва отношений со славянами. Поражение венгерского войска было вызвано в первую очередь существенными переменами в немецком лагере: в битве при Риаде Генриху I впервые удалось объединить против общего врага силы племенных герцогств, неспособных в одиночку оказывать серьезное сопротивление венграм.³⁰ Свою роль сыграли и факторы чисто военного характера, прежде всего, создание тяжелой конницы, которая успешно противостояла венгерским дружи нам.

Разрыв отношений с гломачами не означал, что Саксония была с этого времени недоступна для венгерских отрядов, он лишь перекрыл наиболее выгодные пути подхода к родовым владениям правящей династии. Когда, с приходом к власти нового короля – Оттона I – венгерские набеги на Саксонию вновь участились, нападавшие вынуждены были пользоваться гораздо более трудной дорогой – через другие германские земли.

Подводя итог наблюдениям за историей взаимных связей между венграми и полабо-славянским племенем в контексте их взаимоотношений с Германией, нужно отметить, что возможности, открывшиеся в первые два десятилетия X в. перед славяно-венгерским союзом, направленным против Саксонии, не были реализованы. Это объяснялось в первую очередь несовпадением интересов партнеров. Установление связей с венграми сыграло скорее отрицательную роль в истории сорбского племени: с одной стороны, оно

подверглось разорению в 927 г., кроме этого, многое из того, что было сделано Генрихом I в годы перемирия с целью организации отпора венграм (система крепостей, тяжелая конница и т.д.) в дальнейшем не без успеха использовалось при подчинении Польши немецким государством.

1. См., например: G.Labuda.Polska,Czehy,Niemcy i związek Wielecki w wieku X//Fragmenty dziejow Słowiańskich zazchodnich.T.1,Poznań,1960,s.247-248.
2. Albinus Franciscus Gombos.Catalogus fontium historiae Hungaricae.T.I-III,Budapestini,1937-1938.
далее - G с указанием тома и страницы.
3. G.Labuda.Op.cit.,s.281
4. Ibid.,s.249 in gestarum Saxonicarum MGH SS. Ed.G.Waitz.
5. Widukindi rerum gestarum Saxonicarum.MGH SS.Ed.G.Waitz Hannoverae,1882,I,17, далее- Wid.
6. Wid.,I,38.
7. Wid. II,14.
8. Wid.,I,17.
9. Гроб К.Я. Моравия и мадьяры с половины IX до начала X в. СПб., 1881, с. 420. ;
10. Győrffy Gy. István király és műve.Budapest,1983, 45 l.
- II. G.Labuda.Op.cit.,s. 251-260'
12. Wid., I,38.
- 13.Kristó Gy.Levedi törzssövetségétől Szént István államáig. Budapest,1980, 242 l.
14. G.II,350.
15. G.II,14,72.
16. Wid.,II,5.
17. Kristó Gy. Levedi törzssövetségétől...,2691.
18. Wid.,I,38.
19. Ibid.
20. Leyser K. Medieval Germany and its Neighbours 900-1250. London,1982,p.48;Kristó Gy.Levedi törzssövetségétől..., 243-2441.
21. Müller-Mertens E. Zeitalter der Ottonen,Berlin,1955,S. 66.

22. Kristó Gy. Levedi törzssövetségétől..., 2441.
23. Ibid., 245 1.
24. Wid., I, 32.
25. Lintzel M. Die Schlacht von Riade und die Anfänge des deutschen Staates.-Ausgewählte Schriften.Bd.2, Berlin, 1961, s.105.
26. Wid., I, 35.
27. Wid., I, 36.
28. Wid., I, 35.
29. Wid., I, 38
30. Müller-Mertens E. Op.cit., S. 35, 69.

Е.П.НАУМОВ

КОСОВСКАЯ БИТВА (1389 г.) В ИСТОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ НА БАЛКАНАХ

"От Адама же и до боя князя Лазаря на Косове, что /былся/ с измаилитами, лето 6897"¹, - так определил безвестный сербский книжник в своей записи значение Косовской битвы 15 июня (28 июня по н. ст.) 1389 г., включая ее в ряд главных событий мировой истории². Гибель в этом сражении не только предводителей воюющих государств – сербского князя Лазаря и османского султана Мурада, но и многих сербских и боснийских феодалов, покорение Сербии, наконец, оценка роли этой войны в истории османской экспансии, – все это с давних пор вызывало неизменный интерес ученых разных специальностей (историков – славистов, османистов, византинистов, далее – фольклористов, литературоведов).³

Вполне понятно, что поэтому в настоящее время историография Косовской битвы стала уже почти необозримой, весьма разнообразной и в то же время неоднозначной, так как предыстории ее и последствиям для балканских государств той поры, анализу сообщений различных средневековых (славянских, османских, западноевропейских) памятников и развитию косовской легенды в южнославянском эпосе

и культуре, в народном сознании посвящено много отдельных исследовательских статей и публикаций, несколько специальных книг, немало конкретных наблюдений и заметок в коллективных трудах, монографиях, даже в популярных журналах и газетах, в исторической беллетристике.⁴ Естественно, мы виду столь бесспорного многообразия и дискуссионности проблем, включаемых в широкую панораму этой "косовской" историографии, считаем возможным здесь ограничиться лишь одним вопросом, а именно оценкой места и реальных результатов Косовской битвы в общебалканском плане, в контексте османского нашествия конца XIV в.

Чем же обусловлен выбор данной проблемы, которая, казалось бы, не вызывает никаких сомнений и разногласий? Дело в том, что, действительно, в историографии XIX-XX вв. чрезвычайно распространено мнение о необычайно важной роли Косовского сражения 1389 г. в истории средневековых южнославянских государств, о значительности результатов этой битвы для дальнейшего расширения ареала османских завоеваний, а не только для судьб Сербии и сербского народа.

Так, например, видный сербский историк Ст. Новакович, сопоставляя политические последствия Марицкой (1371) и Косовской битв, писал, что в результате первого сражения была решена судьба Восточной Болгарии и Македонии, а Косовская битва решила судьбу "северных сербских земель и Западной (Срапичевой) Болгарии, но в особенности владений князя Лазаря и Вука Бранковича".⁵ Известный медиенист К. Иречек был даже еще более категоричен в своей оценке данных событий конца XIV в.: "Турки именно в этой /т.е. Косовской - Е.Н./ битве сокрушили сопротивление народа на северо-западе /балканского/ полуострова и утвердили свою власть в центре этих /балканских/ земель более чем на 500 лет".⁶ Аналогичные суждения высказывались и многими исследователями нашего века, притом не только славистами, но и османистами, византинистами, работающими и в Югославии, и в других странах. Укажем, например, что югославский учёный М. Динич подчеркивал, что "последствия Косова" были

"убийственными для сербов", отмечая при этом в ряду этих, непосредственных или "дальних" результатов войны 1389 г., что центральная область Балканского полуострова после подчинения османами Сербии и захвата г. Скопье "была крепко в их /османов - Е.Н./ руках".⁷ Общебалканская значимость Косовской битвы 1389 г. нашла отражение и в работах советских византинистов и славистов.⁸

В частности, в "Истории Византии" З.В.Удальцова, рассматривая международную обстановку на Балканах в конце XIV в., делала вывод, что именно после османской "победы на Косовом поле окончательное завоевание Балканского полуострова было предрешено".⁹ С таким выводом по существу совпадает и мнение С.А.Никитина; считавшего, что "поражение сербов на Косовом поле делало турок хозяевами всей восточной и юго-западной частей Балканского полуострова", предвещая и покорение османами Тырновского царства, затем Видинского и Добруджи.¹⁰ Такая оценка последствий Косовской битвы присутствует и в османистике ГДР: "Сербия попала в турецкую вассальную зависимость, последний центр сопротивления был сломлен, /и/ ворота в Венгрию и Валахию были распахнуты", т.е. для нового османского наступления.¹¹ Примечательно, что в своей истории Османской империи турецкий историк Х.Иналджик так оценивает результаты Косовского сражения: "Этой победой Османы сильно укрепили свое господство на Балканах".¹²

Вместе с тем следует отметить, что в современной юнославской историографии (особенно с 60-х гг.) при анализе международных отношений на Балканах во второй половине XIV в. наметилась тенденция, которая не только отодвигает Косовскую битву 1389 г. на второй (или же вообще задний) план по сравнению с Марицким сражением 1371 г., но и ставит уже под вопрос прежнюю оценку военно-политических результатов войны 1389 г. даже для самой Сербии.

Правда, эту точку зрения не разделял И.Божич, который вслед за Новаковичем, Иречком и Диничем подчеркивал громадную значимость Косовской победы османов для перспектив дальнейших завоеваний их на Балканах и дальше - в

Центральной Европе: "В действительности турки после Косова создали новый пояс вассальных земель, вскоре заняли Восточную Болгарию (1393) и переместили свои набеги в Подунавье, вблизи венгерской границы".¹³ Однако постепенно новая тенденция получила все большее распространение в югославской литературе. Так, уже в своей "Истории Византии" Г.А.Острогорский утверждал, что османская победа на Марице была "самой большой и решающей до 1453г.", поскольку тогда потеряли свою независимость и македонские княжества и Византия, ставшие вассалами султана, так что "окончательное завоевание их областей, как и прочих балканских стран было теперь только вопросом времени".¹⁴ Этот тезис Г.А.Острогорский позднее обосновывал прямым сопоставлением с результатами Косовской битвы: "В отличие от Косовского сражения по крайней мере исход битвы на Марице совсем ясен: внезапный и полный крах смелого плана серского деспота и сербского короля, гибель одного и другого, двух самых видных личностей тогда на Балканах, уничтожение их войска. Это была самая крупная и самая значительная победа турок до 1453 г. Первым ее результатом был слом Серского государства, /а/ ее дальнейшими последствиями – гибель всех балканских держав", так как, повторял здесь Острогорский, их покорение османами оказывалось в действительности лишь "вопросом времени".¹⁵

В данном случае беглое замечание Г.А.Острогорского насчет "неясности" будто бы исхода войны 1389 г. вовсе не случайно. Дело в том, что уже в 1960 г. в третьем издании книги Ст.Новаковича "Сербы и турки XIV и XV вв." были опубликованы дополнения С.Чирковича, означавшие пересмотр прежних оценок Косовской битвы. Весьма любопытно, что такая переоценка шла как бы в двух направлениях: с одной стороны, исход воины 1389 г. оказывался "неопределенным" (при этом особенно акцентировались первые сообщения о сербско-боснийской "победе", сохранившиеся в современных источниках), с другой, – это сражение оказалось совсем незначительным эпизодом в истории Сербии.

и сербо-османских отношений. В соответствии с такой трактовкой этих событий, по словам С.Чирковича, "мы теперь должны сомневаться в том, что она /т.е. Косовская битва -- Е.Н./ действительно была", -- как обычно указывалось ранее в историографии и эпической традиции, -- "сербским поражением". Именно потому, что это сражение не получило ясного исхода, оно и "не принесло изменений" в положении Сербии; а то, что Сербия стала зависимой от Османской державы, по мнению Чирковича, -- только "следствие венгерских и более поздних турецких вторжений".¹⁶

Правда, несколько позднее Чиркович, прослеживая развитие Боснийского феодального государства, все же придавал определенное значение последствиям Косовской битвы в плане международноправовых отношений на Балканах. Вновь подчеркивая здесь, что "об исходе битвы, видимо, и сами современники не имели ясного представления", С.Чиркович отметил, что боснийский король Твртко "был совершенно убежден" в победе своих войск и сербских армий на Косовом поле; вместе с тем примечательно заключение, что "в действительности за фиктивным триумфом короля" Твртка в 1389 г. скрывался, несмотря на его радостные реляции западным городам и государствам, "мрачный эпилог его политики примешивалось к сербским землям и его роли наследника Неманичей".¹⁷ Впрочем, несмотря на такие оговорки Чирковича насчет места Косовского сражения в истории Боснийского королевства, названная концепция получила затем дальнейшую разработку в трудах югославского медиевиста Р.Михальчича, опиравшегося при этом на указанные выше работы и тезисы Г.А.Острогорского и С.Чирковича.

Так, Р.Михальчич в своей монографии "Конец Сербского царства" считает необходимым особо акцентировать большое значение Марицкой победы османов, которая не только сорвала реставрацию Сербского царства при Мрнявчевичах и привела к зависимости Византии от султана Мурада, но дала османам возможность "практически выиграть битву за восточную часть Балканского полуострова". Что же касается Косовской битвы, то, по его мнению, в современной ис-

ториографии "справедливо оспорена" ее оценка как "самого трагического события сербской истории, так как даже и ее окончательный результат неясен". Правда, "снижая" тем самым роль войны 1389 г. в истории средневековой Сербии, Р.Михальчић одновременно отметил, что эта битва означала "несомненно переломный момент в прошлом областей на юге бывшего Сербского царства".¹⁸ Сходную трактовку получили все эти события в написанной Михальчићем главе "Косовская битва" в многотомной "Истории сербского народа", где он вновь пишет о "судьбоносной" роли Марицкого сражения, сказавшегося на всех балканских народах, тогда как Косовская битва определила последующие судьбы Сербии, признавшей суверенитет Баязида I. Примечательно также, что здесь Р.Михальчић подкрепляет тезис о "неясном" исходе битвы 1389 г. ссылкой на современные источники, резюмируя, что "на основании современных, да и несколько более поздних источников турки не выиграли битву на Косову".¹⁹

Примечательно, что этот вывод о "неопределенности" Косовской битвы (или даже – о "сербской победе" согласно самым ранним свидетельствам средневековых памятников) нашел еще более полное изложение в книге Р.Михальчића "Лазарь Хребелянович: история, культ, предание", где подробно рассмотрены сообщения различных источников и народная традиция, причем автор здесь специально сопоставляет Марицкую и Косовскую битвы. Правда, для оценки их исторического значения Михальчић здесь не прибегает к дополнительным аргументам, лишь называя Марицкий разгром 1371 г. "самым судьбоносным событием балканской истории до падения Царьграда (1453)" и ссылаясь на неполные, затуманенные сведения о Косовском сражении, на сужение знаний об этой битве в результате отбрасывания позднейших, легендарных представлений. Однако в этой книге представляет интерес то, что автор расширяет сопоставление этих двух событий сравнением их отголосков в сочинениях средневековых книжников. Действительно, "литературное эхо" Марицкой и Косовской битвы вовсе не одинаково, так как "Марицкая битва по своим последствиям", по его мнению, "превосходит

значение Косовской битвы", а, напротив, в средневековой и народной литературе соотношение их совершенно иное (т.е. битва 1389 г. вызывает появление косовской легенды и т.д.). Р.Михальчик справедливо отмечает здесь и "различное отношение средневековых писателей к этим событиям", и то, что "последствия Косовской битвы современники, так сказать, ощущали сразу после завершения боя" (заметим, что такое наблюдение уже не вполне согласуется с приведенными выше тезисами о "неясном исходе").²⁰

Завершая этот краткий обзор тезисов, связанных с пересмотром прежних оценок роли Косовской битвы 1389 г. вообще или конкретно в контексте общебалканской динамики конца XIV и XV вв., следовало бы указать также на два немаловажные обстоятельства. Во-первых, заслуживает внимания тот факт, что при всей близости высказанных в русле данной тенденции выводов и замечаний, на наш взгляд, все-таки в литературе возможно отметить и определенные различия или нюансы как в плане констатаций, так и в плане аргументации, методологического подхода. Далее, по нашему мнению, представляет несомненный интерес и то, что учёные Югославии, считавшие необходимым такой пересмотр, сделали свои положения не только достоинием лишь специалистов-историков, но и широкого круга читателей, пользующихся общественно-политической и литературно-художественной прессой (в частности, в связи с 600-летием Косовской битвы).²¹ Все это, как представляется, даже в чисто историографическом плане придает особый резонанс тем расхождениям в оценке данных этапов османской экспансии на Балканах, которые наглядно выступают при знакомстве с имеющейся литературой, как сербской, так и югославской, с работами учёных других стран.

Закономерно возникает вопрос, можно ли признать вполне обоснованным такой пересмотр прежнего взгляда на Косовское сражение как столь важный рубеж в истории феодальной Сербии и международных отношений на Балканах в XIV-XV вв. Вполне понятно, что ответ требует обращения вновь к сохранившимся историческим памятникам, к среднे-

вековой историографической традиции, требует тщательного анализа сложной международной обстановки второй половины XIV в. Думается, что такое всестороннее рассмотрение весьма целесообразно потому, что в работах ученых, склонных к новой концепции, нередко заметна недостаточность их аргументации, особенно в разборе уже высказанных точек зрения и давно известных свидетельств источников. В частности, несмотря на частое обращение к памятникам XIV–XV вв. и некоторые интересные наблюдения частного характера (например, относительно средневековых сообщений насчет Косовской битвы),²² нельзя не признать неполным и односторонним обоснованием новой тенденции ссылки на "неясность" исхода войны 1389 г. По всей видимости, при оценках значимости исторических событий в широких общебалканских масштабах нельзя ограничиться лишь указанием на непосредственные или же более отдаленные результаты этого военно-го конфликта для Сербии, Боснии и Османской державы; вполне закономерно в данном случае учитывать и положение других балканских государств накануне и после Косовского сражения, свидетельства источников об османской экспансии при Баязиде и даже в первой половине XV в., если сопоставлять, как мы видели выше, османские победы 1371 и 1389 г. даже с захватом Царьграда. Многосторонность намечаемой таким образом темы заставляет нас остановиться здесь лишь на наиболее важных чертах международных отношений в Юго-Восточной Европе во второй половине XIV в., имея в виду взаимосвязь событий той поры с последствиями Косовской битвы.

Вероятно, в данной связи следует начать с сопоставления предыстории и результатов Маричского и Косовского сражений, которое, как мы видели выше, было особо акцентировано в работах Г.А.Острогорского и Р.Михальчича. По нашему мнению, такое сравнение этих двух важных вех османского нашествия показывает все реальные различия как в конкретном соотношении сил на Балканах (османских и антиосманских), так и в оценке общисторических перспектив современниками этих событий и медиевистами XIX–XX в.²³ В

самом деле, не вызывает сомнений значимость разгрома Букашина и Углеши Мрнявчевичей османами (1371) и ликвидации Серского княжества Углеши для последующих разных изменений политической карты всего региона, для упрочения Османской державы и расширения ареала новых завоевательных походов султана Мурада.²⁴ Но вместе с тем Марицкая катастрофа означала в конечном счете и крах надежд на самую широкую (и, тем самым, больше всего обещавшую успех) антиосманскую коалицию юнославянских и других балканских государств, включавшую, быть может, и Византию.²⁵ Разумеется, после катастрофического провала плана "великой войны" Мрнявчевичей против османов, после крушения их власти в Сербии и Серском княжестве (1371), признания вскоре Византией верховной власти Мурада, начавшего подчинять Болгарию, международная обстановка на Балканах серьезно изменилась.²⁶ Однако и в 80-х гг. XIV в. все же существовали предпосылки для создания достаточно сильного (с участием Болгарии или без нее) союза юнославянских феодальных правителей. Такой антиосманский союз во главе с сербским князем Лазарем иbosнийским королем Твртко, действительно, мог бы нанести тяжелое поражение войскам Мурада, пристановить их нашествие; тем самым – при благоприятных условиях – создавалась бы возможность для стабилизации балканских государств, может быть, даже для перехода некоторых османских вассалов (скажем, царей Болгарии или владетелей Македонии) на сторону победоносного христианского воинства. Залогом таких успешных действий, по всей видимости, могла бы стать политическая и экономическая консолидация Сербии под эгидой князя Лазаря,²⁷ как и некоторое укрепление позиций Bosнийского королевства. О такой альтернативе успешного отпора османским завоевателям, как известно, свидетельствует и тот факт, что именно в 80-х гг. именно в этой части Балканского полуострова османские нападения оканчивались только неудачей (а именно в 1381 г. на Дубравнице, в 1386 г. на Топлице – в результате успешных военных действий армии Лазаря, а в 1388 г. на Билечи – после отпора bosнийских

воевод); между тем, как мы знаем, в других частях региона османские войска одерживали победы (в Албании, Болгарии), заняли Серры, Салоники, Софию, Веррию и др. города.²⁸ Не вызывает сомнений также, что османская господствующая верхушка отдавала себе отчет в необходимости огнем и мечом подавить сопротивление Сербии и Боснии, чтобы таким образом упрочить свое господство над подчиненными балканскими народами, и поэтому-то султан Мурад собрал для решающей битвы "великую армию", включавшую османские отряды из Малой Азии и Румелии, как, видимо, и контингенты вассальных князей.²⁹

Именно поэтому победа османских сил на Косовом поле (1389), - хотя, видимо, она стоила больших потерь, хотя ее иногда называют в литературе "неполной победой",³⁰ - привела к весьма значительным переменам в международной системе Балканского полуострова, которые, как показано выше, в историографии оценивались как еще более весомые по сравнению с военно-политическими последствиями Марицкой битвы. Примечательно, например, что даже Г.А.Острогорский, сравнивавший результаты Марицкой катастрофы лишь со взятием Константинополя, в то же время признавал, что после Косовского сражения "был сломлен последний сильный центр отпора /османам - Е.И./ на Балканах", а после этой победы Баязида "Византия оказалась под еще более тяжким давлением" (впрочем, заметим, это относилось, вероятно, и к другим вассалам могущественного османского владыки).³¹

В самом деле, даже самая краткая характеристика событий на Балканах в 90-е гг. XIV в. убедительно показывает, насколько велик был военно-политический успех османов в войне 1389 г. Действительно, тогда погиб султан Мурад, которому нанес смертельный рану сербский герой Милеш Кобилич (Кобилович, Обилич), однако в битве (или после нее) погиб и сербский князь Лазарь, и многие сербские воеводы и вожди, а в плен попали даже некоторые видные боснийские феодалы. Еще важнее тот факт, что отныне сербо-боснийский союз был разбит, хотя и новый султан

Баязид должен был сразу отступить; далее, как известно, серьезно была нарушена политическая система феодальной Сербии, вынужденной с той поры признать суверенитет Баязида. Далее, как мы знаем, после Косовской битвы Османская держава не только не потеряла ни малейшей части из подвластных балканских территорий, а, напротив, расширила свое влияние, превратив в своих данников и наследников Лазаря, и Вука Бранковича, а через несколько лет – и включив в состав Румелии также бывшие княжества Деяновичей и короля Марка, Тырновское и Видинское царство, Добруджу и Фессалию, даже часть Зетского княжества Балтичей.³² Именно после Косовской битвы начинаются одушотительные вторжения османских войск в Грецию, а затем – многолетняя осада Константинополя; именно в начале 90-х гг. грозный султан и его полководцы уже считают излишними прежние "церемонии" с балканскими христианскими вассалами, которых можно теперь и арестовывать (как, например, Георгия Балтича), и грабить, как это, видимо, случилось с королем Марком, наследником Вукашина Ирнявича.³³ Все это, на наш взгляд, позволяет считать вполне убедительными выводы ученых, которые приведены нами выше и которые, вероятно, наглядно убеждают в большей значимости последствий Косовской битвы в сопоставлении с результатами Марицкого сражения для Балкан той поры.

В то же время, по нашему мнению, такая постановка вопроса делает весьма перспективным и повторный анализ средневековых источников, которые содержат сведения о том, кто входил в состав союзнической армии под командованием князя Лазаря (т.е., собственно, и в состав антиосманской коалиции 1389 г.)³⁴, какие силы были использованы Мурадом, помимо османских отрядов. Думается, что такое обращение снова к давно известным и опубликованным памятникам необходимо и потому, что оно дает возможность уточнить и проверить заключения, содержащиеся в современной литературе (В особенности – насчет сообщений современников о сербо-боснийской победе и участниках бит-

ви). При этом очень важно попытаться установить, насколько надежны сохранившиеся свидетельства, какой позиции придерживались тогда многочисленные феодальные владетели югославских и других балканских земель. Такой анализ сообщений XIV-XV вв., как нам представляется, поможет ответить и на высказанные (как уже показано выше) в современной югославской историографии сомнения и соображения насчет результатов Косовской битвы и "неясности" ее исхода, понимания ее последствий современниками – как для Сербии, так и в целом для Балкан той поры.

Обратимся по этому к свидетельствам современников, которые уже неоднократно приводились в названных выше работах и, тем не менее, заслуживают пристального рассмотрения и сопоставления. Как известно, первым из сообщений конца XIV в. признается очень краткая запись русского дьякона Игнатия, который находился в Малой Азии и тогда же, через 12 дней после Косовской битвы, занес в свои заметки и содержание распространявшихся на Черноморском побережье удивительных слухов о войне Мурада с Лазарем Сербским и гибели обоих в одной битве.³⁵ В этом лапидарном известии для нас важен тот факт, что оно свидетельствует о необычайной быстроте распространения в ту пору столь поразительных, страшных, неожиданных вестей об исходе войны 1389 г.; без сомнения, это говорит нам, что уже сразу после сражения во все стороны (и по Балканам, и на Запад, и в Анатолию) понеслись гонцы, официальные и тайные курьеры, быть может, даже – почти по Н.В.Гоголю, – "тысячи курьеров", сообщавших своим правителям, родным, землякам о неслыханном событии. Бесспорно также, на наш взгляд, что эти сообщения были во все не одинаковы, более того – не одинаково правдивы, иногда очень отрывочны, неясны или односторонни; далее – содержание этих сообщений (в доступном нам через века изложении) было взаимосвязано с полодением адресатов, с тем, что был таким вестовщиком и т.д. И, наконец, следует учитывать при оценке таких известий о Косовском сражении то, как они "записывались" в уже создавшуюся в

народном сознании картину османской экспансии, как их (соответственно прежним событиям и сообщениям) должны были расценивать очевидцы и современники.

Правда, неоднозначность этого противоречивого контекста дошедших до нас письменных свидетельств лишь в известной мере ощущается в перечисленных ранее работах современных югославских историков, которые, однако, сделали ряд весьма плодотворных и интересных наблюдений и выводов. В частности, заслуживает в данной связи особого внимания та мысль, что "на Западе и на Востоке современники были под впечатлением почти невероятного факта, что на Косову погиб владыка османов", иными словами, происходила (назовем ее так условно) "персонификация" этой битвы и ее последствий, так как "смерть султана, которой придавалось огромное, во всяком случае преувеличенное значение, отождествлена была с поражением турок", хотя, правда, - признается при этом, - "события после 1389 г. и дальнейшее развитие сербо-турецких отношений" заставляли очевидцев иначе оценивать обстановку той поры.³⁶ Не менее перспективным нам представляется высказанный в югославской историографии тезис, что уже очень скоро после Косовской битвы начинается формирование народной традиции о "гибели Сербского царства", эпической и прозаической легенды о выборе князем Лазарем "небесного царства" ввиду победы турок.³⁷ Этот тезис, по нашему мнению, заслуживает внимания, хотя он и аргументируется ссылкой на "неполные представления" о событии, потрясшем современников, и явно противоречит наметившейся в югославской литературе тенденции подчеркнуть "неясность" исхода этого сражения и всячески выдвинуть на первый план те сообщения, где говорилось тогда о "победе" сербско-bosniansкой коалиции.

В самом деле, даже упомянутая нами запись Игнатия Смольянинова, спустя добавленного затем о неких "смутах", истолковывается теперь как одно из первых доказательств османского поражения в 1389 г. По словам Р. Михальчича, из "Желания" Прибытия: "ни единим словом не предугадыва-

ется победа турок. Напротив, создается впечатление, что смерть султана /Мурада - Е.Н./ вызвала смятение по крайней мере в европейской части Османского царства".³⁸ Однако, на наш взгляд, свидетельство Игнатия слишком кратко и неясно, чтобы позволить столь расширительное его понимание. По всей видимости, слухи, дошедшие до русских путешественников на черноморском берегу Анатолии, скорее всего могли вызвать "смятение" именно в османской части Малой Азии, куда, между прочим, должны были опешить не только гонцы нового султана, возвещая о воцарении Баязида I, чтобы упрочить его власть, но и вестники его анатолийских вассалов и тайных недругов, земляки погибших на Косове османских воинов из Малой Азии, - чтобы готовить возможные восстания против Баязида или другие перемены в феодальной системе данных областей Османской державы. Как известно, османские источники признают, что именно левое крыло армии Мурада, где находились отряды из Анатолии, было полностью (или почти совсем) разбито.³⁹

Следовательно, гибель почти всех османских отрядов, собранных в Малой Азии, вполне могла быть причиной неких "смятений" именно в этих областях, близ причерноморских городов, где оказались русские путешественники (Игнатий Смольянин и его спутники). Другое дело, разумеется, как толковали эту поразительную весть жители Анатолии: одни (например, греки или русские) - как поражение турок, Мурада или Баязида, другие (т.е. османы) расценивали такое сообщение, думается, в прямой зависимости от собственных позиций, от отношений с султанской властью, надежд на освобождение от зависимости и т.п.

Иными словами, даже такой скатый анализ свидетельства Игнатия (пусть очень краткого), как нам кажется, говорит о недостаточности проводимого в современной югославской историографии разделения доступных нам известий о Косовской битве лишь на материалы сербской и турецкой ворсин, либо - на вести о "победе" сербов, о "неопределенном" исходе и затем - о "турецкой победе".⁴⁰ Напротив,

тив, крайняя разноречивость и разноплановость сообщений современников (притом непосредственно после сражения) заставляет нас обращать особое внимание на взаимосвязь этих оценок с реальной обстановкой на Балканах и в Анатолии, с положением участников войны 1389 г. и с отношениями различных держав, с их позицией применительно к османам, наконец, с отражением в народном сознании разных стран Запада общей картины длительной борьбы "христиан" (т.е. balkанских стран) с "неверными". Думается также, что при анализе всех этих источников нельзя обойтись без реконструкции несохранившихся свидетельств и оценок той поры; такая реконструкция и сопоставление полученных сведений с письменными известиями может оказаться тем более полезной, что попытки такого рода уже были сделаны в югославской историографии, в частности, в любопытной статье известного ученого Ст.Станоевича,⁴¹ а явные следы этих, незафиксированных в полном виде вестей о Косовской битве уже прослеживаются в некоторых памятниках конца XIV в., например, в неоднократно цитируемой инструкции правительства Венеции от 23 июля 1389 г. послам, направленным в Константинополь и Эдирне – ко двору нового османского повелителя.⁴²

Данная инструкция наглядно показывает, что уже примерно через месяц после Косовской катастрофы власти Венеции располагали достаточно обширной, но крайне противоречивой информацией; именно поэтому послам республики были даны весьма подробные и осторожные наставления, требовавшие повторной проверки на месте (т.е. уже на Балканах) весьма различавшихся по характеру и происхождению сведений. В частности, послы Венеции должны были, учитывая "новости, которые имеются о смерти Мурата и его сына и о новой власти второго сына", обстоятельно выяснить положение в Османской державе "виду тех перемен, которые произошли в тех странах", а именно созвать специальное совещание, чтобы решить, будет ли целесообразно для Светлейшей (т.е. Венецианской республики) обращение ее послов к "тому, кто будет вместо Мурата". Более того, если

такое обращение послов к Османской Порте будет признано полезным, следует заявить новому турецкому султану, что до своего отплытия из Венеции послы слышали о войне ("но не ясно") Мурата с Лазарем Сербским, о чем говорилось "разное", но этому "все же верить нельзя". Все-таки, несмотря на такую разноречивость слухов, уже послы знали о смерти Мурада и должны были выразить по этому поводу свое оболезнование новому владыке.⁴³

Хотя, как мы видим, содержание всех этих ("невероятных", с точки зрения венецианских правителей той поры) сообщений и опущено в инструкции, все же, по нашему мнению, было бы неправомерно при анализе данного источника ограничиваться лишь выводом, будто "венецианцы через месяц после битвы не думали" о победе турок,⁴⁴ следовательно, содержание тех известий было неблагоприятно для Османской державы, говоря лишь о победе сербо-боснийских войск.

Такой вывод, разумеется, оказывается односторонним именно потому, что в инструкции четко прослеживается противоречивость доступной властям Венеции информации. Какова же была она и откуда поступила? По нашему мнению, возможно предположить, что, действительно, в том числе были и слухи (и надежды) о победе христианской армии (опять-таки ввиду гибели Мурада), и донесения об османской победе, наконец, быть может, и какие-то, очень смутные и неопределенные вести о крупном сражении и неясном его исходе - наподобие краткой и туманной записи сербского книжника Божидара о "боे" 15 июня 1389 г. "на Косове" - "в дни" князя Лазаря (т.е. еще до распространения сведений о гибели сербского войска и его князя).⁴⁵

Точно так же широк и круг возможных источников этой информации: это могли быть (по мнению Ф.Рачкого) и сообщения с Востока, из Царьграда, Далмации и др. областей Италии (вероятно, из Неаполитанского королевства), даже - по предположению С.Станоевича - непосредственно донесения с поля битвы, отправленные, видимо, боснийским воеводой Влатко Вуковичем, спешившим порадовать своего сре-

зерена – короля Твртко уже одержанной будто бы победой.⁴⁶ Разумеется, правителей Венеции весьма смущило резкое противоречие радостных извещений о триумфе короля Боснии печальным свидетельствам о полном разгроме сербского войска и гибели князя Лазаря, и сам факт составления такой инструкции говорит нам о механизме возникновения уже тогда (в первые 1–2 месяца после Косовской битвы) разных традиций, различных оценок ее последствий и значимости.

Как нам представляется, в тот момент фактически одновременно формируются две легенды о Косовском сражении, а вовсе не одна, т.е. сербская, обычно и называемая в литературе "косовской легендой". В действительности, как показывают сохранившиеся материалы об оценке данной битвы приbosнийском дворе, на Западе получает широкое распространение версия (или легенда), исходившая от боснийского короля и сводившаяся к широковещательному прославлению решительной победы Твртка над "неверными"; эта версия, которую можно назвать боснийской (или же "западной", "католической"), имела бесспорно официальный или официозный характер и противостояла – по нашему мнению, вполне целенаправленно, – другой, сербской, опиравшейся на реальные представления широких масс феодального общества Сербии, Боснии и соседних югославянских земель (видимо, территории Дубровника, Зетского княжества) о масштабах ужасного побоища на Косовом поле.

Ведь сам факт разгрома сербской армии, гибели многих воинов и полководцев во главе с князем Лазарем, вынужденного отступления (или даже поспешного бегства) уцелевших отрядов Вука Бранковича и боснийского воевода Блатка, увод османами в полон многих феодалов и простых ратников, по всей видимости, уже очень скоро стал бесспорным и известным в разных уголках этой обширной территории, и, на наш взгляд, поэтому-то в некоторых письменных памятниках (вроде названной пометки писца Божидара или некоторых сочинений во славу погибшего князя Лазаря) вовсе не сказано об исходе Косовской битвы.⁴⁷ Имен-

но этим было вызвано появление специальных торжественных реляций короля Твртка (вероятно, в августе-октябре 1389 г.), направленных на Запад, в Италию, и Далмацию.⁴⁸ Конечно, можно согласиться с выводом С. Чирковича, расценивающего эти "манифести" о триумфе боснийского воинства как "перворазрядный источник о Косовской схватке"⁴⁹ но было бы неверно ограничиться лишь таким суждением, так как послания Твртка на Запад, как уже отмечалось, весьма тенденциозны и служат доказательством распространения второй (боснийской или западной) легенды.

В самом деле, как уже отмечал видный сербский историк – поборник т.н. "критической школы" И. Руварац, реляция короля Твртка о победе над османами содержит столько неясностей, односторонних сообщений, что они даже вызывали у Рувараца сомнения в их достоверности, в допустимости вообще использовать их в научной литературе. "Если письмо жителям Трогира /т.е. 1 августа – Е.Н./ действительно писал король Твртко", – воскликнул Руварац, – "тогда человек не знает, что думать и как назвать этого короля Боснии. Самое разумное – не принимать во внимание эти оба письма",⁵⁰ – т.е. послания Твртка в Трогир, а позднее (быть может, в начале октября) – во Флоренцию. Между тем, хотя названные документы и вызывают недоуменные вопросы (в частности, даты первого письма), по нашему мнению, их бесспорная односторонность и тенденциозность получают объяснение именно ввиду создавшегося тогда (в том числе – и на Западе) обилия разноречивых вестей о Косовской битве, а среди них – и известий о сокрушительном разгроме сербо-боснийского воинства.

Именно поэтому, как нам кажется, становится понятной и столь "загадочное" промедление Твртка с извещением жителей Трогира о своем триумфе, которое представлялось бы совсем непонятным, если вспомнить, что главной тогда целью короля Боснии было подчинение городов Далмации (Сплита, Трогира и др.) и даже для перехода этих приморских городов под власть короля был уже назначен

срок - 15 июня 1389 г. (т.е. день Косовского сражения).⁵¹ Вполне закономерно также, что для Твртка было важно подчеркнуть сам факт "своей" победы над Мурадом и собственного могущества даже через 45 дней после битвы: ведь в июле того года его противник, бан Лошонци, занял г. Клис, находившийся под владычеством Боснии с 1387 г., тем самым поставив под вопрос широкие планы Твртка и его устремления в Далмацию.⁵² Следовательно, как можно судить, "замедление" было вынужденным, а само письмо в Трогир вовсе не было составлено на основании срочного (и преждевременного) донесения воеводы Блатка с поля боя своему спозерену (так полагал С.Станоевич),⁵³ а было продиктовано лишь старанием "исправить" противоречивую в общественном сознании картину Косовского сражения и его последствий - разумеется, в лицах короля Твртка. По этой причине, по всей видимости, послание от 1 августа столь бедно фактическими деталями, потому-то здесь вовсе не говорится и о гибели Мурада и Лазаря, что это было уже всем известно; напротив, еще не всем ясной представлялась общая оценка данного события и его результатов. Соответственно Твртко и акцентирует внимание жителей Трогира, которых хочет привлечь на свою сторону, лишь на "факте" своей победы, огромных потерь османов, которые, - и это замечание также примечательно, - "хотели" потом двинуться и на завоевание Далмации. Иными словами, если верить письму, король Боснии не только благочестивий победитель и ратник с "неверными", но и надежный защитник городов Далмации от грядущей угрозы.⁵⁴

Сходные цели просматриваются и в послании короля во Флоренцию, где точно так же возвеличивается его "преславная победа", но в то же время заметна и явная эйфория правителя Боснии, его самоуспокоенность, быть может, вызванная поспешным уходом Баязида с поля битвы и, наверное, преувеличеными сведениями о тяжелых потерях сultанских войск. вместе с тем, на наш взгляд, следует отметить в данном случае и любопытное соединение, либо переплетение этой "боснийской" легенды с сербской традици-

ей, откуда честолюбивый Тартко почерпнул уже известия о геройском поступке анонимного воина, который нанес смертельную рану Мураду.⁵⁵ Впрочем, такая же контаминация деталей, относящихся к разным традициям, заметна и в других, более поздних источниках, рассказывающих о войне 1389 г. (например, в анонимных анналах или летописи Дубровника конца XV в.).⁵⁶

К сожалению, в данной работе нет возможности рассмотреть подробнее все сохранившиеся или реконструируемые сообщения о событиях, непосредственно связанных с Косовской битвой; думается, впрочем, что и при анализе любого памятника чрезвычайно важен комплексный, системный подход, не позволяющий "вырвать" очень краткое и неполное, "недоказанное" известие из сложного и противоречивого контекста военно-политической, международной и социально-идеологической обстановки той поры, напротив, позволяющий учитывать по возможности разные нюансы народно-исторического сознания, отражения столь поразительных процессов османского завоевания в представлениях широких масс населения Юго-Восточной Европы.⁵⁷

Итак, завершая рассмотрение этого вопроса, мы хотели бы почеркнуть вновь, что даже признание "неясности" исхода Косовского сражения (т.е. считать ли его полной или "неполной" победой османов, либо битвой, не законченной каким-то решительным перевесом одной из сторон) не может поставить под сомнение факт чрезвычайно весомых международных последствий войны 1389 г. для всего Балканского полуострова. Бессспорно, что именно после 1389 г. (и в результате данной битвы) Сербия стала зависимой от Порты, а всякая попытка объединения югославянских феодальных государств для отпора османам с того момента была невозможной. Причины известны: и уничтожение вскоре (одного за другим) государств-вассалов, и нараотание в Сербии и Боснии децентрализации, междуусобных распреяй, и, наконец, уже недостаточность сил оставшихся правителей и группировок для сколько-нибудь успешной антиосманской борьбы без помощи государей Централь-

ной и Восточной Европы. Иными словами, после Косовской битвы в процессе османского нашествия, в истории противостояния балканских государств и народов этому завоеванию наступает новый этап – этап, когда уже был настоятельно необходим союз южных славян и других балканских народностей с Королевством Венгрии, Великим Княжеством Литовским, Польшей, Валахией, Молдавским княжеством и другими державами.

1. Стојановић Л. Стари српски родослови и летописи. Београд, 1927. С. II8; ср. там же. С. III, II3, II7, II9, I2I, I23, 2I5-2I7; Речник Ј. Прича о бој у Косовском. Зрењанин, 1976. С. 200-202; Mihaljić R. Lazar Hrabeljanović. Beograd, 1984, С. 227-228
2. Ср., например: Богдановић Д. Косовска битка у историји и свести српског народа // Књижевност, 1989, № I-2. С. 80; Авделев С.Н. Мотивы убийства вражеского царя в былинах и в косовских песнях // Славянский и балканский фольклор. М., 1971. С. 53-56.
3. См., например: Шкриванић Г.А. Косовска битка (15. јуна 1389). Цетиље, 1956. С. 3 сл.; Речник Ј. Прича... С. I63 сл.; и др.
4. См., например: Историја народа Југославије. Београд, 1953, кн. I; Историја српског народа. Београд, 1982, кн. 2; Самарџић Р. Историјско порекло једног мита: косовска традиција // Књижевност, 1989, № I-2; Михаљчић Р. Бој на Косову // Политика (Београд), 1988, I5.УШ - II.УШ и сл.; и др.
5. Новаковић С. Срби и Турци XIV и XV века. Београд, 1960 (3-е изд.). С. 244.
6. Јиречек К. Историја Срба. Београд, 1952, т. I. С. 325.
7. Историја народа... кн. I, С. 420.
8. См., например: Достян И.С. Борьба сербского народа против турецкого ига /XV – начало XIX в./. М., 1958. С. 8-9; История Югославии. М., 1963, т. I. С. II0 /глава И.С.Достян/; История южных и западных славян. М., 1979. С. 49 /раздел А.Е.Москаленко/; Османская империя

- и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XV-XVI вв. М., 1984. С. 47; ср. также: Миллер А.Ф. Краткая история Турции. М., 1948. С. 10; и др.
9. История Византии. М., 1967, т. 3. С. 167.
10. История средних веков. М., 1966, т. I. С. 512; ср. также: История южных и западных славян. М., 1957. С. 66.
- II. Werner E., Markov W. Geschichte der Türken. Berl., 1978. С. 31.
12. Иналчук Х. Османское царство. Классично доба /1300-1600/. Београд, 1974. С. 22.
13. Преглед историја ја југословенских народа. Београд, 1960, д. I. С. 85-86 /раздел И.Божича/; Boživ I. i dr. Istorija Jugoslavije. Beograd, 1972. С. 94.
14. Острогорски Г. Историја Византије. Београд, 1959. С. 502.
15. Острогорски Г. Серска област после Душанове смрти. Београд, 1965. С. 143.
16. Новаковић С. Срби... С. 453, 456 /дополнения С.Чирковича/.
17. Ђирковић С. Историја средњовековне Босанске државе. Београд, 1964. С. 160.
18. Михаљчић Р. Крај Српског царства. Београд, 1975. С. 160-161, 168, 184.
19. Историја српског народа, кн. 2, С. 36, 38, 41, 43-45.
20. Mihaljić R. Lazar... С. 48, 109, 147.
21. См., например: Ђирковић С. Беседа о Косовском боју // Књижевност, 1989, № I-2; Михаљчић Р. Бој на Косову // Политика, 1988, 28.УП.
22. См., например: Новаковић С. Срби... С. 453-456 /дополнения С.Чирковича/; Ђирковић С. Димитрије Кидон о Косовском боју // Зборник радова Византолошког института, 1971, кн. I3; Трифуновић Ђ. Српски средњовековни списи о кнезу Лазару и Косовском боју. Крушевац, 1968; Самарџић Р. Историјско порекло... С. 65 и сл.; Ђирковић С. Беседа... С. 75 и сл.; Mihaljić R. Lazar ... С. II6 и сл.; ср. также: Руварац И. О кнезу

- Лазару. Нови Сад, 1887. С. 219 и сл.; Ребјеп . Причка... С. 164 и сл.; и др.
 23. См., например: Mihaljčić R. Lazar... С. 147-150; ср. выше, прим. 5-19.
 24. См., например: Острогорски Г. Историја Византије. С. 503-506; Османская империя... С. 44-47; Јиречек К. Историја..., т. I, С. 251-252, 311-312 и сл.; ср. выше, прим. 5, 7-13.
 25. Ср.: Острогорски Г. Серска... С. 127-142.
 26. Там же. С. 143-146.
 27. Ср.: Историја српског народа, кн. 2. С. 41.
 28. См., например: Јиречек К. Историја... т. I, С. 323-324.
 29. Ср.: Ђорђевић Г.А. Косовска... С. 30-35.
 30. См., например: Историја Југославии, т. I. С. II.
 31. Острогорски Г. Историја Византије. С. 507.
 32. См., например: Острогорски Г. Историја Византије. С. 509-510; Историја српског народа, кн. 2. С. 47; Историја Црне Горе. Титоград, 1970. кн. 2, т. 2, С. 58-62.
 33. Ср.: Наумов Е.И. Кхинсуглийский эпос и проблемы сербского средневековья // Славянский и балканский фольклор. М., 1971. С. 46-51.
 34. Ср.: Шимољевић С. Мусићи // Историјски часопис. 1966, кн. 33. С. 30-32; Историја Црне Горе. кн. 2, т. 2. С. 53-64.
 35. См., например: Новаковић С. Срби... С. 485; Историја српског народа, кн. 2. С. 43; Ребјеп Ј. Причка... С. 164-165; Азбелев С.И. Мотивы... С. 58-59. Примојловић. палестинск. сборник, 1887, т. IV, пис. 3, С. III, 6.
 36. Историја српског народа, кн. 2. С. 45-46.
 37. См. например: там же. С. 46; Сагаручић Р. Историја је... С. 70.
 38. Историја српског народа, кн. 2. С. 43.
 39. См., например: Ђорђевић Г.А. Косовска... С. 64-65.
 40. См., например: Новаковић С. Срби... С. 483, 455-486; и др.
 41. Станковић С. Кадје убијен цар Мурат // Гласник

- Скопског научног друштва, I936, кн. ХУ-ХҮІ /од.др.н. 9-
10/. С. 47-51.
42. См., например: Ређеп Ј. Прича... С. I65; и др.
43. Ср.: Стано јевић С. Кад... С. 49, 51.
44. Ср., например: Новаковић С. Срби... С. 455; Историја српског народа, кн. 2. С. 44; Самарџић Р. Историјско... С. 67.
45. См., например: Ређеп Ј. Прича... С. I64.
46. Стано јевић С. Кад... С. 48-49; Ређеп Ј. Прича... С. I65, I67-I68.
47. См., например: Ређеп Ј. Прича... С. I73, I75.
48. Ср.: Стано јевић С. Кад... С. 49; Ређеп Ј. Прича... С. I66-I70.
49. Новаковић С. Срби... С. 456.
50. Руварац И. О кнезу Лазару. С. 223.
51. См., например: Ђирковић С. Историја... С. I56-I57, I60-I61.
52. Там же, С. I61, I55.
53. Стано јевић С. Кад... С. 48-49.
54. Ср., например: Ређеп Ј. Прича... С. I66-I67.
55. Там же. С. I67.
56. Руварац И. О кнезу Лазару. С. 340; ср. Ређеп Ј. Прича... С. I83 (к сожалению, в изложении Реджеп "исправлени" наименования "Босния" и "Боснийцы" соответственно на "Сербия" и "сербы").
57. Ср., например: Наумов Е.П. Некоторые методологические проблемы изучения эпических песен о Кралевиче Марке (к вопросу об исторических реалиях в балканском эпосе) // Македонски фолклор, год. XIX, I986, № 37. С. 53 и след.

И.Ф.МАКАРОВА

ИДЕЯ СЛАВЯНСКОГО ЕДИНСТВА В ПАМЯТНИКАХ
БОЛГАРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ НАЧАЛА XIX ВЕКА

Завоевание турками в конце XIX века территории Второго Болгарского царства имело трагические последствия

для истории болгарского народа. Уничтожение независимой государственности, а также последующая интеграция болгарских земель в состав иноязычной и конфессионально чуждой империи поставили под угрозу само существование болгар как особой этнокультурной общности.¹ Завоевание сопровождалось также разрушением исторически сложившейся системы политических, торговых и культурных связей болгарского народа с другими странами и народностями. На рубеже XIV–XV вв. на смену традиционным международным контактам болгар пришла стихийная миграция населения, особенно усилившаяся в период междоусобной борьбы претендентов на османский престол после разгрома и гибели султана Баязида в 1402 г.

Масштабы эмиграции болгарского населения, в частности представителей образованных слоев общества в соседние христианские страны наглядно иллюстрируются материалами распространения так называемого тырновского извода, т.е. правил написания, принятых в Тырновском княжестве в последней четверти XIV в. Эти правила нашли в XV в. самое широкое применение не только в Сербии и Валахии, но и в России. Достаточно сказать, что тырновская орфография стала господствующей в славянских северо-дунайских княжествах на всем протяжении XV–XVI вв.² В Сербии тырновское написание легло в XV в. в основу широко распространившегося ресавского извода,³ а в России в этот период даже начало вытеснять русский полуустав сначала из книжной, а позднее из деловой письменности.⁴

Интенсивная эмиграция неизбежно способствовала межэтническим контактам. А общая историческая судьба balkанских народов в условиях дестабилизации политической и хозяйственной жизни в регионе помогала духовному сближению православного населения Balkan. Свидетельством данной тенденции являются, в частности, материалы Анонимной болгарской хроники – сложного по составу летописного сочинения середины XV в.⁵ По общему мнению исследователей данный памятник носит ярко выраженный "общебалканский" характер,⁶ поскольку акцентирует внимание на событиях не в

какой-либо одной балканской стране, а во всем регионе, включая Византию, Болгарию, Сербию и Валахию. Такой подход составителей хроники свидетельствует об активизации общебалканского сознания в среде образованных слоев Балканского полуострова в первой половине XV в.

В тех же случаях, когда имело место переселение болгарского населения в этнически родственную славянскую среду, логично ожидать усиления в среде эмигрантов и славянского сознания. Примером такого рода могут служить произведения болгарских книжников Григория Цамблака (ок. 1364–1420) и Константина Костенечского (ок. 1380–после 1430). Оба они покинули страну после захвата территории Второго Болгарского царства турками. Константин Костенечский эмигрировал в Сербию, где в качестве придворного книжника жил при деспоте Стефане Лазаревиче.⁷ Григорий Цамблак после длительных скитаний на чужбине, прибыл по приглашению московского митрополита Кирилана около 1406 г. в Россию, где оказался вовлечен в острую церковно-политическую борьбу между правителями Московского и Литовского княжества. В результате жесткой анти-московской позиции литовского князя Витовта в 1414 г. он был провозглашен киевским митрополитом.⁸

В эмиграции оба книжника продолжали интенсивную литературную деятельность. Проживая в Сербии, Константин написал в 10–20-х гг. XV в. историко-грамматический трактат "О письменах", в котором пропагандировал систему правил употребления знаков в церковно-славянском языке, принятую в кругу болгарского патриарха Ефимия Тирновского /1375–1393/ и получившую широкое распространение в Болгарии. Излагая историю создания церковно-славянского языка первоучителями Кириллом и Мефодием, Константин высказывает в трактате мысль о существовании единства между славянами. Практически одновременно Цамблак в период пребывания в восточно-славянских землях пишет два литературных произведения: Надгробное слово московскому митрополиту Кирилану и Похвальное слово болгарскому патриарху Ефимию Тирновскому, в которых так-

же затрагивает эту проблему.

В данной работе предполагается анализ того конкретного содержания, которое указанные авторы вкладывали в свое понимание идеи славянского единства. Следует отметить, что при всем обилии научной литературы, посвященной жизни и литературной деятельности Константина Костенечского и Григория Цамблака, исследование данной проблематики не нашло должного места в историографии. Если точка зрения Константина на общеславянский характер церковно-славянского языка в общем виде отмечалась в работах, посвященных его грамматическому трактату,⁹ то анализ взглядов Цамблака на проблему славянского единства практически оказался вне поля зрения исследователей. Между тем данная проблема является чрезвычайно важной для общей характеристики общественного сознания эпохи и уточнения специфики отношений между славянскими народами в начальный период турецкого владычества на Балканах.

Наиболее четко и последовательно идея общеславянского единства провозглашена в трактате Константина Костенечского "О письменах". В этом сочинении, содержащем теоретическое объяснение проводимой на Балканах во второй половине XIV в. реформы славянской письменности, Константин излагает общую для болгарских книжников филосовскую платформу,¹⁰ важной составной частью которой является вопрос о единой славянской письменности. Обращаясь к истории создания церковно-славянского языка, Константин формулирует мысль об изначальном языковом и племенном единстве всех славян. К единой славянской языко-племенной семье он относит русский, болгарский, сербский, боснийский, словенский, чешский и хорватский языки.¹¹ Единственным пропущенным в тексте оказывается польский язык. Важно отметить, что по логике автора разговорный язык есть категория этническая, т.к. носителем каждого конкретного языка является соответствующее племя: процесс создания нового синтетического языка происходит в результате совместной деятельности представителей "от всех сих племен".¹² По этой же причине автор

считает необходимым пояснить смысловую разницу между терминами язык и єзык /γλόσσα, 'έθνος т.е. язык и племя/¹³ и требует во избежание смысловых ошибок в рукописях строго соблюдать в написании первую букву.¹⁴ Вероятно в общественном сознании эпохи эти понятия были достаточно тесно связаны. Поэтому вновь созданный церковный язык является общеэтническим языком всех славян: он есть "ни български ни сръбски... нъ словенску, еже есть въсех сих племенъ".¹⁵ Сам же факт его создания оказывается как бы зиркмым воплощением идеи славянского этнического единства.

Характерно, что в тексте Константина замалчивает проблему конфессиональных различий внутри славянской семьи народов. В отношении славян он опускает деление на православных и католиков. Возможно, этот факт указывает на определенный приоритет в сознании автора идеи изначального этнического, т.е. языкового и племенного единства славян по отношению к их более позднему разделению в рамках христианского вероисповедания. Этому позднейшему разделению должен по логике автора препятствовать уже сам факт создания общего церковно-славянского языка. Данная постановка вопроса вытекает из его взгляда на этот язык как на один из немногих в мире священных языков святого писания,¹⁶ а поэтому на необходимость сохранения его строя и чистоты как залога чистоты религиозного учения тех племен, которые его используют.¹⁷ Проблема защиты христианской доктрины и сохранения строя общеславянского языка оказываются в трактате явлениями одного порядка. В силу этого, рассуждение Константина о жесткой взаимосвязи между грамматическими ошибками в написании церковных текстов и возникновением еретических вероучений¹⁸ как бы намечает основные контуры идеи общей ответственности славянских народностей за судьбы христианского учения в их землях и сплачивает народы в исполнении единой религиозной миссии.

Трудно судить, до какой степени взгляды Константина на проблему славянского этнического и конфессионального

единства соответствовали воззрениям широких слоев балканской общественности той эпохи, однако значительное распространение краткого списка трактата в XV-XVI вв. на территории Болгарии, Сербии и России¹⁹ свидетельствует о том, что в отношении сознания славянских книжников этих стран в данный период можно наблюдать активизацию общеславянского самосознания.

Высказанная Константином Костенечским общая идея о единстве славян в рамках этнической и конфессиональной общности получает конкретное воплощение в сочинениях Григория Цамблака. В Похвальном слове Евдимию у Цамблака можно обнаружить отголоски мысли Константина о этническом единстве славян, однако в очень скромном объеме. Речь идет об указании автором территорий, языков которых по его мнению родственен болгарскому. В целом их география совпадает с ареалом, очерченным Константином. У Цамблака родственные славянские языки занимают территорию "севернаа въсе до океана и западнеа до Илирика",²⁰ а у Константина ареал их распространения включает на севере русские области, а на западе чешские и хорватские.

Более подробно на проблеме славянского, а точнее болгаро-русского единства Цамблак останавливается в другом своем произведении – Надгробном слове митрополиту Киприану. Написанное по всей вероятности около 1409 г. в пределах Московского или Литовского княжества,²¹ оно было призвано подчеркнуть близость автора к умершему в 1406 г. Московскому митрополиту. Не менее важным для Цамблака было расположить к себе русскую аудиторию, без поддержки которой болгарский эмигрант вряд ли мог рассчитывать на успешную карьеру в чужой стране.

Прежде чем приступить к анализу взглядов Цамблака на характер единства между болгарами и русскими необходимо отметить, что до сих пор данная проблема фактически не разрабатывалась учеными. Исследование этого вопроса тормозилось наличием в историографии определенной традиции, связанной с терминологической интерпретацией некоторых отрывков в Надгробном слове.

В тексте Слова встречаются термины брат, отец, чада. Их формальное соседство в тексте с именами митрополита Киприана, патриарха Евфимия и местоимения первого лица множественного числа "мы" породило в русской дореволюционной и современной болгарской историографии традицию трактовать эти термины в смысле указания на наличие физического родства между болгарским патриархом Евфимием, московским митрополитом Киприаном и киевским митрополитом Григорием Цамблаком. Родоначальником этой традиции стал архиепископ Макарий.²² Эта точка зрения была поддержана и обоснована архимандритом Леонидом, который считал Евфимию и Киприана близкими родственниками, а Цамблака родным племянником Киприана.²³ В болгарской историографии доказательством родства трех болгар-иерархов на материале Надгробного слова наиболее активно занимался И.Иванов,²⁴ а в наши дни Н.Дончева-Панайотова.²⁵

Между тем еще в прошлом веке ряд ученых, и среди них П.Соколов²⁶ и Е.Голубинский²⁷ сомневались в том, что в тексте автор говорит о родстве физическом, а не духовном. В наше время эта точка зрения была поддержана западногерманским профессором И.Холтхузеном, который в 1968 г. на VI международном конгрессе славистов сообщил, что открыл источник, который лежит в основе данного сочинения Цамблака – это Надгробное слово епископу Мела тию Антиохийскому Григория Нисского.²⁸ Сопоставив два произведения, И.Холтхузен приходит к выводу, что Цамблак следует своему литературному первоисточнику как в идеином, так и в стилистическом аспекте, а следовательно в Надгробном слове Киприану речь может идти лишь о родстве духовном, поскольку одной из важнейших тем Григория Нисского является мысль о духовной связи между епископами.

Если попытаться проанализировать Слово, исходя из данной точки зрения, можно выявить четко декларируемую, но своеобразно понимаемую идею болгаро-русского единства, исследование которой преобладала господствовавшая до сих пор в научной литературе традиций.

Анализ показывает, что вся композиция Слова строится

ся на риторическом противопоставлении болгарской и русской паства (мы-вы). Поэтому вряд ли состоятельно отождествление местоимения "мы" с личностью автора. "Мы" – это болгари, паства патриарха Евфимия. "Вы" – это русские, паства митрополита Киприана. Главная мысль произведения – тождество духовного вероучителя и истинного "родителя" народа. Эта идея последовательно проводится Цамблаком и в системе отношений Киприана к русским, и в отношении Евфимия к болгарам. Русская паства потеряла в лице Киприана "не учителя токмо, но и родителя, и благодатию пресвятого духа вас породи, воспита и евангелием, наказа же учением отеческим, упремудри господним страхом".²⁹ Аналогичным образом Киприан при посещении Тырнова в 1379 г. встречается с "рождением нас /т.е. болгар/ отцем и учителем".³⁰ В тексте же речь идет о торжественной встрече московского и болгарского иерарха. Через указанное тождество определяется основная терминология Слова: отец – церковный иерарх, чада или сыновья – паства. Прямым логическим следствием является повторение автором мысли Григория Нисского о духовном родстве епископов и употребление для обозначения отношений между Евфимием и Киприаном термина брат. Таким образом выражение "брат беаше нашему отцу"³¹ никак нельзя трактовать как указание на родство Киприана с отцом Цамблака, а лишь как на констатацию тождественной паствской функции иерархов.

На основе этого тождества автором выстраивается и картина идеализированного болгаро-русского братства во Христе: Евфимий – отец, а болгари – чада; Киприан – отец, русские – чада; Евфимий и Киприан – братья; следовательно их духовные чада также являются братьями. Мысль о духовном родстве болгар и русских оказывается кульмиационной в произведении, это та мысль, к которой Цамблак пытается подвести своих русских слушателей всей логикой Слова. В заключительной его части он прямо подытоживает: "братия бо вам есмы отлучшии, понеже и отец ваш... брат беаше нашему отцу. Сего ради егда веселястеся вы, и мы слышаще, веселию вашему спричашомся, и плачу вашему по-

добны есмы сообщница".³²

Эта возникшая духовная близость двух паств по мысли автора особенно прочна благодаря тому, что иерархи являются соотечественниками. Цамблак специально оговаривает и настойчиво подчеркивает в тексте, что Киприана, Евфимия и его самого "наше /т.е. болгарское/ отчество изнесе".³³ Напоминая русской аудитории о болгарской этнической принадлежности их иерарха, Цамблак безусловно преследовал политические цели, стремясь всячески подчеркнуть свою близость к усопшему, однако мало вероятно, что он стал бы подчеркивать факт принадлежности к иной этнической общности, если бы общеславянское сознание его слушателей и его собственное было в данную историческую эпоху притуплено.

По-видимому, факт этнического родства болгар и русских был для начала ХУ в. достаточно очевиден. Во-всяком случае, Цамблак не считает нужным на нем подробно останавливаться, акцентируя внимание не на идеи общего этнического единства народностей, а на конкретном случае братства, основанном на базе одновременной пастырской деятельности двух иерархов-сратечественников, т.е. братства на основе этно-конфессиональной. Следует отметить, что если идея конфессионального единства всех православных народов славянского мира была достаточно типична для славянской и византийской литературы второй половины XIU-начала ХУ века, то мысль Цамблака об особом характере болгаро-русского единства является уникальной среди памятников этого периода.

В целом данные рассмотренных в работе памятников болгарской литературы начала ХУ века дают основания говорить об определенной активизации общеславянского сознания в среде образованных слоев болгарского общества, эмигрировавших в соседние славянские страны. В отличие от источников XIII-XIV в., материал которых весьма скучен с точки зрения выводов о сохранении в среде болгар сознания славянской этнической общности,³⁴ в сочинениях Константина Костенечского и Григория Цамблака идея славянс-

кого этнического и конфессионального единства занимает довольно значительное место. Такое положение дел, возможно, не в последнюю очередь объясняется конъюнктурными соображениями, вынуждавшими болгар-эмигрантов подчеркивать в своих произведениях то общее, что объединяло их с местным населением, однако, думается, что политическая ситуация в балканском регионе, противопоставившая в этот период тюрок-мусульман и славянские христианские народы объективно также должна была способствовать активизации сознания славянского единства не только в среде эмигрантов, но и в самых широких слоях славян Балканского полуострова.

1. Гандев Хр. Българската народност през ХУ век. Демографско и этнографско изследване. София. 1972; Литаврин Г.Г. Первые три столетия османского ига в Болгарии /конец XIV - начало XVII в./ // Краткая история Болгарии. С древнейших времен до наших дней. М., 1987. С. 161-178; Цветкова Б. Опазване на българската народност и изяви на народностно сознание през ХУ-ХУШ в. София. 1972; Иванова Э. Формирование и развитие национального самосознания болгар эпохи национального Возрождения /до 70-х гг. XIX в./ : Автореф. дис...канд. ист. наук. М., 1985.
2. Яцимирский А.И. Из истории славянской письменности в Молдавии и Валахии в XIV-XVII в. СПб., 1906. С. СХІУ.
3. Сырку П.А. Очерки из истории литературных сношений болгар и сербов в XIV-XVII в. СПб., 1901. С. 02-03.
4. Тихомиров М.Н. Исторические связи России со славянскими странами и Византией. М., 1969. С.144.
5. Наумов Е.П. Анонимная болгарская хроника и проблемы балканской общественно-политической мысли /XIV-XV вв./ // Балканские исследования. Вып. 3. М., 1978. С. 242.
6. Bogdan I. Ein Beitrag zur bulgarischen und seroischen Geschichtsschreibung // Archiv fur Slavische Philologie. 1891. Bd.XIII.S.490; Наумов Е.П. Указ. соч. С. 24I;
- Ангелов Б. За авторство на "Българската хроника" от на-

- чало на ХУ в к // Литературна мисъл. 1969. № 6. С. 80.
7. Трифонов Ю. Живот и дейност на Константина Костенечки // Списание на Българската академия на науките. 1943. Т. 65. С. 223-292.
8. Яцмировский А.И. Григорий Цамблак. Очерк его жизни, административной и книжной деятельности. СПб., 1904.
9. Лихачев Д.С. Некоторые задачи изучения второго южнославянского влияния в России / IV Международный съезд славистов. Доклады./ М., 1958. С. 20-25; Куев К., Петков Г. Граматическият трактат на Константин Костенечки "Сказание за буквите" // Куев К., Петков Г. Събрани съчинения на Константин Костенечки. София., 1986. С. 32-81; Ягич И.В. Книга Константина Философа и грамматика "О письменех". По единственной рукописи Карловицкой библиотеки ХУ столетия // Ягич И.В. Рассуждения южнославянской и русской старины о церковно-славянском языке // Исследования по русскому языку. I. СПб., 1885-1895. С. 366-382, 488-517.
10. Лихачев Д.С. Указ. соч.
- II. Цитируется по изданию: Ягич И.В. Указ. соч. "О письменех". С. 383-487. Здесь С. 396.
12. Там же. С. 398
13. Там же. С. 405-406.
14. Там же.
15. Там же. С. 398.
16. Там же. С. 413.
17. Там же. С. 390.
18. Там же. С. 395.
19. Куев К., Петков Г. Указ. соч., с. 271.
20. Цитируется по изданию: Kaluzniacki E. Aus der panegyrischen Literatur der Südslaven. Wien. 1901. С.28-68.
Здесь С. 49.
21. Дончева-Панайотова Н. Кога и къде е написано "Похвално слово" за Киприан // Литературна мисъл. 1976. № 2. С. 150-155.
22. Архиеп. Макарий /Булгаков/ О Григории Цамблаке, митрополите Киевском как писателе // Известия Академии наук

- по отделению русского языка и словесности. Ул. Вып. 2. СПб., 1857. С. 97-153.
23. Архим. Леонид. Киприян до восшествия на московскую митрополию // Чтения в обществе истории и древностей Российских при Московском университете. Кн. 2. М., 1867. С. II-32.
24. Иванов Й. Българското книжовно влияние в Русия при митрополит Киприан // Известия на института за Българската литература. 1958. Кн. Ул. С. 25-79.
25. Дончева-Ланайотова Н. По въпроса за родство между митрополит Киприан и Григорий Цамблак // Старобългарска литература. Вып. 3. София. С. 77-85.
26. Соколов П. Киевский митрополит Григорий Цамблак // Богословский вестник. 1895. Кн. 7. С. 60.
27. Голубинский Е. История русской церкви. Т. 2. М., 1900. С. 297-298.
28. Holthuzen J. Neues zur Erklärung des Nadgrobnoe slovo von Grigorij Camblak auf den Moskauer Metropoliten Kiriak// Sonderdruck aus Slavischen Studien zum VI Internationalen Slavistenkongress in Prag. München. 1968. S. 5/-2-282.
29. Цитируется по изданию: Архим. Леонид. Надгробное слово Григория Цамблака российскому архиепископу Киприану // Чтения общества истории и древностей российских. Кн. I. М., 1872. С. 25-32. Здесь С. 26.
30. Там же. С. 27.
31. Там же. С. 29.
32. Там же.
33. Там же. С. 25.
34. Литаврин Г.Г. Особенности развития самосознания болгарской народности со второй четверти X до конца XIX века // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху зрелого феодализма. М., 1989. С. 65-66.

УСТАНОВЛЕНИЕ ВАССАЛЬНОЙ ЗАВИСИМОСТИ ВАЛАХИИ ОТ ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ

С середины XIV в. после захвата полуострова Галлиполи (1354 г.) османы перешли к активной экспансии на Балканах. При султане Мураде I (1360–1389) и его преемнике Баязиде I (1389–1402) были завоеваны все византийские владения на Балканах, кроме небольшого района с центром в Константинополе, и болгарские земли; вассалом султана стала Сербия (1389)¹.

Османскому наступлению содействовала политическая обстановка на Балканах в этот период. Османские правители умело использовали разобщенность балканских стран, постоянно соперничавших между собой за расширение владений и ослабленных междоусобной борьбой феодальных группировок, приводившей к внутренней децентрализации в этих странах.

Одновременно, противодействуя распространению власти османов, стремились упрочить свои позиции на Балканах Венецианская республика и Королевство Венгрия. Венеция, заинтересованная в торговых преимуществах, в соперничестве с Генуей утвердилась на Адриатическом побережье. Венгерские короли присоединили к своим владениям северные области Боснии и Сербии, укрепили влияние в Валахии и Молдавском княжестве, добиваясь от их господарей признания вассальной зависимости. В условиях конфронтации между Венгрией и Османской империей правители балканских стран вынуждены были проводить политику лавирования, переходя с одной стороны на другую. Стремясь к реализации собственных материальных и политических интересов в балканском регионе, венгерские короли действовали под флагом борьбы с османами, привлекая таким образом местное население и получая его содействие. Этому благоприятствовало то, что со второй половины XIV в. все большее распространение среди балканских правителей по-

лучает идея антиосманского союза как основы для укрепления государственных и церковных связей православных государств. Но вмешательство Венгрии и Венеции в реализацию планов создания антиосманской коалиции приводило к обострению конфликта между балканскими странами, усиливающих их разобщенность и ослаблявших попытки совместного отпора османам².

Для Валашского княжества задача отражения угрозы со стороны Османской империи встала реально с конца XIV в. В этих условиях на первый план выдвинулась необходимость укрепления внешнеполитических позиций княжества.

Господарь Мирча Старый (1386–1418) в реализации своих планов внешней политики придавал важное значение стабилизации экономики и внутриполитического положения. С этим были связаны принятые им меры содействия развитию производства и торговли. Показатель широкого развития как внутренней, так и внешней торговли княжества в период правления Мирчи – серебряные монеты, циркулировавшие не только в княжестве, но и за его пределами. Мирча подтвердил данные его предшественниками торговые привилегии купцам Брашова, предоставил привилегии торговцам из Польши и Литвы. Росту доходов княжества способствовала регламентация господарем размеров пошлин. Все это позволило укрепить материальные ресурсы и военный потенциал княжества. Большое внимание Мирча уделял мерам по усилению обороноспособности страны – строительству крепостей и увеличению военных сил³.

Первоочередную задачу своей внешней политики Мирча видел в предотвращении подчинения Валахии султану. Чтобы противостоять натиску османов с юга, Мирча считал необходимым, прежде всего, укрепить северные границы княжества. С этой целью он наладил отношения с молдавским господарем Петром I Мушатом. При посредничестве последнего Мирча заключил в 1389 г. с королем Польши Владиславом Ягеллоном союз о взаимной помощи против венгерского короля Каймона⁴. Связи с молдавским боярством позволили

Мирче укрепить свои позиции в Молдавском княжестве и оказывать влияние на внутривлашскую борьбу за власть, в результате которой в 1400 г. престол занял Александр Добрый.⁵ В целях защиты южных границ княжества Мирча укрепил крепости по Дунаю, создал "великое войско" из горожан, свободных и зависимых крестьян.

Реальная угроза османского завоевания нависла над Валахией, когда в 1391 г. османское войско во главе с Фируз-беем проникло на территорию Валахии и подвергло ее страшным разорениям⁶. Учитывая общую ситуацию на Балканах, Мирча счел необходимым переориентироваться на союз с Венгрией, которая в 1390 и 1391 гг. вела борьбу против османских вторжений на юго-восточных своих границах⁷. Чтобы положить конец этим вторжениям, венгерский король Жигмонд предпринял летом 1392 г. успешные действия против султанских войск на территории Сербии. Одновременно в этот период венгерский король стремился к созданию широкого антиосманского блока, в котором наряду с Венгрией должны были принять участие также Польша, Австрия, Боснийское королевство. Венеция, обусловив свое участие в блоке вступлением в него Англии и Франции, фактически отказалась от совместных действий против султана. В этих условиях Жигмонд проявил заинтересованность в привлечении к антиосманскому союзу Валахии.⁸

Успехи Баязида в Болгарии, весть о подготовке им завоевания Валахии, Видина и Добруджи вызвали тревогу в Буде. Государственное собрание, созванное в апреле 1394 г., приняло меры по мобилизации военных сил и материальных ресурсов для борьбы с Османской империей. Были закреплены союзные отношения с Польшей⁹. В мае король Жигмонд направил посланство к валашскому господарю с предложением совместных действий против султана¹⁰. Предложение венгерского короля отвечало планам Мирчи, стремившегося лишить султана опорных пунктов наступления на Валахию.

Осенью 1394 г. Баязид во главе большого войска перешел Дунай с намерением разбить Мирчу и подчинить себе

Валашское княжество. Решающее сражение произошло 10 октября на р. Арджеш при Ровине. Под напором сопротивления отрядов Мирчи, султанские войска, подвергнув княжество опустошительному разорению, были вынуждены отступить¹¹. Однако османам удалось обосноваться в крепостях по берегу Дуная, в том числе в Никополе, сохранив таким образом базу для новых вторжений на территорию княжества¹². Жигмонд, находившийся со своими войсками на юго-восточной границе Венгерского королевства, не нашел нужным выступить на помощь своему союзнику валашскому господарю¹³.

Успех при Ровине стоил княжеству больших жертв. Но он не привел к упрочению власти Мирчи и политической стабилизации в княжестве. Наоборот, растет оппозиция крупных бояр, противников усиления господарской власти¹⁴. Основной базой этой группировки валашского боярства являлись западные районы княжества, где сепаратистские тенденции были сильны еще со времен первого господаря Басараба¹⁵. Целью враждебной Мирче боярской партии было свержение его с престола. Для этого она согласна была на мир с султаном и выдвинула своего претендента на господарский престол сына Дана I Влада, вошедшего в историю под именем Влада "Узурпатора". Действиям этой партии валашских бояр благоприятствовали события в Молдавском княжестве, где Польше удалось возвести на господарский престол своего ставленника Штефана I, поддерживавшего претензии Влада в Валахии в борьбе против Мирчи. Экспедиция венгерского короля Жигмонда в Молдавское княжество в начале 1395 г. с целью установления венгерского суzerенитета и включения его в антиосманскую борьбу должна была в то же время лишить Влада помощи Польши и Штефана и способствовать стабилизации положения Мирчи, союзника Жигмонда¹⁶.

В сложившихся тяжелых внутриполитических и внешних условиях Мирча придавал важное значение отношениям с Венгрией. В марте 1395 г. между Мирчей и Жигмондом был заключен договор в рамках общей антиосманской борьбы.

По условиям договора валашский господарь со своими войсками должен был участвовать в военных действиях против султана, обеспечить свободный проход общих антиосманских сил через территорию княжества, за определенную плату обеспечить их провиантом и транспортными средствами.

Жигмонд пожаловал Мирче крепость Бран¹⁷.

Между тем враждебная Мирче группировка валашских бояр во главе с претендентом на престол Владом начала с султаном переговоры о помощи. В мае 1395 г. османские войска вторглись на территории к северу от Дуная. Это усилило позиции противников в Мирчи. Попытка венгерского короля помочь Мирче оказалась безуспешной. Посланный во главе отряда на помощь валашскому господарю бывший бан Штефан Ломонц пал в сражении с войсками султана и отрядами Влада¹⁸.

Летом 1395 г. Жигмонд сам возглавил поход в Валахию. Чтобы поддержать Мирчу, находившегося в господарском дворце Куртя де Арджеш, венгерский король был вынужден провести войска длинным и трудным путем через Трансильванию и горные районы. Одержав победу в первом столкновении с турецкими войсками и отрядами Влада в долине Дуная и захватив крепость Малый Никополь¹⁹, Жигмонд повернулся свое войско в направлении венгерских границ. На обратном пути в районе одного из трудных горных перевалов в конце августа королевские войска были атакованы отрядами Влада и понесли большие потери²⁰. Мирча, лишенный поддержки боярства в княжестве, не получил таким образом и помощи своего венгерского союзника. Владу с помощью османов удалось захватить Куртя де Арджеш и сместить Мирчу с престола. Став господарем, Влад подчинился султану и уплачивал ему дань²¹.

В ответ на попытку Жигмонда противостоять претензиям Порты на Валахию султан предпринял в конце 1395 г. нападение на Трансильванию²². Неудача похода Жигмонда в Валахию летом 1395 г. была использована польским королем для того, чтобы вовлечь Влада как валашского господаря в орбиту своих интересов, имевших антивенгерскую направ-

ленность. На стороне Польши против Мирчи и его венгерского союзника выступал и молдавский господарь Штефан, который актом признания польского суверенитета от 16 января 1395 г. обязывался помочь Владиславу против Венгрии, валашского господаря (т.е. Мирчи), а также против турок и татар.²³ Результаты усилий польского короля не замедлили оказаться. 28 мая 1396 г. Влад признал себя вассалом польской короны²⁴.

Летом 1396 г. с помощью трансильванского воеводы Штибера Мирча попытался восстановить свои позиции в Валахии. Хотя ему и не удалось устраниТЬ своего соперника - Влада, но Мирча сумел под знаменем борьбы против угрозы османского завоевания собрать в княжестве значительное число отрядов, с которыми принял участие в организованном Жигмондом осенью 1396 г. крестовом походе²⁵. Судьба похода была решена у крепостных стен болгарского города Никополя на правом берегу Дуная. Жесточайшее сражение (25 сентября 1396 г.) между крестоносными войсками и в два раза превосходившей их по численности армией султана Баязида I закончилось победой османов²⁶. Непосредственным ее следствием было превращение последнего болгарского царства в Видине в турецкий пашалык.

Победа Баязида I под Никополем закрепила османские завоевания на Балканах и поставила перед непосредственной угрозой Венгрию, Молдавское и Валахское княжества, Польшу. Поражение крестоносцев сыграло определенную роль в изменении настроений валашских бояр в пользу антиосманской борьбы, что сразу же сказалось на укреплении позиций Мирчи в Валашском княжестве. При содействии трансильванского воеводы Штибера Влад был свергнут и доставлен в Венгрию, Мирча вернулся в Валахию²⁷.

Нависшая после Никополя опасность османского завоевания Валахии заставляла Мирчу искать поддержку у венгерского короля. В письме Жигмонда от 23 марта 1399 г. к одному из бывших его союзников говорится о получении письма от валашского господаря с просьбой к королю о незамедлительной помощи против Баязида, который может в бли-

жайшее время напасть на Валахию. Из письма видно, что венгерский король, в полной мере оценивая для Венгерского королевства опасность подчинения султаном Валахии, был, со своей стороны, также заинтересован в поддержке Мирчи²⁸. Это подтверждается и тем фактом, что именно после Никополя Мирча в дополнение к своим прежним владениям в южной Трансильвании²⁹ получает от Иштвана еще крепость Балогу с поместьем, расположенным в центре Трансильвании, на западе от Клужа³⁰. Определенную роль в укреплении отношений Валахии с Венгрией играли и родственные связи господаря с венгерскими магнатами. Имеются свидетельства, говорящие о венгерском происхождении жены Мирчи³¹.

В начале XIV в. Баязид I должен был приостановить наступательные действия на Балканах. В 1400 г. султан двинул свои войска в Малую Азию, куда вторглись полчища среднеазиатского правителя Тимура, стремившегося к возрождению державы Чингис-хана. В битве при Ангоре (Анкаре) 28 июля 1402 г. османские войска были разбиты Тимуром, султан и два его сына попали в плен. После разгрома армии Баязида войска Тимура совершили опустошительные походы на юг и запад Анатолии. Чтобы ослабить империю османов, Тимур расчленил ее на части, восстановив прежде самостоятельные бейлики и разделив владения османов между четырьмя сыновьями Баязида I. Начавшаяся между ними междоусобная борьба за власть усилила опасность распада империи³².

Внутренние неурядицы, возникшие в Османской империи в результате нашествия Тимура, создавали благоприятные условия для организации антиосманского наступления на Балканах. Ослабление империи было использовано и Мирчей, которому в результате ряда военных акций против турецких войск удалось вернуть территории, захваченные султаном в 1393–1396 гг. В то же время, понимая значение объединения усилий европейских государств в борьбе против Османской империи, валахский господарь был готов принять участие военными силами в широком антиосманском наступ-

лении, инициатором которого снова выступил венгерский король. Эти намерения Мирчи проявились во время его встречи с Жигмондом в конце 1406 г. в Северине, когда шла речь о планах совместных антиосманских действий³³. Но взаимные противоречия помешали европейским государствам объединиться, чтобы воспользовавшись ослаблением Османской империи, ликвидировать угрозу османского продвижения в Европу. В этих условиях Мирча стремился использовать разгоревшуюся в империи междоусобную борьбу для укрепления своих позиций. В 1411 г. валашский господарь поддержал претендента на султанский трон одного из сыновей Баязида I Мусу³⁴. Их отношения были окреплены браком Мусы и дочери валашского господаря³⁵.

Но правление Мусы продолжалось недолго. В 1413 г. османский престол занял младший сын Баязида Мехмед I³⁶. Когда в 1415 г. появился новый претендент на престол брат султана Мустафа, Мирча предоставил емуубежище в своем дворце и оказывал помощь в действиях против Мехмеда в областях к югу от Дуная. В декабре 1416 г. Мустафа потерпел поражение в сражении с султанскими отрядами³⁷. Отношения Мирчи с Мустафой послужили предлогом для экспедиции султана в Валахию. Враждебность султана к валашскому господарю усугубилась тем, что в Валахию бежал шейх Бедреддин, возглавивший крестьянское восстание 1416 г. в Анатолии и Румелии³⁸. В начале 1417 г. Мехмед двинулся с большим войском на княжество. Мирча вынужден был согласиться на уплату султану дани и послать заложником в Стамбул своего племянника Дана^{39*}.

---

* Ряд исследователей, основываясь на свидетельстве Халкокондила о том, что, став султаном, Мехмед I послал войска в Валахию и валашский господарь заключил с ним мир на условиях уплаты дани⁴⁰, относят военную экспедицию Мехмеда в Валахию к первым годам его правления, т.е. 1413 или 1414 гг. Соответственно 1415 г. эти учёные датируют уплату Мирчей дани византийцам⁴¹. Между тем свидетельство византийского хрониста не подтверждено (продолж. на сл. стр.).

После смерти Мирчи (1418 г.) в Валахии начинается длительный период политической неустойчивости, вызванной борьбой различных группировок крупного боярства за власть и влияние в княжестве⁴³. Борьба за престол, приводившая к частой смене господарей, отрицательно сказывалась на экономике и политической жизни княжества. Положение ухудшалось вмешательством соседних государств, к помощи которых обращались соперничающие группировки бояр. К этому времени относится появление проосманской боярской группировки, сыгравшей в дальнейшем пагубную роль в подчинении княжества Османской империи. Союз с османами становится в последующем классовой программой крупного валашского боярства. С усилением проосманских настроений среди бояр растет влияние Порты в княжестве.

Летом 1419 г. по приказу султана Мехмеда бен соседних с Валахией областей, в частности Видина, совершили нападение на территорию княжества. В ответ на эту акцию султана венгерский король Жигмонд предпринял осенью 1419 г. антиосманские действия, в результате которых присоединил к своим владениям Северин⁴⁴.

Относительная стабилизация внутреннего положения в империи позволила султану Мехмеду I возглавить летом 1420 г. крупную военную экспедицию против Валахии, чтобы подчинить себе княжество и лишить тем самым Венгрию возможности использовать его в антиосманских планах⁴⁵. По-

---

дается турецкими и другими современными ему источниками. Румынский историк М.Пиенару, проанализировав целый круг письменных памятников первых двух десятилетий XV в., в том числе турецких, персидских арабских, сирийских, убедительно показал, что в 1413 и 1414 гг. между Мирчей и Мехмедом не было конфронтации, что враждебность султана к господарю появляется только в конце 1416 – начале 1417 гг. после того, как при валашском дворе получили убежище сначала его соперник Мустафа, а затем шейх Бедреддин⁴². Следовательно, первая уплата Мирчей дани султану может быть отнесена к 1417 г.

сланное венгерским королем в Валахию войско опоздало. Султанские отряды прошли через княжество в Банат, захватили крепость Северин, важный опорный пункт на пути к Трансильвании. Часть султанских войск после завершения кампании в Валахии направилась к южным границам Молдавского княжества и атаковала крепость Килию, отвоеванную у Валахии незадолго господарем Александром Добрым⁴⁶. Последствия военной экспедиции Мехмеда были тяжелыми для Валахии. Княжество лишилось ряда территорий по Дунаю, в том числе Добруджи, имевших важное оборонительное значение.

Ставший господарем после смерти Мирчи его сын Михаил I (1418–1420), покровительствуемый Венгрией, был убит Даном II (1420–1431), получившим помощь султана. Но вскоре Дан перешел на сторону венгерского короля Жигмонда I и начал антиосманские военные действия. Дважды, в 1423 и 1425 гг., валашскому господарю при поддержке венгерских сил удалось перейти Дунай и нанести османам поражение⁴⁷.

Бояре, сторонники соглашения с султаном, выдвинули против Даны Раду II Празнаглава, которого Порта стала поддерживать в качестве претендента на господарский престол. Борьба между Даном, имевшим покровительство венгерского короля, и Раду Празнаглавом велась с переменным успехом с 1421 по 1427 гг. С османской помощью Раду несколько раз изгонял Дана из Валахии. Весной 1427 г. Дану удалось устраниТЬ соперника и утвердиться на престоле⁴⁸. Лишенный помощи Жигмонда, занятого антиосманскими действиями на территории Сербии и потерпевшего поражение при взятии крепости Голубац, Дан в 1428 г. подчинился султану с обязательством уплаты дани⁴⁹.

Османское влияние в княжество усилилось при господаре Александре I Алдя (1431–1436). Его попытки обращения к брашовянам за поддержкой в получении помощи венгерского короля были нерешительны⁵⁰. Безвольный господарь стал послушным инструментом в руках боярства, ориентированного на союз с султаном. Александр Алдя соглашался со всеми требованиями Порты. Он обязался участвовать с отрядом в

османском походе на Трансильванию и послать заложниками в Стамбул сыновей бояр. Политическое господство бояр и вмешательство турок приводили к ослаблению центральной власти. Все это тяжело отражалось на состоянии хозяйства и всей экономики княжества, вызывало социальные волнения⁵¹.

В этих условиях группа провенгерских настроенных бояр при поддержке феодалов Трансильвании добилась в 1436 г. возведения на престол другого сына Мирчи, Влада, по прозвищу Дракул. Но Влад Дракул также вскоре изменил ориентацию. Он лично явился к султану с данью⁵² и согласился выставить войско для участия в военных действиях османов против Венгрии. Однако, заподозрив измену в продолжавшихся связях Дракула с Трансильванией, султан заключил его в тюрьму и выпустил лишь после прибытия в Стамбул в качестве заложников его малолетних детей⁵³.

Дракул принял участие в антиосманской борьбе, возглавленной трансильванским воеводой и правителем Венгрии Яношем Хуньяди. Когда османские войска во главе с румелийским бейлербеем Шехабеддином вторглись в Валахию, Хуньяди пришел на помощь валашскому господарю и в сентябре 1442 г. нанес поражение османам в долине р. Яломицы⁵⁴. Во время предпринятого Венгрией по инициативе папы осенью 1444 г. антиосманского похода валашские отряды должны были прибыть в Никополь, куда направлялись, перейдя в сентябре Дунай, войска Хуньяди. Прибыв в Никополь и увидев немногочисленность возглавляемых Хуньяди войск, Влад Дракул отказался участвовать в походе⁵⁵. После поражения под Варной возвращавшийся через Валахию Хуньяди был пленен валашским господарем и освобожден под угрозой вторжения венгерских войск в княжество⁵⁶. Но уже осенью 1445 г. Влад Дракул со своими войсками участвовал в новой антиосманской экспедиции Хуньяди, в результате которой была освобождена крепость Джурджу.

Вскоре Дракул примирился с султаном. Тогда Хуньяди поддержал претендента на валашский престол Владислава II, и с целью оказания ему помощи организовал в январе 1447 г.

поход в Валахию⁵⁷. Но Владислав стал проводить политику лавирования между Венгрией и Османской империей. В его правление внешнеполитическое положение Валахии определялось османо-венгерским договором 1452 г., по условиям которого княжество, оставаясь вассалом Венгрии, должно было уплачивать дань Порте⁵⁸.

В 1456 г. престол Валахии занял Влад Цепеш*, пользовавшийся поддержкой Яноша Хуньяди, который рассчитывал привлечь валашского господаря к планировавшемуся в это время антиосманскому креостовому походу⁶⁰. Цепешу удалось добиться консолидации во внутреннем и внешнем положении княжества. Он принял меры для укрепления государственного аппарата и военных сил. Своей резиденцией господарь сделал крепость Бухарест⁶¹.

Стремясь стабилизировать экономическое положение в княжестве, Цепеш стал покровительствовать местным торговцам. В 1459 г. он запретил иностранным купцам ездить по стране, ограничив их торговлю только несколькими ярмарками в пограничных местностях⁶². Недовольство этими мерами трансильванских купцов привело к тому, что власти Сибиу и Брашова, особенно заинтересованных в торговых отношениях с Валахией, поддержали против Цепеша претендента на валашский престол Дана. При содействии германского императора Фридриха III, являвшегося соперником Маттиаша Корвина в борьбе за венгерскую корону, Дан выступил в 1459 г. против Цепеша, обвиняя его в том, что он предался османам⁶³. Связи трансильванских городов с Даном заставили Цепеша организовать вторжение в Трансильванию.

Во внешней политике Цепеш ориентировался главным образом на Венгрию. Будучи вассалом венгерского короля, он в первые годы своего правления сохранял мирные отношения с султаном, выплачивая ему дань⁶⁴.

После завоевания османами Сербии (1459 г.) и Мореи

---

* Влад жестоко расправлялся со своими противниками, часто приказывая сажать их на кол, за что получил свое прозвище "Цепеш" (кол)⁵⁹.

(1460 г.) границы султанских владений оказались в непосредственной близости от Валахии. Угроза подчинения княжества, попытки Порты увеличить обязательства господаря заставили Цепеша примкнуть к антиосманскому крестовому походу, вести о подготовке которого через католических монахов достигли и господарского двора⁶⁵. Основываясь на существовавших валашско-трансильванских торговых связях, Цепеш договорился в 1460 г. о совместных антиосманских действиях с городами Брашовом, Сибиу, саксонской и сеекской общинами Трансильвании⁶⁶. Валашский господарь был заинтересован в поддержке его союза с Трансильванией со стороны венгерского короля. Возникшая после 1460 г. перспектива военной конфронтации Венгрии с Османской империей дала Цепешу повод обратиться в 1462 г. к венгерскому королю Матьяшу Корвину (1458–1490) с выражением готовности участвовать в крестовом походе и с просьбой о поддержке⁶⁷.

Воспользовавшись в 1461 г. занятостью султана Мехмеда II действиями против антиосманского союза Давида Комнина, императора Трапезунда, и правителя государства Ак-Коюнлу Узун Хасана, Цепеш отказался от уплаты дани османам, не только не доставил ее в Порту, но и жестоко расправился с посланцами султана, который потребовал от господаря 10 тыс. золотых⁶⁸. В ответ османы, предводительствуемые Мехмед-пашой, напали на Валахию и подвергли княжество разорению, но при возвращении были атакованы войсками Цепеша⁶⁹.

Летом 1462 г. султан Мехмед II во главе большого войска вторгся в Валахию⁷⁰. В качестве претендента на валашский престол Порта поддерживала Раду Красивого, брата Цепеша. Недовольные централизаторской политикой господаря крупные бояре восстали против него, пошли на сговор с османами и перешли на сторону Раду. Цепеш отступил, рассчитывая соединиться с венгерскими войсками. Но король предпочел мир с Раду; Цепеш был заключен в тюрьму⁷¹.

Проосманская позиция, занятая крупным боярством во время экспедиции Мехмеда II в Валахию, коренилась в укреп-

лении экономических связей бояр с Османской империей. Об этом свидетельствуют данные источников об экспорте валашскими боярами на османские рынки продукции своих вотчин, в том числе зерна, о все более частом появлении турецких торговцев на территории княжества и о случаях приобретения здесь османами недвижимого имущества⁷².

Проосманская ориентация валашских бояр создавала благоприятные условия для вмешательства Порты во внутренние дела княжества.

Получивший с помощью османов валашский престол брат Депеша Раду Красивый (1462-1474) стал послушным орудием Порты. Раду согласился уплачивать ежегодную дань в размере 12 тыс. золотых султану, который обещал господарю военную поддержку в случае необходимости⁷³. Валашские отряды были в составе османских войск во время похода Мехмеда II в Азию⁷⁴ (1474 г.). Раду, являясь в то же время вассалом венгерского короля⁷⁵, воевал с молдавским господарем Штефаном III Великим (1457-1504), находившимся в это время во враждебных отношениях с Маттьяшем Корвейским. Штефан предпринимал неоднократные попытки вывести из-под влияния османов Валахию и сделать ее своей союзницей. В 1470-1473 гг. он трижды совершал нападения на Валахию, чтобы сместить Раду и передать власть своему ставленнику Басарабу Лайоте.

Оказавшись в 1473 г. при содействии молдавского господаря на валашском престоле, Лайота сразу же перешел на сторону султана, видя в этом единственное средство стабилизации положения в княжестве⁷⁶. Летописцы того времени единодушно утверждают, что Лайота "подчинил страну туркам".⁷⁷ Как и его предшественник на престоле, Лайота должен был выставлять от княжества военные силы в османскую армию, выступавшую в очередной завоевательный поход. По свидетельству венецианской хроники, в 1474 г. он лично доставил дань султану и принял с отрядами участие в его экспедиции против Узун-Хасана⁷⁸. В 1476 г. валашские войска были в составе армии Мехмеда II в его походе на Молдавское княжество⁷⁹.

В 1478 г. с помощью венгров в Валахии утвердился Басараб Цепелюш, которого поддержал и молдавский господарь Штефан⁸⁰, признавший к тому времени венгерский суверенитет. Однако и Цепелюш вскоре переориентировался на османов. Его правление полно перипетий борьбы против него Лайоты. В этой борьбе на стороне Лайоты выступал и трансильванский воевода Иштван Батори. Правление в Валахии Цепелюша, перешедшего на сторону султана, создавало постоянную опасность для венгерских границ. В 1479 г. валахский господарь участвовал во своими отрядами в походе османов на Трансильванию, где они были разгромлены в битве на Хлебном поле (13 октября)⁸¹. После смерти Лайоты Батори в борьбе против Цепелюша поддерживал стремившегося стать господарем Валахии Влада Калугэра, который обосновался в Брашове, служившем опорой для претендентов на валахский престол. В письме к брашовянам в конце 1480 г. Цепелюш устрашал их силой турок, т.к. они приютили у себя его врага (т.е. Влада Калугэра)⁸². Противником Цепелюша выступал и молдавский господарь Штефан, преследовавший цель посадить на валахский престол своего ставленника. В июне 1480 г. в результате очередного похода Штефана Цепелюш был изгнан из Валахии⁸³. Часть крупных валахских бояр перешла на сторону Влада Калугэра. Но в феврале 1481 г. Цепелюш вместе с османскими войсками во главе с Али-беем вернулся в княжество⁸⁴ и летом этого же года принял участие в османском нападении на Молдавское княжество⁸⁵. Летом 1481 г. при поддержке Штефана Владу снова удалось устранить Цепелюша и захватить валахский престол⁸⁶. Цепелюш с помощью османов сумел в ноябре 1481 г. опять вернуться к власти.

Весной 1482 г. борьба между соперниками возобновилась и закончилась победой Влада Калугэра, получившего поддержку венгерского короля Матьяша Корвина. Но, став после двух лет борьбы с Цепелюшем господарем Валахии, Влад при поддержке крупного боярства также перешел на просманские позиции, подчинив свою политику интересам Порты⁸⁷. В период его господарства султан узаконил право ут-

верждения господаря в Валахии с вручением за определенную плату (мукарер) фирмана на правление и знаков власти (кафтаны, знамени и т.д.). Наряду с уплатой хараджа стало правилом участие валашских войск во главе с господарем в военных походах османов. Показательны свидетельства венецианского рапорта из Стамбула от 1492 г., когда османы вели широкие военные приготовления на Дунае: в ответ на распоряжение Порты готовиться к походу Влад Кэлугэр писал, что как верный слуга он всегда готов выступить с войском туда, куда призовет его султан⁸⁸. В 1485 г. валашский господарь вместе с османами участвовал в нападении на Молдавское княжество, а в следующем году содействовал проходу через Валахию султанских сил во главе с Али-беем и Петром Хронотом, направлявшихся против молдавского господаря Штефана⁸⁹.

Со времени правления Влада Кэлугера султан стал практиковать периодический вызов в Стамбул господаря для переутверждения на престоле с получением при этом дополнительной платы (малого мукарера).

Подчинение валашского господаря османам создавало прямую опасность для границ королевства Венгрии. В январе 1493 г. отряды беев Смедерева и Видина Али-бая и Малкоча прошли через Валахию и разорили пограничные районы Трансильвании⁹⁰. Обеспокоенные тем, что османы все чаще стали использовать территорию Валахии для нападений на Трансильванию, венгерские короли через трансильванского воеводу усиливали поддержку своих претендентов на валашский престол, стремясь путем вассальных отношений укрепить влияние короны в княжестве.

Итак, как общая международная обстановка на Балканах, так и внутриполитическое положение в самом княжестве способствовали тому, что османы к концу XV в. подчинили себе Валахию, превратив ее господаря в послушного вассала. Помимо уплаты возраставшей суммы хараджа в обязательство господаря стали входить посылка из чиоля его ближайших родственников заложников в Стамбул, участие со своими отрядами в османских военных походах. Сло-

жилась практика утверждения султаном господарей на престоле и периодического переутверждения с вызовом в столицу империи и взиманием определенной суммы (мукарера).

Отрицательную роль сыграли междуусобные распри между боярскими группировками за власть в княжестве, осложненные вмешательством Венгрии и Османской империи. Определяющей оказалась политика крупного валашского боярства, ориентированного в защите своих классовых привилегий на союз с османами. Влияние этой группировки господствующего класса Валахии было настолько сильным, что все господари, в том числе и те, которые получили престол при поддержке антиосманских сил извне, под давлением крупного боярства были вынуждены перейти на сторону султана.

1. Гасратян М.А., Орешкова С.Ф., Петросян Ю.А. Очерки истории Турции. М., 1983, с. 22-23.
2. Подробнее о политической обстановке на Балканах во второй половине XIV в. см.: Литаврин Г.Г., Наумов Е.П., Шушарин В.П. Особенности международной обстановки на Балканах во второй половине XIV – первой половине XV в. // Османская империя и страны, Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XV-XVI вв. М., 1984, с. 42-48.
3. *Stefănescu St.Tara Românească cu la Basarab I "Intemeietorul"* rîmă la Mihai Viteazul. Buc., 1970, p. 49-50.
4. DR, I/2, p. 2, 5-2, 6.
5. Об отношениях Мирчи Старого с Молдавским княжеством см.: Constantinescu N. Mircea cel Bătrîn. Buc., 1981, p. 132-135. Rezachewici C. Mircea cel Bătrîn și Moldova.- RI, 1986, nr.8, p. 746-762.
6. Cr turec, I, p. 156
7. DR, I/2, p. 472.
8. Pervain V. Din relațiile Țării Românești cu Ungaria la sfîrșitul veacului al XIV-lea// AIIAC, XVIII(1975), p. 93; Szakaly F. Phases of turco-hungarian warfare before the battle of Mohacs(1365-1526)//Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hung. T.XXXIII (1), 1979, p. 74.

9. Pervain V. Relațiile..., p.93.
10. Cîmpina B. Lupta Țării Românești împotriva expansiunii otomane(1395-1415)//Scrisori istorice,I.Buc.,1973,p.255
- II. Cr turc,I, p.39,48-49,303-304,441-442,543;Macarie Mellissenos//FHDR,IV,p.443; Decei A. Dona documente turcești privitoare la expedițiile sultanilor Baiazid I și Murad al II-lea în Țările române// Relații româno-orientale.Culegere de studii.Buc.,1978,p.220-221.
- I2. DR,1/2,p.431;Panaitescu P. Mircea cel Bătrân,p.247.
- I3. Pervain V. Relațiile..., p. 96.
- I4. Giurescu D.C. Țara Românească în secolele XIV-XV.Buc., 1973,p. 384.
- I5. Holban M. Contribuții la studiul raporturilor dintre Țara Românească și Ungaria angevină// St, 1962,nr.2,p.327-328; Pervain V. Relețiile..., p. 95- 96.
- I6. Manolescu R. Campania lui Sigismund de Luxemburg în Moldova (1395)// AUB,1966,p.71.
- I7. DR,1/2,p.359-361.
- I8. Panaitescu P. Mircea cel bătrân,p.254.
- I9. DR,1/2,p.395.
20. DR,1/2,p.395-396;Pervain V. Relațiile...,p.103-110.
- 21.Essais sur l'histoire économique de la Turquie.Paris, 1865,p.20; Minea I. Principatele române și polotoca orientală a împaratului Sigismund. Note istorice.Buc.,1919,p. 272-273.
- 22.Gündisch G. Siebenbürgen in der Türkenabwehr,1395-1528.- RRH,1974,nr.3,p.418
23. Doc II,p.612
24. DR,1/2,p.374-375.
- 25.Decei A.Istoria Imperiul otoman pînă la 1656.Buc., 1978,p.65-66.
26. Kling A.Die Schlacht bei Nicopolis.Berlin,1906.
27. Panaitescu P. Mircea cel Bătrân,p.272.
28. Pataki I. Ceva despre relațiile Țării Romînesti cu Ungaria la sfîrșitul veacului al XIV-lea//S'II,II(1957), p.424

29. Panaitescu P. Mircea cel Bătrîn, p.194-195.
 30. Pataki I. Ceva despre relațiile Țării Românești cu Ungaria, p.425
 31. Panaitescu P. Mircea cel bătrîn, p.50; Pataki I Ceva despte relațiile Țării Românești cu Ungaria, p.426-428.
 32. Гасратян М.А., Орешкова С.Ф., Петросян Ю.А. Очерки истории Турции, с. 28-29; Новичев А.Д. Турция. Краткая история, с. I7.
 33. Ștefănescu St. Tara Românească..., p.56
 34. Chalcocondil, p.463,465; Ducas, p.419.
 35. Cr turc,I, p.114-115, 205-206, 340-341; Panaitescu P. Mircea cel Bătrîn, p. 313; Decei A. Istoria Imperiului otoman, p.72-76
 36. Chalcocondil, p.467.
 37. Ducas, p.419; Decei A. Istoria Imperiului otoman, p.78.
 38. Cr turc,I, p. 25-26; Guboglu M., Mehmet M. Răscoalele țărănești din Imperiul Otoman (1418-1420) și bedreddinismul// St, 1957, nr.2, p.157-158.
 39. Cr turc,I, p. 32,51,116,161; Decei A. Istoria Imperiului otoman, p.79,81; Pienaru N. Relațiile lui Mircea cel Mare (1386-1418) cu Mehmed I Celebi (1413-1421)//RI, 1986, nr.8, p.781-782
 40. Chalcocondil, p.467.
 41. Panaitescu P. Mircea cel Bătrîn, p.343-344; Ștefănescu St. Considerations concernant le caractère des rapports roumano-turcs et leur impact sur le développement historique de deux peuples//AUB, 1978, p. 10 și alt.
 42. Pienaru N. Relațiile..., p.776-780
 43. Giurescu D.C. Tara Românească în secolele XIV-XV, p.584
 44. Pervain V. Lupta antiotomană a Țărilor române în anii 1419-1420// AIIAC, XIX (1976), p.63-68
 45. Cr turc,I, p. 162-165, 166-167.
 46. Pervain V. Lupta antiotomană..., p.72-75.
 47. Ștefănescu St. Tara Românească..., p.60; Szakaly F. Phases of turco-hungarian warfare..., p.81.

48. Ducas, p. 425; Chalcocondil, p. 469.
49. Decei A. Istoria Imperiul otoman, p. 86.
50. Tocilescu, p. 30-32
51. Doc TR, p. 43-44, 51-52.
52. Cr turc, I, p. 165
53. Ducas, p. 427, 429; Decei A. Istoria Imperiul otoman, p.87
54. Cr turc, I, p. 239, 240; Elekes L. A délkéleteurópai népek összefogása a török hódítók ellen Hunyadi háborúiban// Századok, 1952; t. 8, nr.1, 93-1171.
55. Elekes L. Hunyadi. Bp., 1958, 240-242 l.; Mureşan C. Jancu de Hunedoara. Buc., 1968, p. 103.
56. Шушарин В.П. Королевство Венгрия и Османская империя /ХV – первая четверть ХVI в./ // Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в ХV-ХVI вв. М., 1984, с. 106.
57. Pall F. Intervenția lui Jancu de Hunedoara în Țara Românească și Moldova în anii 1447-1448//St, 1963, nr.5, p.1054-1060; Stoicescu N. Vlad Tepeș. Buc., 1976, p.15-25.
58. Acta și fragmente, III, p.25
59. Cr SR, p. 208-210; Cr turc, I, p. 67.
60. Шушарин В.П. Королевство Венгрия и Османская империя..., с. 107-108; II6, прим. 49
61. Simonescu P., Cernovodeanu P. Cetatea de scaun a Bucureștilor. Buc., 1976, p.11-12.
62. DR, XV/1, p. 50-51
63. Doc TR, p. 101-104, 324; Urkundenbuch, p. 49-50; Iosipescu S. Conjectura și condiționarea internațională politico-militară a celei de a doua domnii lui Vlad Tepeș (1456-1462)// Studii și materiale de muzeografie și istorie militară, 1978, nr.11, p. 183-185; относительно действий Дана против Чепеша см.: Andreescu St. Vlad Tepeș (Dracula). Între legenda și adevar istoric. Buc., 1976, p.62-63, 72-74; Stoicescu N. Vlad Tepeș, p.74-75, 78-80.
64. Ct turc, I, p. 67, 92.

65. Cr SR, p. 211; Stoicescu N. Vlad Tepeş, p. 89-93.
 66. Gündisch G. Vlad Tepeş und die sächsischen Selbstverwaltungsgebiete Siebenbürgens // RRH, 1969, nr. 6, p. 992.
 67. Bogdan I. Vlad Tepeş și nărațiunile germane și rusești asupra lui. Studiu critic. Buc., 1896, p. 81; Andreescu St. Vlad Tepeş, p. 19.
 68. Critobul, p. 523; Ducas, p. 435; Chalcocondil, p. 503; Berza M. Haraciul Moldovei și Tările Rominești în sec. XV-XIX // SMIM, II (1957) p. 27-28; Babinger F. Mehmed der Eroberer und sein Zeid. München, 1953, S. 217; Werner E. Die Geburt einer Grossmacht - die Osmanen. (1300-1481). Berlin, 1978, S. 289.
 69. HT, p. 23-29.
 70. Chalcocondil, p. 505, 507, 509; Cr turc, I, p. 43; Stoicescu N. Vlad Tepeş, p. 100-110.
 71. Chalcocondil, p. 513, 515; Tappe, S. 17-19; Câmpina B. Complotul boierilor și "răscoala" din Țara românească din iulie-noiembrie 1462 // SRIR, I, Buc., 1954, p. 612.
 72. Doc TR, p. 124; DRH, B.I, p. 268
 73. Chalcocondil, p. 515; Decei A. Istoria Imperiului otoman, p. 118
 74. HT, p. 44-50
 75. Bogdan Doc Reg, p. 122.
 76. См. письмо Лайоты жителям Брашова от июня 1474 г.: Doc TR, p. 115-116.
 77. ITR, p. 4; Popescu, p. 23
 78. HT, p. 46.
 79. Acte și fragmente, III, p. 55, HT, p. 89
 80. DR, XV, p. 99; Doc TR, p. 282; Doc St, II, p. 351, 361
 81. Zinkeisen J. Geschichte des osmanischen Reiches. Bd. 2. Gotha, 1854, S. 444; Amlacher A. Die Türkenschlacht auf dem Brotfeld. Sibiu, 1879; Iorga N. Chilia și Cetatea Alba. Buc., 1900, p. 153, nota 5.
 82. Bogdan Doc Reg, p. 100
 83. Acta et epistolae, I, p. 54; Tocilescu, 145.
 84. Acta et epistolae, I, p. 57; DR, XV, p. 110.
 85. Doc St, 2, p. 258.

86. Doc TR, p. 178, 180; Bogdan Doc Reg, p. 113; Cr SR, p. 58
87. Tocilescu, p. 146, 175.
88. DR, VIII, p. 28.
89. DR, II/2, p. 294.
90. Studii și documente, III, 1901, p. XXIV.

Г.П.МЕЛЬНИКОВ

ЗНАЧЕНИЕ ХРИСТИАНИЗАЦИИ ЧЕХИИ И ЕЁ
ВНЕШНОПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ В ЧЕШСКОЙ
ХРОНИСТИКЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIV В.

Понимание христианизации прежде всего как политического фактора развития зародилось задолго до Нового времени. Естественно, что в средневековом политическом мышлении такое представление находилось в конкретическом единстве с религиозными взглядами. Наивно было бы полагать, что средневековые политические мыслители и практики понимали христианизацию лишь сугубо прагматически. Господствовавшая в умах средневековых людей историческая концепция провиденциализма находила лишь конкретное подтверждение в реальной цепи исторических событий, где причинно-следственные связи между актом принятия христианства и последующими политическими событиями (обычно благоприятными) были очевидны. Если действительный ход истории не содержал подтверждения данной концепции, то в историко-политической мысли последующих веков возникали представления, идеализировавшие историческое прошлое в соответствии с этой концепцией. Взаимосвязь акта крещения и политических последствий осознавалась как связь детерминированная. В этом отношении интересно рассмотреть обоснование теории "перенесения державы" из Великой Моравии в Чехию в официальной чешской хронистике второй половины XIV в.

Сама теория "перенесения державы" (translatio imperii) хорошо известна в историографии (I, s. 291; 2, s. 290; 3, s. I-2). В идеологии средневековой государственности

подобные теории, встречающиеся во многих регионах цивилизованного мира, являются составной частью феодального учения о государстве: они призваны подчеркнуть континуитет государственности и легитимность власти в новом политическом центре. Теория "перенесения державы" из Великой Моравии в Чехию вкратце состоит в том, что после падения Великой Моравии в конце IX в., произшедшего как по причинам внутреннего порядка, так и в результате на-тиска иноэтнических народов, государственность из Великой Моравии через посредство императора была перенесена в соседнее Чешское княжество, одно время входившее в состав Великой Моравии, население которого было этнически чрезвычайно близким. (И. Спевачек предлагает применительно к этой теории использовать термин "перенесение короны", так как под "перенесением империи" обычно понимается перенос центра Священной Римской империи из Рима в Центральную Европу (I, ^{s.} 291). В результате Чешское государство становится преемником и наследником Великой Моравии со всеми вытекающими из этого политическими последствиями. Необходимо также напомнить, что Чешское государство включало в свой состав значительную часть территории Великой Моравии (собственно Моравию).

Впервые теория "перенесения державы" из Великой Моравии в Чехию зафиксирована в Хронике так называемого Далимила – первом чешскоязычном историческом сочинении, причем стихотворном (около 1314 г.). Там она содержится в рассказе о последних годах "короля Святополка", который сам перед лицом императора передает власть чешскому князю, не будучи в состоянии обронять свою страну от венгров /4, ^{s.} 48–49/. Оставляя в стороне спор о том, основывался ли рассказ Далимила на какой-либо старой традиции, или был плодом политической ситуации начала XIV в. (подробнее см. 2, ^{s.} 290, 302) и феодально-рыцарской идеологии, так ярко выраженной Далимилом, мы должны констатировать, что первое изложение анализируемой теории дано с чисто светских политических позиций, церковно-политический аспект отсутствует.

В настоящей статье мы оставляем за пределами исследования вопросы о том, существовала ли историческая основа рассматриваемой теории и какую роль играла сама теория до середины XIV в. Нас будет интересовать появившийся во второй половине XIV в. новый аспект этой теории, связанный с христианизацией Чехии в понимании официальной чешской хронистики круга Карла IV.

Новое изложение данной теории содержится в Хронике Пршибиша Пулкавы из Раденина (около 1374 г.). Сама Хроника Пулкавы представляет собой сочинение официальное, в составлении которого принимал участие император и чешский король Карл IV /I, s. 291-292; 5, с. 65-66/. Тем самым теория "перенесения державы" приобрела характер официальной доктрины как составная часть общей политической концепции Карла IV.

Вкратце эту концепцию можно охарактеризовать как "многообразие в единстве" при опоре на историческую традицию, то есть создаваемый императором универсум интегрировал всё исторически сложившееся многообразие политической и религиозной жизни христианского мира, в идеале снимая противоречия между политическими интересами интегрируемых земель и конфессиональные разногласия внутри христианского вероучения. Центром универсума мыслилась Чехия во главе с Прагой.

Из этих представлений вытекала необходимость показать определенную преемственность чешской государственности от того государственного образования, которое охватывало славянские земли к востоку от Чехии, где в свое время было богослужение на славянском языке, что нашло распространение в огромном Рух Christiana Orthodoxa, без которого христианский универсум был бы невозможен. Таким государством была Великая Моравия. Поэтому теория политической преемственности в официальной идеологии круга Карла IV получила дальнейшую разработку в требуемом духе, как преемственность не только государственная, но историческая и церковная. По меткому выражению И. Спевачека, светская власть в это время перенимает оружие

религиозной идеологии, трансформирует ее в идеологию политическую и ставит на службу монархии /6, с. 73-74/.

Составной частью новой идеологии была так называемая "славянская программа" Карла IV. Одни современные исследователи в пылу полемики полностью ее отрицают /7/, другие же доказывают ее существование /8, с. 166/. Правы, очевидно, те историки, которые подчеркивают "общеверховский универсализм" политической доктрины Карла IV, сочетающейся с богоцентризмом. Составной частью этой доктрины была идея преемственности чешской государственности от великоморавской, обогащенная "территориально-государственным патриотизмом" /6, с. 94; 9, с. 145-146; II, с. 293, 298/ и церковно-политическим моментом, подчеркивавшим избранность Чешского государства, чехов как "истинных христиан" /12, 13/. На наш взгляд, идея государственной преемственности неизбежно влекла за собой и geopolитические претензии (на уровне теоретическом) на наследство Великой Моравии. Именно в этом ключе следует рассматривать так называемую "славянскую программу" Карла IV. Новая идеологическая оболочка была призвана поднять обычные феодальные территориальные притязания на более высокий - идеологический - уровень.

Впервые в теорию "перенесения державы" идея не только о государственной, но и церковной преемственности, непосредственно связанный с христианизацией Чехии, была, как мы уже отмечали, введена в Хронике Пулкавы, так как ранее предание о крещении чешского князя Боржигова в Моравии и акт "перенесения державы" в исторической традиции существовали независимо друг от друга, как бы параллельно.

В Хронике Пулкавы "перенесению державы" посвящены две специальные главы*. Глава XIУ "Об упадке и конце Мо-

* Хроника Пулкавы была написана на латыни. Вскоре при участии самого Пулкавы был сделан чешский перевод. Латинская и чешская версии интересующих нас мест хроники смысловых различий не содержат. Публикация хроники в из-

равского королевства и столицы его, а также о восстановлении этого королевства и о переведении в Чехию по прошествии многих лет" констатирует внутренний распад Великой Моравии при преемниках Святополка и конец Моравского королевства и архиепископства ("перестали быть"), а также состоявшийся в 1086 г. торжественный акт восстановления "королевства" (символического) императором Генрихом III и "перенесения его в Чехию", то есть наделение императором чешского князя Вратислава королевским титулом и превращение Моравии в маркграфство, подчиненное Чехии. В соответствии с этим сформулированы претензии Чехии на земли, входившие в "королевство Моравское" /17, с. 609-610/.

Глава XII "О приведении в порядок Моравского королевства, которое было оставлено, и о его перенесении в Чехию, а также о возышении Вратислава" более подробно излагает те же события, причем несколько раз подчеркиваются территориальные претензии образуемого Чешского королевства, как преемника Великой Моравии, на территории "Польши и Руси" /17, с. 610-612/.

Вопрос о реальных границах Великой Моравии мы не будем затрагивать, так как это уело бы нас далеко от темы. Для нашего исследования важно лишь то, что именно в таких границах понималась Великая Моравия чешскими политическими мыслителями XIV в.

дании " ^{Fontes regum Bohemicorum} /14, с. 3-207/ и основанная на этом публикация соответствующих Фрагментов в широко известном издании " ^{Actus Moraviae Fontes historii} /15, с. 307-311/ базируются на рукописи, не имеющей членения на главы /подробнее о текстологии памятника см. I6, с. 573, 590/. Новочешский перевод с латинской рукописи, имеющей разделение на главы, опубликован в I6, с. 280-281, 306. Наш анализ текста и перевод соответствующих мест основывается на старочешском тексте хроники, частично опубликованном в I7, с. 608-612.

Чешский исследователь Я.Микулка считает, что Пулкава впервые сформулировал государственно-правовые претензии Чехии к Польше, а также впервые выдвинул идею "перенесения державы" /18, s. 493/. Как указывалось выше, впервые "перенесение державы" как идея зафиксировано у Далимила, где, кроме того, оно имеет вполне конкретную форму – решение императора. Там оно отнесено в другое время (конец IX в.) и связано с другими событиями. Однако как политическая идея оно уже присутствовало в сознании чешских политических кругов. Пулкава, как мы видим, весьма сильно модифицировал эту теорию, но ее смысловое государственно-политическое зерно осталось прежним. Необходимо также отметить, что теория "перенесения державы" уже в самой своей основе содержала территориальные притязания, хотя, действительно, именно Пулкава впервые их четко сформулировал.

Пулкава указывает новую для чешской политической мысли XIV в. причину падения Великой Моравии – пренебрежительное отношение к христианской религии. Необходимо отметить, что здесь проявилось влияние более раннего памятника – Легенды Кристиана. Не вдаваясь в споры о датировке этого памятника (auténtичный текст X в. или фельшивка начала XIV в.) отметим лишь то, что сопоставление данного места у Пулкавы с Кристианом не дает никаких аргументов за ту или иную датировку спорного памятника, ибо в любом случае он возник раньше Хроники Пулкавы. (Новейшую аргументацию в пользу датировки Легенды Кристиана X веком убедительно приводит Д.Тржештик /19/). Само обращение к Легенде Кристиана, в глазах хронистики XIV в. памятника безусловно древнего и аутентичного, должно было подчеркнуть идею исторического континуитета, возврата к истокам, в том числе и к религиозным. В Легенде Кристиана дается негативная характеристика Святополка как узурпатора. Его конфликт с архиепископом Мефодием и последующее опустошение страны излагаются следующим образом. "Святополк... пренебрег мездочтой проповедью епископа Мефодия и совсем не обращал внимания на его

святые увещевания, ибо позволил своим членам, то есть плебсусу и народу (рѣбѹм рорулумque) своему служить и Христу и дьяволу. Поэтому его земля с людьми, ее населяющими, была проклята вышеупомянутым блаженной памяти епископом и поля ее и плоды были опустошены и уничтожены многими бедствиями" /20, с. 192/.

Чтобы понять то новое, что внес Пулкава в разработку этого сюжета, приведем полный перевод соответствующего места (в главе XVII). После смерти "короля Святополка" его сыновья владели королевством "недолго и несчастливо". "Ибо сын его, который после его смерти управлял королевством, в один праздничный день, желая поохотиться неподалёку от Велеграда в одном лесу, называемом Кржечин, сказал святому архиепископу Мефодию, чтобы тот подождал с большой мессой до тех пор, пока он не вернется с охоты. И блаженный архиепископ ждал до самого полудня, но когда стал уже опасаться, как бы не опоздать с божьей службой, то начал служить святую мессу, не дожданившись короля. Король же, когда вернулся с охоты, услышав, что архиепископ уже служит мессу..., страшно разгневавшись, вошедши в храм с собаками и охотниками учинил великий шум и гам охотничьями трубами и собачьей сворой. И с таким гвалтом подошедши к самому алтарю насмехался над святым мужем Мефодием—архиепископом и с тем вышел вон из храма. Из-за этих насмешек и поругания архиепископ, закончив мессу, проклял короля и запретил по всей земле Моравской службу божью; и сделав так, он отправился в Чехию к воеводе Борживою, которого ранее окрестил и укрепил в святой вере. Оттуда он направился в Рим, где нашел брата своего св. Кирилла, который задолго до этого окрестил короля Святополка и всю моравскую землю укрепил в святой вере и дал ей святое крещение... Этот св. Кирилл тело св. папы Климента, ученика святого апостола Петра, из мраморного костела... из гробницы его взял и принес с собой в Моравию. А потом, когда уходил из Моравии, отправился в Чехию, неся с собой тело св. Климента, которое три года он хранил в

костеле на Вышеграде. Потом вместе с тем святым телом он направился в Рим..." /17, s. 608-609/.

При сопоставлении текстов двух памятников останавливают на себе внимание два существенных отличия Пулкавы от Легенды Кристиана: 1. Трансформация мотива проклятия Мефодием моравского государя. 2. Увязывание ухода Кирилла и Мефодия (в случае с последним - вымышленного) из Моравии с их пребыванием (также вымышленным) в Чехии.

В Хронике Пулкавы неуважительное отношение к архиепископу перенесано со Святополка на его сына, даже не названного по имени. Тем самым фигура наиболее выдающегося моравского правителя, при котором был окрещен князь Чехии, входившей в его владения, остается незапятнанной, что соответствовало требованиям чешской политики и идеологии XIV в. Ф.Граус /2, s. 300/ довольно остроумно предложил считать, что здесь, как и в некоторых других памятниках, произошло своеобразное "разделение" Святополка на положительного эпического героя Святополка-отца и отрицательного Святополка-сына, что происходило из государственно-политических и фольклорно-этических требований святополковской традиции. Однако мы не можем с этим полностью согласиться, в особенности в случае с Хроникой Пулкавы, так как хронист не указывает имени сына Святополка; к тому же многие источники говорят о реальном существовании двух сыновей Святополка и их различных политических позициях, поэтому лучше говорить не о "разделении" Святополка на две фигуры, а о переносе конфликта с Мефодием с самого Святополка на одного из второстепенных членов династии.

Вторая группа различий тесно связана с сюжетом о крещении чешского князя Борживоя Мефодием. Эти сведения Пулкава заимствовал, по мнению М.Благовой - комментатора и издателя новейшего перевода хроники Пулкавы /16, s. 573/, из Хроники Козьмы Пражского /I, 10/ /21, s. 26/ и Хроники так называемого Далимила /4, s. 48/, а также из Легенды Кристиана.

В самом рассказе о деятельности солунских братьев

в Чехии вычленяются два момента, не имеющие аналогии в других источниках, что дает нам право считать их плодом авторства Пулкавы. Это, во-первых, сообщение о том, что Мефодий по пути из Моравии останавливался в Праге у Борживоя. Во-вторых, сведение о том, что Кирилл был в Чехии и в течении трех лет хранил мощи св. Клиmentа в храме на Вышеграде.

Оба эти момента призваны подчеркнуть значение Чехии и ее столицы - Праги как религиозного центра уже в IX в. Вопреки исторической действительности Пулкава создает исторический миф, долженствующий показать древность христианских традиций в Праге, основу которым положило пребывание самих "крестителей" моравян и чехов - солунских братьев.

Особо следует подчеркнуть, что оба брата избрали Чехию как местопребывание на пути в Рим. Таким образом получается прямая линия Моравия - Рим, на которой Чехии надлежит возместить отпавшую Моравию. Образовавшаяся "ось" Прага - Рим приобретает особое значение в связи с мощами св. Клиmentа - римского папы, останки которого были найдены Кириллом и через Чехию доставлены в Рим. Огромное значение вымышленного пребывания Кирилла в Чехии подчеркивается еще и тем, что мощи глубоко почитавшегося св. Клиmentа временно хранились именно на Вышеграде - древнем чешском политическом и религиозном центре, ставшем к середине XIV в. символом чешской государственной традиции.

Здесь также уместо будет напомнить, что по Легенде Кристиана Борживой в своей резиденции в Градце основал храм, посвященный именно "блаженному Клименту, папе и мученику" /20, с. 195/. Таким образом здесь можно увидеть как еще одно обращение Пулкавы к Кристиану, так и воссоздание климентовской традиции в идеологии круга Карла IV. Очевидно, это связано с тем, что культ св. Клиmentа особо почитался при Карле IV. Это было вызвано, очевидно, глубоким почтением, которое Карл IV питал к наставнику своей юности Йеру де Розьеру, ставшему в

1342 г. римским папой под именем Климента VI, который активно поддерживал политику Карла IV. Покровительству соизменных святых в средние века придавалось большое значение, что и объясняет оживление культа св. Климента. Таким образом, путешествие Кирилла с мощами св. Климента как бы наглядно еще раз показывало "христианский универсализм" доктрины Карла IV.

Также надо отметить, что в этом рассказе выявляется прямая ориентация солунских братьев на Рим, минуя посредничество франкской (германской) церкви. В целом это соответствовало исторической правде. Однако в конкретной церковно-политической обстановке эпохи Карла IV это имело и актуальное значение. Дренность церковной ориентации Чехии непосредственно на Рим (папскую курию) как бы подчеркивала правомерность и опять же историческую обоснованность учреждения в 1344 г. Пражского архиепископства, выведшего чешскую церковь из зависимости от церковной иерархии Германии. Этот тезис Пулкавы соответствовал как богоцентризму Карла IV, так и его политической ориентации на римскую курию.

Краеугольным камнем концепции Пулкавы является крещение Боржвоя Мефодием*. Именно вследствие этого акта чешский князь стал равноправным членом христианского общества. На политическое значение крещения Боржвоя Мефодием, согласно Кристиану, как на акт большой государственной важности (для IX-X вв.) указал Д.Тржештик /22, а. 273-301; 23, в. 41-58/. Однако именно у Пулкавы этот факт становится важнейшим начальным звеном религиозно-политической концепции исторического развития Чешского государства.

---

* Мы не ставили себе целью выяснить, действительно ли это исторический факт (об этом подробно писали многие авторы, в последнее время особенно Д.Тржештик /19; 22; 23/), так как для нашей темы это не имеет значения. Важно лишь то, что это крещение считалось действительным историческим событием чешской исторической мыслью X-XIV вв.

Боржикой крестит Мефодий, то есть Чехия принимает христианство (тождественность принятия новой веры князем и христианизации всей страны для нашего автора несомнена) из рук византийской миссии, из рук архиепископа Сирмия (официальный титул Мефодия), поставленного римской курией. Мефодий, совмещавший эти две функции, в XIV в. казавшиеся столь несовместимыми, олицетворявший христианскую церковь до официальной схизмы, был идеальной фигурой для идеи "христианского универсума" Карла IV. Пользуясь современной терминологией, святой-эйкуменист Мефодий становился символом этого универсализма, поэтому сам акт крещения Чехии именно им был также глубоко символичен. Вспомним, что по Пулкаве Моравия была крещена св. Кириллом - братом Мефодия.

Далее, именно Мефодий переходит из оскорбившей христианскую веру Моравии в Чехию и гостит у Боржикоя. Таким образом на это время именно Чехия и столица ее князя - Прага становятся времененным местопребыванием архиепископа. Этот факт (на самом деле вымышленный), очевидно, должен был в Хронике Пулкавы выполнять функцию предзнаменования, предвещения святым Мефодием одного из важнейших политico-церковных мероприятий Карла IV - учреждения Пражского архиепископства в 1344 г. Пражский архиепископ становился как бы преемником св. Мефодия (не в каноническом, а скорее в идеологическом смысле). Оломоуцкое епископство в Моравии стало подчиняться Праге. Тем самым определялся характер политики нового архиепископства, которому надлежало заботиться и об этой символической преемственности. Подтверждение этого нам видится в словах оломоуцкого епископа Иоанна, впервые в 1349 г. называемого Кирилла и Мефодия "патронами Моравии" /24, I: 984, s. 696-697/.

Подчеркивание церковной преемственности от миссии Кирилла и Мефодия входило в задачу основанного Карлом IV в 1347 г. в Праге Эммаусского монастыря с литургией на церковнославянском языке, то есть на официальном (наряду с латынью) богослужебном языке Великой Моравии, понятном

всем славянам /25/. Среди святых патронов монастыря в документе о его основании Кирилл и Мефодий занимают второе место /26, с. 379/. Это, как нам кажется, оказало влияние на появление в Хронике Пулкавы упоминания о пребывании солунских братьев в Праге, что должно было "исторически" подкрепить новую фундацию. В 1349 г. в Чехии учреждается специальный перковый праздник в честь Кирилла и Мефодия.

Следующая инновация Пулкавы, по нашему мнению самая значительная, хотя и ускользнувшая от исследователей, кроется в композиции его хроники и может быть видна лишь из контекста*. В самом деле, в главе XIII говорится о крещении Боржвоя Мефодием, о могуществе моравского короля Святополка и о размерах его державы, о войне Святополка с императором, в результате которой Святополк был вынужден скрыться и провести остаток жизни инкогнито среди отшельников, об оскорблении христианской веры сыном Святополка, вследствие чего Моравия была проклята архиепископом Мефодием, а сам он ушел в Чехию к Боржвое, а оттуда в Рим. Попутно сообщается о деятельности св. Кирилла: о крещении им Моравии, о трехлетнем пребывании в Праге с мощами св. Климента, о разрешении римским папой (после вмешательства небес) литургии на славянском языке. Следующая же XIV глава сразу сообщает о падении великомуравского государства вследствие Мефодиева проклятия, затем говорится об обновлении моравского королевства по прошествии 192 лет императором Генрихом и о пере-

* Публикация в издании "*Magnae Moraviae fontes historici*" /15, с. 307-311/, где отсутствует деление на главы (см. выше), не отражает адекватно композицию выбранного фрагмента, к тому же сноска 15 /15, с. 309/ дезинформирует читателя, так как ее можно понять так, что сообщение об уходе проклявшего Моравию Мефодия к Боржвое содержит уже у Кристiana, хотя в действительности комментатор хочет указать на заимствование сообщения о крещении Боржвоя Мефодием.

несении королевского достоинства на чешского князя Вратислава и превращении Чехии в королевство, а Моравии — в подчиненное Чехии маркграфство, причем суверенитет Чехии распространялся на все бывшие моравские владения, включая Польшу и Русь. Таким образом, глава XIУ формулирует теорию "перенесения державы", причем причиной этого перенесения считается вероотступничество моравского государя. Следовательно, мы вправе констатировать провиденциальную мотивировку светского политического акта.

Более того, помещая непосредственно друг за другом информацию глав XIII и XIУ, автор хроники дает понять, что политическо-символическому акту "перенесения державы" из Великой Моравии в Чехию предшествовало, было предпослано как бы "перенесение веры". Причем истинными, убежденными, крепкими в вере христианами становятся чехи, а мораване, оскорбившие веру, утрачивают все свои позиции. Таким образом, христианизация Чехии становится политическим фактором первостепенного значения, обуславливающим все последующие успехи государства. Пулкава не просто соединил две линии: государственную ("перенесение державы", святополковская традиция) и церковную (деятельность солнечных братьев), как считал Ф.Граус /2, с. 302-303/. Само объединение этих двух линий, составляющее отличительную черту Хроники Пулкавы, ее специфику, чрезвычайно характерно для исторического мышления круга Карла IV. Объединение это не механическое. Введением нового мотива, условию называемого нами "перенесением веры", Пулкава осуществляет синтез двух традиций. Идя в русле официального направления "исторического континуитета", он поднимается до создания исторического мифа религиозно-государственной преемственности Чехии по отношению к Великой Моравии, причем фактор веры здесь занимает первенствующее положение. Этим Хроника Пулкавы перекликается с другим памятником официальной хроники эпохи Карла IV — Хроникой Мариньолы с ее концепцией Чехии как богоизбранной страны /12; 13/.

Создание исторического мифа как бы поднимало на бо-

лее высокую ступень геополитические устремления Чехии в эпоху Карла IV, как бы освящало их самими фигурами Кирилла и Мефодия. Официальный актовый материал эпохи Карла IV не содержит никаких геополитических притязаний в силу теории "перенесения державы". На этом основании некоторые исследователи /7/ делают вывод об отсутствии какой-либо внешнеполитической направленности и в деятельности Эммаусского монастыря, бывшего зримым воплощением славянской традиции в Чехии. Однако такое четкое выражение концепции вряд ли могло существовать как в силу относительной неразвитости чисто политического, в современном смысле, мышления в средние века, так и по вполне понятным политическим причинам: расширение христианского политического универсума за счет включения других земель рисовалось столь отдаленной перспективой, что во избежание внешнеполитических осложнений эти цели должны были быть скрытыми.

Намёки на существование таких целей некоторые исследователи видят, кроме знаменитого письма Карла IV Стефану Душану /27, р. I67-I69; 28, с. 22; 29, с. 125/, в практической деятельности Эммаусского монастыря. За короткое время им были основаны филиалы в Олешнице в Силезии и в Клепажах - предместье Кракова /30, с. 203-219/. Если Силезия входила в состав земель чешской короны, то второй филиал уже находился в Польше, по отношению к которой Карл IV придерживался политики "отца" /27, р. 222/, исключавшей равенство двух соседних королевств. Экспансия монастыря по направлению на восток, к Литве и Руси, расположение его филиалов на средоточиях важнейших торговых путей, где существовали колонии православных купцов, ясно говорят о направленности деятельности монастыря. Существование скрытой концепции геополитических притязаний подтверждает, на наш взгляд, и требование чешского короля к Польше обеспечить чешским купцам "свободный проход в Русь" /27, р. 222/, требование, подчеркивавшее более высокое политическое положение Чехии и обычно не принятое в практике отношений между равными госу-

дарствами.

Таким образом в чешском политическом мышлении эпохи Карла IV актуальные для этого времени задачи интерпретировались как продолжение того, что было заложено в ранний период истории. Концепция "возврата к истокам", идея государственно-политического и церковно-политического наследования Великой Моравии, как нам представляется, мыслилась средневековыми чешскими политическими мыслителями прежде всего как наследование в силу христианизации из Великой Моравии. "Перенесение веры" обусловило и предопределило "перенесение державы". В этом христианизирующем аспекте видится специфика чешского политического мышления середины – второй половины XIV в., непосредственно связанная с официальной идеологией "христианского универсума" Карла IV.

1. Spěváček J. Karel IV. Život a dílo. Praha, 1980.
  2. Graus F. Velkomoravská říše v české středověké tradici// ČSČH, 1965, N 2.
  3. Graus F. Die Bildung eines Nationalbewusstseins im mittelalterlichen Böhmen// Historia XIII. Praha, 1966.
  4. Kronika tak řečeného Dalimila. Praha, 1977.
  5. Лантева Л.П. Письменные источники по истории Чехии периода феодализма (до 1848 года). М., 1985.
  6. Spěváček J. Konsolidaci úsilí Lucemburků ve střední Evropě// ČSČH, 1988, N 1.
  7. Mikulka J. Karel IV. K otázce slovanského programu jeho politiky// Slovenský přehled, 1970, n 3.
  8. Kalista Z. Karel IV. Praha, 971.
  9. Spěváček J. Myšlenkové zdroje kářevo-něho úsilí Karla IV // "Literární měsíčník", 1978, N 6.
  10. Šmahel F. Idea národu v husitských Čechách. České Budějovice, 1971.
- II. Heck R. Problem słowiański w średniowiecznej historiografii czeskiej.// Europa-Słowiańska -Polska. Poznań, 1970.
12. Chadraba R. Apostolus Orientis. Poselství Jana z Parignoly.// Z tradic slovanské kultury v Čechách. Sázava a jinou v dějinách české kultury. Praha, 1975.

- I3. Činček V. Slovanské prvky v kronice Marignolc-
vě.// Z tradic slovanské kultury v Čechách. Sázava a
Emauzy v dějinách české kultury. Praha, 1975.
- I4. Fontes rerum Bohemicarum. T.V. Praha, 1893.
- I5. Magnae Moraviae fontes historici. T.I. Praha, Brno,
1966.
- I6. Kroniky doby Karla IV. Praha, 1987
- I7. Výbor z české literatury od počátků po dobu
Husovu. Praha, 1957.
- I8. Mikulka J. Letopisná literatura v Čechách a v
Polsku o vzájemném poměru obou národností. // "Slavia",
1963, N 4.
- I9. Тржештик Д. Великая Моравия и возникновение государ-
ства Пржемысловцев (Святополк и Боржис). // Великая
Моравия, её историческое и культурное значение. М.,
1985.
20. Magnae Morabiae fontes historici. T.II. Brno, 1967.
21. Kosmova Kronika česká. Praha, 1972
22. Třestík D. Bořivoj a Svatopluk. Vznik českého státu
a Velká Morava. // Poulik J., Chropovský B. a kolektiv.
Velká Morava a počátky československé státnosti. Praha;
Bratislava, 1985.
23. Třestík D. Bořivojův křest v historiografii. // Folia
historica Bohemica, 10. Praha, 1986.
24. Codex diplomaticus et epistolaris Moraviae. T.VII.
Brno, 1853-1869.
25. Paulová M. L'idée cyrillo-méthodienne dans la politique de Charles IV et la fondation du monastère slave
de Prague. // Byzantinoslavica, 1950, p. 174-186.
26. Čtení o Karlu IV, a jeho době. Praha, 1958.
27. Kaiser H. Collectarius perpetuarum Johannis de
Geylnhausen. Innsbruck, 1900.
28. Novák J.B. Patriotismus Karla IV. // Český časopis
historický, 1926, N 1.
29. Stejskal K. Nástěnné malby kláštera na Slovanech
v Praze-Smauzích z hlediska etnografického a kulturne

historického.// Český lid, r. 1968.

30. Reháček L. Emauzský klášter a Polsko.// Z tradic slovenské kultury s Čechách. Sázava a Emauzy v dějinách české kultury. Praha, 1975.

Б.Н.ФЛОРЯ

К ИСТОРИИ ПЕРЕГОВОРОВ О РУССКО-ПОЛЬСКОМ
АНТИОСМАНСКОМ СОЮЗЕ В СЕРЕДИНЕ 40-Х ГГ. ХVІІІ В.

История этих сравнительно непродолжительных и не завершившихся крупными результатами переговоров не случайно уже в XIX в. привлекла к себе внимание ученых. Эти переговоры явились проявлением новых тенденций во внешней политике восточноевропейских государств, тенденций к их сближению для совместной борьбы с османско-татарской агрессией и могут рассматриваться как начало тех процессов, которые привели к концу ХVІІІ в. к вступлению России и Речи Посполитой в состав большой антиосманской коалиции – Священной лиги.

Если польскими исследователями история переговоров изучалась достаточно подробно по доступным им источникам¹, то русские и советские исследователи уделяли им сравнительно мало внимания². Между тем привлечение русских архивных материалов позволяет существенно уточнить и дополнить ту картину контактов, которая была воссоздана не располагавшими этими данными польскими учеными.

Настоящая статья посвящена выяснению двух вопросов: I) какие цели преследовало при ведении этих переговоров русское правительство и какими средствами оно пыталось их достичь; 2) как отразилась на ходе переговоров внутриполитическая борьба в Речи Посполитой вокруг планов войны этого государства с Османской империей.

Переговоры о совместном взаимодействии обоих государств по отношению к татарам и османам, начавшиеся посольством С.М.Проестева и Г.Леонтьева в Варшаву в 1638г.³,

тянулись с некоторыми перерывами до самой середины 40-х гг. ХУП в.⁴, не оказывая заметного влияния на внешнюю политику обоих государств. Единственным их реальным результатом был обмен информацией о движениях татар между администрацией пограничных областей России и Речи Посполитой.

К 1645 г. в этом отношении наступили существенные перемены, проявившиеся первоначально во внешней политике Речи Посполитой. После очередного вторжения татар в Речь Посполитую и их разгрома под Охматовым сенат Речи Посполитой постановил прекратить уплату "упоминков" хану, а на сеймиках, собравшихся в начале 1645 г. королем Владиславом IV был поставлен вопрос о необходимости положить конец этой вечной опасности путем активных наступательных действий против Крыма.⁵ Важным импульсом при выдвижении таких планов были расчеты на получение субсидий от Венеции, вступившей летом 1645 г. в войну с османами. Тогда же были предприняты шаги для достижения соглашения на этот счет с русским правительством. В июле 1645 г. посол Речи Посполитой Г.Стемпковский заявил боярам, что король намерен "сам идти на Крым, не щадя головы своей" и призывал царя к совместным действиям в этом отношении.⁶.

Первоначально этот дипломатический шаг не оказал какого-либо воздействия на русскую внешнюю политику. На протяжении 1643-1645 гг. хлопоты руководства Посольского приказа, выполнявшего указания тогдашнего главы правительства 80-летнего Ф.И.Шереметева, имели своей целью обеспечить безопасность южных границ путем переговоров со Стамбулом, обязавшимся после возвращения османским властям Азова в 1642 г. не допускать нападений татар на русские земли. Еще в июле 1645 г. незадолго до смерти царя Михаила к султану были отправлены послы С.Телешев и А.Кузовлев с очередной жалобой на действия татар,⁷ а в октябре в Крым выехали с "поминками" Т.Хотунский и И.Степанов, чтобы принять "шерть" хана Ислам-Гирея на имя нового царя Алексея Михайловича.⁸ На рубеже 1645 г.

характер русской внешней политики, однако, резко изменился.

Толчком к перемене курса явилось, по-видимому, нападение татар на Россию в декабре 1645 г., явившееся, по оценке А.А.Новосельского, одним из наиболее крупных татарских вторжений в первой половине XVII века и, как тогда же стало известно в Москве, инспирированное Стамбулом⁹. Все это, очевидно, побудило нового главу русского правительства, сменившего Ф.И.Шереметева, воспитателя царя Алексея Михайловича, боярина Б.И.Морозова, отказаться от старой практики, оказавшейся несостоятельной, и перейти к иным мерам борьбы с угрозой со стороны крымских татар.

Первым симптомом смены курса стало появление 6 января 1646 г. "тайного наказа" посольству во главе с В.И.Стрешневым, направленному в Речь Посполитую для подтверждения Поляновского договора. После получили полномочия продолжить переговоры, начатые Г.Стемпковским. Заявив о том, что царь стремится, "чтоб ... с его королевским величеством соединиться на поганых агарян", после должны были выяснить у сенаторов, на каких условиях Речь Посполитая может заключить с Россией соглашение против татар "и писмо у них на то взять, на каких статьях тому делу быть"¹⁰. Не позднее 18 января было принято решение об организации похода войск из Астрахани во главе с С.Р.Пожарским совместно с донскими казаками на крымские улусы¹¹. 21 января Т.Хотунскому и И.Степанову вместе с "поминками" приказано было вернуться в Москву¹². Не позднее 21 января дума приговорила выслать полки во главе с Н.И.Одоевским и В.П.Шереметевым в города, лежащие на юг от обычной оборонительной линии - Белгород, Карпов и Яблонов также для активных военных действий против Крыма¹³. В феврале - марте развернулись обширные военные приготовления для выполнения принятых решений.

По мере того, как русская внешняя политика все более ориентировалась на организацию активных наступательных действий против Крымского ханства, в Москве возрас-

тала заинтересованность в успехе переговоров об антирелигиозном соглашении с правительством Речи Посполитой. И эта заинтересованность нашла свое выражение в конкретных шагах, предпринятых уже после отъезда "великого" посольства В.И.Стрешнева.

В тот же день, когда в Москве решили вернуть послов, отправленных с "поминками" в Крым - 21 января, вдогонку за В.И.Стрешневым и его товарищами была отправлена царская грамота с подьячим Д.Молчановым, догнавшим послов в пограничной Орше. Им предписывалось сообщить о посылке в Белгород для действий против Крыма русских войск во главе с Н.И.Одоевским и В.П.Шереметевым и добиваться, чтобы великий гетман коронный С.Конецпольский, собрав войска, "был к весне готов" и вступил в переговоры с воеводами "о всяких воинских делах, как им против тех крымских татар стоять и в которых местах и сколькими людьми и каким строем сходитца"¹⁴. Еще более показателен другой эпизод. 13 февраля 1646 г. в Посольский приказ была доставлена грамота одного из русских агентов на православном Востоке - халкидонского митрополита Даниила. Рассказывая о ходе османо-венецианской войны и тяжелом положении османских войск на Крите, где они "помирают голodom и безводищею", митрополит одновременно сообщил: "А все короли соединились заедино на турского, а между собою укрепились на шесть лет не боевати, только турского гонити"¹⁵. Сразу после ознакомления царя с этим письмом, он приказал известить послов "про турского салтана, что у нево ныне упадок", включив в грамоту сведения, полученные от митрополита. Послам указывалось, что, опираясь на эти сведения, они должны добиваться совместного выступления войск России и Речи Посполитой против татар¹⁶. Еще одна попытка способствовать успеху переговоров была предпринята в начале мая. В грамоте, отправленной к послам 3 мая с И.Плакудиным, им снова напоминалось, что они должны добиваться от короля и сенаторов Речи Посполитой "повеления" гетманам действовать против татар совместно с русскими воеводами. В том же

грамоте указывалось, что, если необходимо, царь готов принять в Москве находящегося в Варшаве венецианского посла.¹⁷

Не довольствуясь переговорами на "высшем уровне", русское правительство пыталось осуществлять военно-оперативное сотрудничество против татар, установив непосредственные контакты с командующими войск на Украине. 18 февраля пущивльскому воеводе В.П.Львову было приказано направить гонцов к С.Конецпольскому и И.Вишневецкому, и, известив их о посылке на Украину русских войск во главе с Н.И.Одоевским, предложить им письменно "ссыльаться" с русским командующим о том, как "сопча" "чи-нить поиск" против "бусурман".¹⁸

Как представляли себе в Москве конечную цель всех отмеченных выше военных мер, направленных против Крыма, которые здесь рассчитывали осуществить в сотрудничестве с Речью Посполитой?

Важные сведения, касающиеся этой стороны дела, содержат опубликованные еще в XIX веке письма молдавского господаря Василия Лупу османским вельможам весны 1646г., основанные на сообщениях его агентов в России. В этих письмах цель войны со стороны русского правительства определялась, как "полное разрушение всего Крыма" (*rovina totale di tutto Crim*), "уничтожение Крыма" (*esterninio del Crim*) и сообщалось, что это решение царя получило единодушное одобрение "всех вельмож государства, архимандритов и игуменов и всех остальных" (на Земском соборе?).

Эти сообщения молдавского господаря подтверждаются свидетельством такого важного документа, как "тайный на-каз" посольству В.И.Стрешнева. Послам было поручено не только обсудить вопрос о совместных действиях против татар, но и выяснить "будет над Крымом учинитца одоление, и тот крымской юрт как обоим великим государем вперед держать и как промышлять, чтобы вперед на крымском юрте татарам поселитца не дать".²⁰ Следовательно, конечной целью войны для Москвы было именно уничтожение Крымско-

го хана, и, если учесть, что совсем незадолго до этого, в конце 1644 - начале 1645 г.²¹ был написан "Dyskurs o zniesieniu tatarów krymskich" С. Конецпольского, то можно сделать вывод, что идея наступательной войны для уничтожения Крымского ханства появилась в правящих кругах обоих восточноевропейских государств в середине 40-х гг. XVII в. одновременно и независимо друг от друга.

Основанием для столь далеко идущих планов, отчасти, служили вызванные сообщениями стамбульских греков надежды на создание широкой антиосманской коалиции, надежды на то, что к Венеции, вступившей в войну с османами, присоединятся другие европейские государства. Эти надежды были развеяны посольством Б.И.Стрешнева. За время пребывания в Варшаве послы сумели выяснить, что никакой антиосманской коалиции в поддержку Венеции не сложилось, некоторую помощь оказывают ей лишь отдельные итальянские княжества и Испания, но и они опасаются действовать более энергично из-за противодействия традиционного союзника османов - Франции. Впрочем, и у этих государств никакого соглашения с Владиславом IV нет, "потому что те государства от Польши и Литвы отдалели"²².

Для дальнейшего планирования русской внешней политики было более существенно, что результаты переговоров позволяли рассчитывать на осуществление планов наступательной войны против Крыма в сотрудничестве с Речью Посполитой. Русская инициатива была благосклонно встречена сенаторами, которые обещали, что гетману М.Потоцкому - преемнику умершего С. Конецпольского будут посланы предписания взаимодействовать с русскими воеводами. Правда, просьбу русского правительства разрешить запорожцам выйти вместе с донцами на Черное море сенаторы определенно отклонили, ссылаясь на то, что это может нарушить "вечный мир" с Османской империей²³. Однако сенаторы не отказывали категорически, заявляя лишь, что этот вопрос может быть решен лишь сеймом. И в этой связи приобретало значительный все другое, сделанное во время переговоров, заявление, что "с нынешнего времени месяц спустя" (заяв-

ление было сделано 8 апреля) в Москву будет направлено "великое" посольство во главе с А.Киселем "о соединении на общего неприятеля на крымского поганца" с тем, "чтобы им приехать (назад. - Б.Ф.) до сойму заранее и на сойму б все те дела довершить"²⁴. В таком контексте заявление сенаторов воспринималось скорее не как отказ, а как некоторая отсрочка во времени, связанная с необходимостью соблюдать принятые в Речи Посполитой нормы. В Москве ему тем более могли не придавать принципиального значения, что русский агент в Варшаве Я.Сидовский сообщал, что в действительности запорожцы уже вышли на Черное море "за позволением королевским", но, делая вид, что якобы по собственной инициативе²⁵.

Все это позволяет понять, почему по окончании русско-польских переговоров в Варшаве в конце весны - начале лета 1646 г. русское правительство продолжало прежнюю политику. Когда в конце мая 1646 г. на русской территории появились гонцы крымского хана во главе с Курамшой-мурзой, их встретил крайне недобезный прием. Гонцам не было послано обычного "встречного жалованья", у них было отобрано оружие и кони, а затем они были фактически посажены под арест на обычном посадском дворе (хотя в Москве было специальное помещение для приема крымских представителей)²⁶. Здесь ожидали, что в Речи Посполитой в самом скором времени будет созван сейм для решения вопроса о союзе с Россией, а в Москву прибудут польско-литовские "великие" послы. Так, предоставляемая грамотой от 23 мая Н.И.Одоевскому и В.П.Шереметеву полномочия для "ссылки" и организации съезда с командующим польскими войсками на Украине гетманом М.Потоцким и И.Вишневецким, царь предписывал прежде всего выяснить у них, что им "от короля наказано и сойм... у королевского величества и у панов-рад и у поветных послов был ли и что на сойме приговорено, как им с обеих сторон против крымских татар стоять"²⁷, а 2 июня было приказано мостить дороги от Вязьмы к Москве, так как "польские и литовские послы будут вскоре"²⁸.

В действительности, внутреннее положение в Речи Пос-

политой было существенно иным, чем это представлялось в то время в Москве. Именно, начиная с весны 1646 г., вопрос о политике по отношению к Крыму и Османской империи стал предметом острых разногласий между разными группировками господствующего класса Речи Посполитой. Разумеется, большая часть и магнатов, и шляхты не имела никаких принципиальных возражений против соглашения с Россией о совместной обороне обоих государств от татар (что нашло свое выражение и в официальной позиции сената на переговорах с посольством В.И.Стрешнева), но и магнаты, и шляхта не одобряли планов наступательной войны против Крыма и Османской империи, выдвигавшихся королем Владиславом IV и немногочисленной группой его сторонников из среды знати. Господствующий класс Речи Посполитой опасался опустошения своих владений османами, а еще больше – усиления королевской власти в чрезвычайных условиях, созданных войной, что собственно и привлекало к антиосманским планам короля и его сторонников. Сознавая, что он не может легальным путем добиться одобрения своих планов господствующим классом Речи Посполитой, Владислав IV попытался добиться своих целей, ставя его перед лицом совершившихся фактов. Речь шла о наборе войск на средства и по поручению короля (возможно, и с использованием субсидий Венеции), которые начали бы по его приказу военные действия против татар и османов и тем вовлекли страну в войну независимо от позиции сословий. Первые шаги для осуществления этих планов были предприняты уже в апреле 1646 г.²⁹ Для правителя, приступавшего к осуществлению таких рискованных замыслов, важным было установление непосредственных, лежавших вне официальной сферы контактов с правительством соседнего государства, которое уже вели войну с Крымом. В.Чермак предполагал, что шаги для этого были предприняты во время пребывания в Варшаве посольства Стрешнева³⁰, но он не располагал данными, которые могли бы подкрепить его гипотезу. Сведения о таких контактах обнаруживаются в русских источниках.

Как видно из материалов посольства В.И.Стрешнева, 18 апреля 1646 г. русских послов посетил польский гетман Великого княжества Литовского Януш Радзивилл, в то время один из наиболее близких советников Владислава IV. Выслав свиту и оставшись наедине с дипломатами, гетман сообщил им³¹, что по мнению короля нельзя успешно вести войну с Крымом, не пресекая попыток султана оказать помощь ханству. Поэтому Я.Радзивиллу и мстиславскому воеводе М.Абрамовичу король поручил "собрать и учинить многою рать рейтарскую и драгунскую" и с этими войсками стоять "на Волоской границе для приходу турских людей". Против султана намерены также выступить император, правители Трансильвании и Дунайских княжеств и для переговоров по этому вопросу он выезжает к молдавскому господарю.

Расхождения между заявлениями Я.Радзивилла и официальным ответом сенаторов не остались незамеченными в Москве (здесь послам даже выговаривали, почему они не спросили гетмана о причинах этих расхождений)³², но, не зная сложившегося в Речи Посполитой внутреннего положения, здесь не могли понять причины их появления. Не исключено, что высказывания Я.Радзивилла на время укрепили русское правительство в его решении продолжать наступательные действия против Крыма (в этом, по-видимому, и состоял смысл его сообщений послам), но вскоре положение изменилось.

Начавшаяся с конца апреля вербовка войск для борьбы с османами сразу же встретила сопротивление недовольных политикой Владислава IV магнатов и шляхты. Деятельность вербовщиков на местах стала наталкиваться на препятствия, а шляхетские сеймики и отдельные сенаторы стали обращаться к королю с письменными протестами против его действий.

Очевидцем всех этих событий стал находившийся в конце мая – начале июня в Варшаве русский гонец И.Плакидин. В своем "вестовом списке", поданном в Посольский приказ 12 июля, он подробно информировал свое правительство о том, как король организовал вербовку войск "от себя",

"свою казною" и о том, какие при этом возникли затруднения: королевским ротмистрам "ратных людей збирать не дали", в Люблине ротмистра "обезчестили", а во Львове просто убили. Собравшиеся в Варшаве сенаторы также "отказали королю о том впрымь и нарядъ из Варшавы до Львова и инде нигде возить не велели"³³. В подтверждение правильности своих сведений гонец предъявил копию известного письма Владиславу ІІІ краковского воеводы С.Любомирского³⁴.

Все эти сведения в той или иной мере отвечали истине. Однако наряду с этим Плакидин привез и сообщения, никак не соответствовавшие фактам. Таково, например, его сообщение, что "венеты с турским царем мирятца, а Владиславу королю во всем соглаши" и отказываются дать субсидии на войну и в еще большей мере его утверждение, что уже принял решение о распуске собранных Владиславом ІІІ войск и что они уже перешли на службу к французскому королю³⁵. В действительности, переговоры Венеции с Владиславом ІІІ не были прерваны, а сам король, несмотря на протесты и другие акты сопротивления, продолжал военные приготовления и в начале августа выехал во Львов для осмотра собранных там сил. Очевидно, сведения И.Плакидина, полученные им, по его признанию, от "королевских ближних людей от секретарей"³⁶, исходили от противников Владислава ІІІ, стремившихся через гонца убедить русское правительство в полном провале военных планов короля, чтобы оно не попыталось вмешаться во внутреннюю борьбу в Речи Посполитой в его пользу.

На сведения такого рода в Москве не могли не реагировать. Перспектива выхода Венеции и Речи Посполитой из войны ставила русское правительство перед необходимостью пересмотреть своей прежней политики. 12 июля И.Плакидин подал свой "вестовой список", 16 июля арестованных крымских гонцов вызвали в Посольский приказ, чтобы выговорить им "неправды" хана, а 19-го им уже были изложены условия, на которых русское правительство готово было заключить мир с Крымом. Условия эти были достаточно твердыми

(они предусматривали, в частности, возмещение убытков и возвращение без выкупа захваченного полона), но само их появление было свидетельством отхода от планов наступательной войны³⁷.

Тем временем внутриполитический конфликт в Речи Посполитой продолжал обостряться. Владислав IV продолжал военные приготовления, но под давлением сенаторов вынужден был назначить на 25 октября созыв сейма, на котором должен был быть решен вопрос о внешнеполитическом курсе Речи Посполитой в будущем. На предсеймовых сеймиках, собравшихся 13 сентября, политика короля была подвергнута самой острой критике³⁸. Связанные с королем литовские магнаты начали отказывать ему в поддержке³⁹. В этих условиях Владислав IV предпринял новую попытку оказать воздействие на русскую внешнюю политику.

Попытка эта была предпринята Ю.Иличем, послом, отправленным Владиславом IV в Иран для привлечения шаха к антиосманскому союзу. Посол, рекомендованный В.Стрешневу Я.Радзивиллом⁴⁰, несомненно, принадлежал к близкому окружению короля и выполнял его тайные поручения. В королевской грамоте, датированной 29 сентября, сообщалось, что Владислав IV, "не сохраниючи того большого дела до далšíй поры", "без проволоки" посыпает "большую рать" на татар и приказал запорожцам "отперети Днепр", чтобы вместе с русскими войсками татар "со всех крымских юртов сносити и до конца разорити". Король желал, чтобы и царь скорее отправил войска против татар⁴¹.

Сам посол, когда, по его насториям, 13 ноября с ним встретились бояре, и в последующих разговорах с ними убеждал их в том, что сейм созван для того, "чтоб им, обоим великим государем... соединясь на бусурман, им мстити", что королем собрана на Украине 20-тысячная армия, что у Владислава IV находятся послы императора, папы, испанского короля и Венеции "о соединении на поганцов". Эти правители обещают королю деньги "и на воспоможенье хотят прислать воинских людей". Наконец, он заявил, что "христианские великие государи" выбрали Влади-

слава IV "генералом" - главнокомандующим крестового похода против османов⁴². Все это совершенно не соответствовало действительности. Сейм был создан по инициативе магнатов и шляхты, выступавших против войны, армия короля не превышала 6-7 тыс. человек и на ее содержание не хватало денег, союзников у короля практически не было. Думается, цель всех этих сообщений состояла в том, чтобы добиться согласия русской стороны на предложенный в грамоте Владислава IV план действий. Официальный ответ царя в таком духе полученный до окончания работ сейма мог стать ценным козырем в руках короля в его борьбе с оппозицией.

В условиях, когда русское правительство располагало сведениями, полученными от И.Плакидина, которые затем пополнялись данными от других информаторов, о внутреннем положении в Речи Посполитой, миссия Ю.Илича не имела шансов на успех. В сложившейся сомнительной ситуации в Москве твердо решили вести переговоры лишь с официально назначенными сеймом "великими" послами - у него лишь интересовались, когда они прибудут⁴³. В ответ же на настояния посланника выслать войска против татар ему было сухо замечено, что по имеющимся сведениям на южной границе Речи Посполитой стоит лишь "кварцяное" войско, "а про больших воинских людей збор ведома подлинного нет"⁴⁴. З января 1647 г. посланник был отправлен в Иран, так и не выполнив эту часть своей миссии.

Все это, однако, вовсе не означало, что русское правительство потеряло интерес к происходившим в Речи Посполитой событиям. К осени 1646 г. здесь уже знали, что Владислав IV вовсе не распустил собранные им войска и о его поездке на Украину⁴⁵. Поэтому здесь стремились, как можно раньше получить сведения о результатах деятельности сейма. Уже в октябре 1646 г. в Польшу был отправлен гонец Г.С.Дохтуров формально с сообщением о ходе военных действий против татар, а фактически, чтобы выяснить, чем закончился сейм "и хочет ли польский король на турского и крымского стоять воиною"⁴⁶. Об острой заинтересо-

ваннысти русского правительства в результатах работы сейма говорит и тот факт, что еще до возвращения Дохтурова в ноябре 1646 г. в Речь Посполитую был направлен еще один гонец — Г.Кунаков все с тем же поручением⁴⁷. Донесения Г.Дохтурова не сохранились, а Г.Кунакову, вернувшемуся в Москву 26 февраля 1647 г.⁴⁸, удалось успешно решить поставленную перед ним задачу. Как видно из его "вестового списка", немалую помощь окказал ему при этом писарь литовской канцелярии Казимир Монтремович, сообщавший разные "вести" еще посольству В.И.Стрешнева. Как выяснил гонец, король прилагал большие усилия, чтобы добиться желательных для себя решений сейма, и еще "до сойму" призывал к себе сенаторов, "по одному и по два" "с прошеньем" и обещал им различные "части", "чтоб они на сойме на турского в войне договорили"⁴⁹. Однако все эти усилия закончились крахом: "на сойме ... от панов-рад и ото всей Речи Посполитой на короля шум был большой з безчествъем". Сейм заставил короля распустить собранные им для войны с османами войска и не пожелал возместить ему расходы на их содержание. "И королю, де, то стало за великое зло, что на ево изволенъе не стало". Одновременно гонцу удалось выяснить, что Венеция окончательно отказалась предоставить Владиславу IV субсидии, а трансильванский князь Дьердь Ракоци и господари Дунайских княжеств, по соглашению с польским королем также набиравшие войска, теперь требуют от него возмещения расходов, "и король, де, о том в великом сумненъе, не ведает, что де-лать"⁵⁰. Все эти сведения довольно точно соответствовали фактам и из них определенно вытекал однозначный вывод, что об участии Речи Посполитой в наступательной войне против Крыма не может быть и речи. Неудивительно, что вскоре после возвращения Г.Кунакова были предприняты новые шаги для установления мирных отношений с Крымом: в апреле 1647 г. с Курамшой-мурзой были согласованы условия мирного соглашения с ханством⁵¹. Правда, Г.Кунаков привез официальные сообщения о назначении на сейме "великих" послов Речи Посполитой для переговоров о союзе с

Россией⁵². Однако в новой ситуации, сложившейся после решений сейма 1646 г., речь могла идти лишь о заключении оборонительного союза обоих государств против татар, что далеко не соответствовало тем широким политическим замыслам, которые выдвигались политиками обоих государств в 1645 - первой половине 1646 г.

1. См. ряд специально посвященных этой теме разделов в кн.: Czermak W. *Plany wojny tureckiej Władysława IV. Kraków. 1895*; см. Baranowski B. *Stosunki polsko-tatarskie w latach 1632-1648*, *Łódź. 1949. S. 160 i n.*
2. Можно отметить лишь по нескольку страниц в известных трудах С.М.Соловьева и А.А.Новосельского.
3. Дворцовые разряды. СПб., 1851. Т. П. Стб. 920 и сл.
4. Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М., 1948. С. 328-331. Описанные здесь контакты получили свое продолжение во время посещения Варшавы посольством во главе с А.М. Львовым в 1644 г.
5. Czermak W. *Plany...* s. 34-35
6. Ibid., s. 55-56; Новосельский А.А. Борьба... С. 331.
7. ЦГАДА. Ф. 89 (Сношения России с Турцией). 1645 г.
- Д. 1. Л. 2II и сл.
8. ЦГАДА. Ф. I23 (Сношения России с Крымом). 1645 г.
- Д. 16. Л. 83-84, 23I.
9. Новосельский А.А. Борьба... С. 342, 349 и сл.
10. ЦГАДА. Ф. 79 (Сношения России с Польшей). 1646 г.
- Д. 4. Л. 22об. и сл.
- II. Новосельский А.А. Борьба... С. 373.
12. ЦГАДА. Ф. I23. 1645 г. Д. 16. Л. 508 и сл.
13. Новосельский А.А. Борьба... С. 371-372.
14. ЦГАДА. Ф. 79. 1646 г. Д. 4. Л. 38 и сл.; Д. 5. Л. 6; Д. 6. Л. 25.
15. ЦГАДА. Ф. 52 (Сношения России со странами Балканского полуострова). 1646 г. Д. 13. Л. II-13.
16. ЦГАДА. Ф. 79. 1646 г. Д. 5. Л. 63-64. Одновременно и послам было предписано выяснить "таки ли подлинно все

- короли сложились на турского салтана войною и польской Владислав король с теми короли в одной ли мысли".
17. ЦГАДА. Ф. 79. I646 г. Д. I2. Л. I04 и сл.
18. Там же. Ф. 79. I646. Д. I. Л. 53 и сл.
19. Documente privitoare la istorie Romanilor // Cil. de E.Hurmuzaki.Vol.IV.p.2.Bucuresti.1884.P.546,549.
20. ЦГАДА. Ф. 79. I646 г. Д. 4. Л. 29.
21. Обоснование такой датировки см.: Majewski W. Plany wojny tureckiej Władysława IV a rzekome przymierze kozacko-tatarskie z 1645 r.//Przegląd historyczny.1973. N 2.8.278-280
22. ЦГАДА. Ф. 79. I646 г. Д. I. Л. I5I-I55.
23. ЦГАДА. Ф. 79. I646 г. Д. 6. Л. 2I4-2I6.
24. Там же. Л. 522, 529-529об.
25. ЦГАДА. Ф. 79. I646 г. Д. II. Л. 6, II.
26. ЦГАДА. Ф. I23. I646 г. Д. 4. Л. I2, 22, 33-34 и др.
27. ЦГАДА. Ф. 79. I646 г. Д. I3. Л. 54.
28. ЦГАДА. Ф. 79. Кн. 72. Л. I.
29. Czermak W. Plany... S. 108-112,115-117.
30. Ibid. s. 87.
31. Записи переговоров с Я.Радзивиллом см.: ЦГАДА. Ф. 79. Кн. 7I. Л. 822об.-829об.; I646 г. Д. 8. Л. 438-439.
32. ЦГАДА. Ф. 79. I646 г. Д. II. Л. 26-27.
33. ЦГАДА. Ф. 79. I646 г. Д. I2. Л. I86-I87.
34. Там же. Л. 232. О письме см.
- Czermak W. Plany..., s. 147
35. ЦГАДА. Ф. 79. I646 г. Д. I2. Л. I86-I87.
36. Там же. Л. I84.
37. Новосельский А.А.Борьба... С. 397-398.
38. Czermak W. Plany... S. 205 i n.; Wisner H. Litwa i plany wojny tureckiej Władysława IV. Rok 1646// Kwartalnik historyczny.1978.N.2.S.260 i n.
39. Czermak W. Plany..., s..208-209;
- Wisner H. Litwa...,s.265.
40. ЦГАДА. Ф. 79. Кн. 7I. Л. 826-827.
41. ЦГАДА. Ф. 79. I646 г. Д. 2I. Л. I2I-I23.
42. Там же. Л. I6I. I74, I95, 272.

43. Там же. Л. 161.
44. Там же. Л. 272.
45. См., например, полученное в Москве в начале августа письмо полтавского "державца" Яна Клосинского: "Объявляю, что король его милость... со всем войском под Львовом в Глуниях будет в 4 де. августа, а итти, пописав войско, до Волоской земли, а оттоле за божию помощью до Царягорода" (ЦГАДА. Ф. 79. 1646 г. Д. 13. Л. 167-168).
46. ЦГАДА. Ф. 79. 1646 г. Д. 20. Л. 17, 58.
47. ЦГАДА. Ф. 79. 1646 г. Д. 22. Л. 8, 29, 76.
48. Там же. Л. 89.
49. Там же. Л. 143-144.
50. Там же. Л. 127-129, 141-143.
51. Новосельский А.А. Борьба... С. 399.
52. ЦГАДА. Ф. 79. 1646 г. Д. 22. Л. 92 и сл.

К.К.ШОВШ

МАГНАТЫ ХОРВАТИИ В АНТИГАБСБУРГСКОМ СОСЛОВНОМ ДВИЖЕНИИ КОРОЛЕВСТВА ВЕНГРИИ, 1664-1671 ГГ.

Антигабсбургское движение 1664-1671 гг. явилось результатом эволюции отношений господствующего класса королевства Венгрии с королевской властью, представленной династией Габсбургов. Оно ознаменовало собой переход к новой форме конфронтации – к вооруженной борьбе, сменившей выступления в рамках Государственного собрания. Активным участником движения был Петер Зрини (Петр Зринский), последний представитель рода хорватских по происхождению магнатов королевства Венгрии. Его старший брат Миклош (Никола) – выдающийся венгерский писатель с четко выраженным венгерским этническим самосознанием. Но несомненно активное двуязычие Петера, который перевел на хорватский язык (дубровницкий его диалект) поэму Миклоша "Сигетварское бедствие".¹

История сословного движения 1664-1671 гг. давно

стала объектом изучения, хотя и не было сделано до сих пор попыток связать ее с эволюцией господствующего класса Венгрии и определить его место в динамике внутриполитической борьбы². Особое значение в познавательном плане имеют работы, автор которых использовал и до сих пор неопубликованные материалы³.

Антигабсбургская группа сложилась в атмосфере недовольства феодалов Венгрии условиями Вашварского мира с Портой (10 августа 1664 г.). Его условия⁴ наносили значительный ущерб чисто материальным интересам венгерских землевладельцев. Под власть османов отошли имения в районах крепостей Варад (совр. Орадя Маре) и Эршекуйвар (совр. Нове Замки). Второй район включал в себя четыре северных комитата Королевства. Увеличился радиус действия османских отрядов, разорявших крепостное население; интенсифицировался сбор дани с порубежных территорий, где осуществляли свою власть и венгерские феодалы. Османы стали наносить больший ущерб внутренней и внешней торговле. К тому же ввиду территориальных потерь удлинились торговые пути.

Габсбургские власти заключили мир без согласия венгерских феодальных сословий. Представителей этих сословий не было и при переговорах Вены с Портой в 1665–1666 гг., в ходе которых представители Габсбургов не пытались смягчить условия Вашварского мира. Антивенгерскую направленность имел торговый договор Вены с Портой, дополнения к которому предусматривали взаимную выдачу "бунтовщиков", расстраивавших габсбургско-османские отношения.

На основе Вашварского договора в 1667 г. (весной) была создана Компания Восточной Торговли, которая в течение шестнадцати лет вела оживленную посредническую торговую деятельность, что ссыпало экономические интересы Османской империи и Габсбургов (но не венгерских феодалов).

Строя свое, по сути дела, сотрудничество, османы и Габсбурги исходили из их собственных внешнеполитических

установок: Порта обеспечивала себе свободу рук в войне с Венецией за Крит, а Габсбурги преследовали династические цели в противоборстве с Францией. Важно отметить, что это сотрудничество двух антивенгерских сил развивалось открыто. А это порождало у венгерских феодалов убежденность в усилении враждебности по отношению к ним не только Порты, но и венского двора. Обострение противоречий между Веной и венгерскими феодалами - характерная черта тех условий, в которых складывалась с середины 60-х годов сословная организация последних. Следует иметь в виду, что новые противоречия, возникшие после Вешварского мира, дополнили давно существовавшие: между комитатским дворянством и финансовыми ведомствами королевства (Палатами, "камерами") и сборщиками торговой пошлины - тридцатины; между венгерскими феодалами и военными властями Габсбургов, вводившими на постай всё новые контингенты немецких наемников, что отягощало положение крепостного крестьянства и уменьшало возможности его эксплуатации феодалами.

К обострению противоречий в области военной политики вели возросшие со стороны частных феодалов требования возвращения в имения крепостных крестьян, ставших в свое время воинами пограничных крепостей.

Об этих требованиях можно судить по изданному 19 апреля 1666 г. распоряжению Леопольда I, приостановившему выдачу таких крепостных⁵. Некоторые из будущих активных участников антигабсбургского сословного движения были в числе вдохновителей этой дворянской акции, ведшей к ослаблению обороны страны. Налицо объективная противоречивость требований венгерских феодалов: желание отменить Вешварский мир (т.е. возобновить войну с османами) и в то же время - требование немедленного вывода немецких наемных полков и возвращения крестьян-воинов в имения.

Продолжали сохраняться противоречия между католиками - сторонниками контрреформации и протестантами.

Несомненно, что выдающиеся политические деятели

самого высокого ранга, выражавшие интересы венгерских феодалов, при оценке обстановки учитывали нарастание "сверхобычных" противоречий с Габсбургами. Это было побудительным мотивом в организации ими сил оппозиции. Эти силы были возглавлены союзом, "конфедерацией" самых высших должностных лиц венгерского сословного государства. Заметим, что создание союзов отдельных магнатов было обычным явлением в их внутриполитической деятельности.

Сохранились письменные соглашения о союзе палатина Ференца Вешшелены и бана Хорватии Петера Зриньи, заключенном в начале апреля 1666 г. в Штубне (совр. Турчанска Тepлица на территории совр. Словакии, около Баньска Бистрицы), документ о присоединении к этому союзу государственного судьи Ференца Надашди (28 июля). 19 декабря в Вене был подписан акт о союзе этих трех магнатов, а в последние дни 1666 г. создание конфедерации завершилось созданием союза Петера Зриньи и Надашди (об архивных экземплярах этих актов см.⁶)

Но уже до подписания последнего из этих соглашений союз трех магнатов фактически превратился в оппозиционную антигабсбургскую организацию на собрании, созванном палатином 23 августа 1666 г. в его замке Мурань (на терр. Словакии). Такое превращение произошло благодаря тому, что здесь союзники-магнаты согласовали свои позиции с той частью комитатского дворянства, которая выступала против господства Габсбургов. Это были руководящие деятели протестантской (магнаты были католиками!) дворянской оппозиции северных комитатов королевства Пал Сепеши (вице-ишпан комитата Боршод), Матьяш Сухай (бывший военачальник трансильванского князя Дьёрдя Ракоци II), предводители дворян комитатов Сатмар и Абауй Габор Кенде, Ференц Ишпан и Андраш Секей, дворянне из комитата Шарош Андраш и Меньхерт Кецеры – служащие магнатской семьи Тёкёли, а также братья Иштван и Ласло Фай, владевшие большими имениями в нескольких комитатах.

Теперь против Габсбургов готовились выступить представители всех феодальных сословий Венгрии. Дворяне при-

внесли в начавшееся движение собственные социально-политические установки, представления о методах борьбы и (главное) в противовес французской ориентации магнатов – ориентацию на помощь Порты, имевшую прочную традицию в антигабсбургской борьбе князей Трансильвании⁷. Наиболее четкое выражение проосманская ориентация всего движения (а не только дворянства) была выражена в подписанной Ференцем Вешшелены 27 августа 1666 г. инструкции ехавшего в Порту трансильванского посла. В ней содержалась просьба создать по возможности самые благоприятные условия для использования имений венгерских дворян (часть которых присутствовала на собрании в Мурани) в областях двойного обложения и на порубежье с этими областями в обмен на "подарки" в размере от 20 до 100 тысяч таллеров ежегодно⁸. Кроме того, "османский проект" Ференца Вешшелены и его сторонников предполагал в перспективе превращение габсбургского королевства Венгрии в государство типа Трансильванского княжества, обладавшего самостоятельностью во внутренних делах в обмен на уплату дани и признание суверенитета Порты.

В марте 1667 г. Ференц Вешшелены умер и во главе движения стал государственный судья Ференц Надашди. Соратники считали, что покойный палатин был предан интересам сословий, а Надашди рассматривал участие в движении лишь как средство для получения поста палатина. Центром движения продолжала оставаться Мурань, где его нити находились в руках вдовы палатина Марии Сечи и ее доверенных лиц – управляющего имениями палатина Ференца Надя и начальника крепости Корпона (совр. Крупина) Михая Бори. Выработка и осуществлению взвешенной тактики участников движения мешали трудное финансовое положение наследников имений палатина, а также – тщеславие Ференца Надашди.

При его участии на совещаниях в Штубне (20 июля 1668 г.) и в Сендре (18 августа 1668 г.) был разработан план восстания. Он предусматривал нападение на немецких наемников, расквартированных в королевстве, захват де-

ненного запаса в Кёрмёцбанье (совр. Кремнице), нападение на австрийские земли, Моравию и Силезию. Но при этом не было учтено неблагоприятное для антиаббсбургских акций международное положение, в частности — тайное соглашение венского и парижского дворов о разделе испанского наследства (январь 1668 г.)⁹. Порта отказалась до окончания канцлерской войны от вмешательства в дела королевства Венгрии¹⁰.

Намеченное на сентябрь 1668 г. неподготовленное выступление не состоялось в силу ряда причин. Но само обсуждение его плана вызвало острые разногласия среди участников оппозиции, приведшие к столь сильному нервному напряжению, что для его снятия они решили информировать двор о своей организации. Это сделал Михай Бори. Оппозиционеры были вознаграждены большим денежным займом и отсрочкой по уплате всех долгов на три года¹¹. Но карательных акций со стороны двора не последовало. Причина этого ждет своего исследования. Здесь можно ограничиться предположением, что двор не усмотрел в движении реальной опасности и счел деятельность его участников контролируемой правительством.

Но их деятельность продолжалась, хотя среди его участников проявились религиозно-политические противоречия: сторонники Иштвана Тёköli (лютеране-евангелисты), а вслед за ними и масса дворян-кальвинистов (реформатов) усмотрели в плане восстания акцию иезуитов¹².

Судьбу движения решило преодоление этих противоречий. Этим характеризуется следующий этап движения, когда была установлена связь между Петером Зриньи и мужем его дочери Илоны — сыном князя Трансильвании Дьёрдя Ракоци II и Жофии Батори — Ференцем Ракоци I, владевшим огромными имениями в королевстве Венгрии. Ференцу удалось преодолеть сопротивление матери — ревностной участницы контрреформации (сравнительно недавно порвавшей с протестантизмом). 26 апреля 1669 г. в Шарошпатаке Ференц Ракоци I заключил с дворянами-кальвинистами соглашение, удовлетворившее их важнейшие требования: реформа тским храмам и

школам возвращались доходы, отнятые у них Жофией Батори, возобновлялась материальная поддержка высшей школе в Шарашпатаке, снималось запрещение посещать реформатские храмы¹³. Ракоци стал главой оппозиционного движения в северных комитатах королевства. Политическая активность местного венгерского реформатского дворянства была дополнена материальным могуществом магната, имевшего к тому же авторитет сына князя Трансильвании. Всё это создавало основу для возникшего годом позже восстания в северных комитатах королевства.

Однако объединение сил католиков и реформатов этих областей привело к борьбе с этим объединением евангелистов, группировавшихся вокруг Иштвана Тёköли. Она развернулась на созданной венским двором в Эперьеше (совр. Прешов) с собраний сословий этих комитатов (май 1669 г.). Евангелическая группировка была поддержана здесь представителями Трансильванского княжества, на политику которого ориентировались евангелисты.¹⁴ Положение осложнилось ожесточенной борьбой между Зрини и Надашди за гегемонию в движении, а также тем презрением, которое открыто выражал Ракоци по отношению к князю Трансильвании Михаю Алафи.¹⁵.

На борьбу за лидерство в движении, а также на его общую ориентацию в известной мере влияла и расстановка сил в Европе. К влиянию тайного договора Габсбургов с Францией (19 января 1668 г.), о котором уже говорилось, добавилось поражение французского кандидата (пфальц-нейбургского герцога) на королевских выборах в Польше. Избрание королем Михаила Вишневецкого (1669–1673) способствовало устремлению влияния Габсбургов в Польшу и лишило сторонника французской ориентации Зрини надежд на посредничество Польши для получения поддержки со стороны Франции.

В столь сложной внешнеполитической и внутренней обстановке (соперничество с Надашди) Петер Зрини решил обратиться за помощью к Порте, которая в сентябре 1669 г. победоносно закончила войну с Венецией, захватив Крит.

Не имея каких-либо оснований для получения помощи со стороны султана. Петер Зрини и его шурин магнат Ференц Франгепан (Франьо Франкопан) всё же в марте 1670 г. в Хорватии выступили с призывом к восстанию¹⁶.

В его возникновении в северных комитатах королевства значительную роль сыграли действия дворян, участвовавших в оппозиционной организации, в межкомитатских дворянских собраниях в Кёрмёцбанье (совр. Кремница), Кашше (совр. Кошице), Брезнобанье (совр. Брезно над Гроном) и Бестерцебанье (совр. Баньска Бистрица). Под лозунгом самообороны от османов здесь были сделаны попытки организации независимого от Вены сословного войска. По отношению к представителям правительства оппозиционеры применили тактику "всё или ничего", исключавшую компромисс¹⁷. Но следует заметить, что в межкомитатских собраниях дворяне-оппозиционеры не смогли увлечь за собой большинство их участников.

Восстание дворян северных комитатов королевства началось в ответ на призыв в войско, выраженный в послании Петера Зрини 9 апреля 1670 г. В этот день находившийся в Шароштаке Ференц Ракоци I отдал приказ об аресте немецкого коменданта крепости Токай, прибывшего в Шароштак, полковника Штаремберга. Это был сигнал, переданный от комитата к комитату в форме лозунга "Немцы – это врачи!" Военные отряды (бандерии) комитатов и войска, которые содержал за свой счет Ракоци, брали под свой контроль дороги, переправы, горные проходы. Восставшие отрезали от внешнего мира город Кашшу (Кошице) – правительственный центр северных комитатов королевства, а также осадили крепости Токай и Сатмар, где находились гарнизоны немецких наемников. К восставшим примкнули хайдукские городки и венгерские гарнизоны пограничных крепостей, страдавшие от неуплаты им жалованья¹⁸.

Восставшие стали обладать значительной военной силой в обстановке, когда местные военные формирования Габсбургов были парализованы. В действиях восставших прослеживается наличие единого плана: после утверждения

в восточных районах королевства они готовились к захвату горных городов долины реки Гарам (Грон) и проходов в Моравию.

Известно лишь одно открытое столкновение противников: 23 апреля у Гомбаша (около Сатмара) полуторатысячное войско восставших обратило в бегство три сотни королевских драгун, которые потеряли 120 человек убитыми¹⁹.

В ходе открытой конфронтации, как можно предполагать по сохранившимся свидетельствам источников, у восставших не было осознания единой цели: сторонники Ракоци боролись за создание независимого от Габсбургов венгерского королевства во главе с этим князем, дворяне – за дворянскую "республику" типа польской.

Как и на предшествующих этапах движения, и в ходе вооруженного выступления было явным неучастие в нем крестьянства. Известны данные, позволяющие предполагать готовность только крепостных князя примкнуть к движению²⁰. Но здесь речь идет лишь о вступлении крестьян в частное войско Ракоци. Крестьянские массы, когда это было возможно, проявляли благонамеренность по отношению к представителям королевской власти. Объясняется это сравнительно более высоким уровнем повинностей (неограниченные размеры барщин даже в имениях средних и мелких дворян) во владениях частных землевладельцев по сравнению с повинностями в пользу королевской власти.

Не принимали участия в борьбе жители городов, хотя руководители движения считали их своим резервом, имея в виду их принадлежность к числу сторонников протестантизма²¹.

В Хорватии же на призыв Петера Зриньи, а затем – Франгепана не откликнулись ни крестьяне их обширных имений (которым было обещано частичное уменьшение повинностей), ни влахи, несущие службу пограничников, ни дворяне. Окончилась безрезультатно попытка Франгепана созвать хорватский собор, чтобы вовлечь дворян в борьбу.

Полностью не оправдались надежды руководителей движения на помощь иностранных государств. Порта, готовив-

шая нападение на Польшу, стремилась сохранять мир с Габсбургами. Паша Буды в апреле 1670 г., выражая радость в связи с победой над "мятежниками", предлагал Вене в случае необходимости свою помощь для подавления восстания. Через несколько недель было получено двором послание султана с уверением в желании сохранить мир и не вступать в контакты с мятежниками²². Помощь Вене предложили бранденбургский и саксонский курфюрсты, архиепископ майнцский, польский король²³. Уже в конце марта посол Франции передал также, что король ее осуждает мятеж и предлагает Вене свою помощь²⁴.

Всё это создавало условия для быстрого подавления движения.

19 марта 1670 г. Правительственный совет с участием высших должностных лиц (первого министра, председателя Военного совета, председателя Придворного совета и др.) на тайном заседании принял решение о жестоком подавлении движения. Быстрее всего войска, сконцентрированные в спешном порядке вокруг Загреба, "навели порядок" в Хорватии. Петер Зрини и Франьо Франкопан (Ференц Франгепан) в панике бежали в Вену и добровольно сдались властям²⁵. Не оказали серьезного сопротивления и восставшие в северных комитатах. При известии о сдаче Петера Зрини на милость властей участники движения на собрании в Талье 1 мая большинством голосов решили сложить оружие и подчиниться правительству²⁶. Прибывшие в восточные области королевские войска (около 10 тысяч человек) не встретили сопротивления.

Один Ференц Бониш окзал вооруженный отпор, заявив о готовности умереть "за свободу, за что и заплатил собственной жизнью"²⁷.

Пример подчинения властям, с другой стороны, показал Ференц Ракоци I. В середине мая, еще до прибытия правительенных войск, он заявил о готовности выдать "дурных советчиков" и предоставить свое личное войско, если понадобится, для помощи в захвате "мятежников".²⁸ Уже в середине августа основная часть правительенных

войск смогла возвратиться в австрийские наследственные владения Габсбургов.

Ход этих событий показал, что движение не представляло какой-либо угрозы власти Габсбургов. И тем не менее последовала жестокая расправа над руководителями и участниками сословной оппозиции. 3 сентября был арестован Ференц Надашди. Зриньи, Франгепан и Надашди были отданы во власть чрезвычайного суда под председательством канцлера двора Хохера. Суд состоял только из немцев. Всё это противоречило правам феодальных сословий королевства Венгрии. Дворян-участников движения судил особый суд в Пожони (совр. Братислава), состоявший из венгерских магнатов. Оба судилища стремились реализовать стремление казни — получить конфискованные имения участников оппозиции. Подсудимые же со своей стороны ограничивались лишь личной защитой и оправданием, не обосновывая своего поведения политическими мотивами.

30 апреля 1671 г. были казнены Петер Зриньи, Ференц Франгепан и Ференц Надашди, несколькими днями раньше — Ференц Бониш, который и в заключении, и во время казни на рыночной площади Пожони вел себя достойнее других своих товарищей. По приговору Тайного совета Внутренней Австрии 1 декабря 1671 г. был казнен один из штирийских участников движения Эразм Таттенбах²⁹.

Сведения о конфискации имений в пользу казны проливают свет на истинные причины жестокости и массовости расправ. В пользу казны были конфискованы огромные имения и имущества Зриньи (приморские владения), Надашди, Тёкёли, Вешшелены. Жаждой денег отмечена деятельность пожоньского суда. В него был вызван 221 человек, с конца февраля по сентябрь 1671 г. были рассмотрены дела 154 обвиняемых. Большая часть не явившихся в суд бежала в Трансильванское княжество еще в недели краха восстания. Пожоньский суд вынес 13 смертных приговоров, но казнен был лишь Ференц Бониш. Остальные были приговорены к заключению в крепостях, к переходу в католичество. Свои жизни они выкупили глаумым образом огромными денежными

суммами. Приговоренные к заключению освобождались, отдавая казне половину или третью часть своих имений³⁰.

При определении методов расправы с оппозиционерами при венском дворе одержали верх сторонники ее суровости (Хехер, Р.Монтеукколи)³¹. Были и сторонники умеренности (И.Ротталь). Сама расправа по сравнению с такого же рода акцией в Чехии после Белогорской битвы (8 ноября 1620 г.) выглядит умеренной (обоснование этого наблюдения сравнением численности репрессированных)³². Коренное различие, однако, состоит в том, что в Венгрии поражение сословного движения 1664-1670 гг. не привело к уничтожению власти сословий и к установлению абсолютистской власти династии Габсбургов. Причина этого – не только в различии масштабов движений сословий в Чехии 1618-1620 гг. и в Венгрии 1664-1670 гг., но и в том, что надежие постоянной опасности со стороны Порты, театра военных действий в Среднем Подунавье (опасности союза венгерских феодальных сословий с Портой) связывало действия Вены. Венский абсолютизм возобладал лишь после освобождения значительной части королевства от османов, с принятием закона государственного собрания от 7 ноября 1687 г.³³

I. Makkai L. Magyarország gazdasági és társadalmi viszonyai az örökösi joblágyság rend szerének megszilárdulási korszakában. In: Magyarorszag története. 1576-1790. A késői feudalizmus korszaka. Egyetemi tankönyv. Ep. 1972, s. 285.

2. Бронлей Ю.В. Банская Хорватия и Военная Граница в 17 в. // История Югославии. Т. I. М., 1963. С. 249-250; Мукъяненко А.М. Политическая и литературная деятельность братьев Зринских и Франца Франкопана // Из истории политической и экономической жизни хорватов 17 в. и из истории развития у хорватов литературы и выработки литературного языка. Т. I. Киев, 1911. История Венгрии; Т. I. М., 1971. С. 318-320; Kraić N. Grafenauer B. Urota hrvatskih i igarskih velikaca.// Historia naroda Jugoslavije kn.2, Zagreb, 1959, s.736-750, 758-760. Копчан В. Вojna s Turcima. 1662-1664 a sprisahanie F. Veleniho// Deliny Slovens-

ska, zv. 2(1526-1848). Bratislava, 1987, s. 163-174. Pauler Gy. Wesselényi Ferenc nádor és társainak összees kúvése. 1-2 k. Bp. 1876; Šišić F. Zavjera Petra Žrinskogo i Frane Frankopana- Brastvo, t. 16, Zagreb, 1921. Idem. Zavjera Žrinsko-Frankopanska. 1664-1671. Zagreb, 1926. Makkai L. Magyarorszag. s. 304-306.

3. Benczédi L. Rendiseg, abszolutizmus és centralizáció a 17 század védi Magyarországon. 1664-1685. Bp. 1980, s. 9-40, 140-150; Idem. Rendi szerveszkedés és kuruc mozgalom // Magyarorszag története, 3/2 (1526-1686). Bp. 1985. 1155-1181, 1823-1826 f.
4. A Magyar Történet Kútfőinek Kézikönyve // Szerk. Marczali H. Bp. 1902. 658. l.
6. Benczédi L. Rendiseg..., 143. l.
7. Pauler Gy. Wesselényi Ferenc... 98-102 l.
5. Benczédi L. Az 1670. évi tiszavidéki felkedés és társadalmi háttere // Századok. Bp. 1975. N 3-4, 509-5501.
8. Deák F. A bujdósok levéltára. Bp. 1883, 227-232 l.
9. Bereger J. Les "Gravamina". Remonstrances des diètes de 1655 a 1681. Paris. 1972.
10. Pauler Gy. Wesselényi Ferenc..., k. 1, 150-153, 193 l.
11. Ibidem, 213-219. 224-227 l.
12. Teleki Mihály kancellár levelezése // Szerk. Gergely S. Bp. 1908 k., 353-3591.
13. Pauler Gy. Wesselényi Ferenc..., 1 k. 236-238 l.
14. Ibidem, k. 1, 238-253 l; Trócsányi, Zs. Teleki Mihály (Erdély és a kurucmorgalom 1690-ig). Ep. 1972, 75-78 l.
15. Benizédi L. Rendiség..., 144 l.
16. Pauler Gy. Wesselényi Ferenc..., 1k., 313-328 l.
17. Benczédi L. Rendiség..., 145 l.
18. Renczédi L. Az 1670...
19. Ibidem. 514-515 l.
20. Benczédi L. Rendiség..., 147 l.
21. Benczédi L. Az 1670..., 545-547 l.

22. Lilek R.E. Karakteristik der kroatischen Verschwörer Petar Zrinski, Fr. Frankopan und der Katarins Zrinska im Lichte der historischen Wahrheit. Celje. 1928, S. 114.
23. Lilek R.E. Kritische Darstellung der ungarisch-Kroatischen Verschwörung. Celje. 1928. Bd. 1, S. 192.
24. Acta conjurationis Petri a Zrinia et Francisci de Frankopan, nec non Francisci. Nadasdy illustrantia. 1663-1671. E tabulariis gallicis desumpta redegit Bogišić V. Zagrabiae. 1888. p. 138-139, 173.
25. Acta conjurationem bani Petri a Zrinio, et comitis Fr. Frangepani illustrantia. 1665-1671// Ed. Pački Fr. Zagrabiae, 1873; Pauler Gy Wesselényi Ferenc... 1 k, 391-394 l.
26. Benczédi L. Az 1670... 528 l.
27. Benczédi L. Rendiség..., 34, 148 l.
28. Ibidem.
29. Acta conjurationem... ; Pauler G. Wesselényi Ferenc... Lilek R.E. Kritische Darstellung..., Idem. Karakteristik....
30. Benczédi L. Rendiség..., 36, 148 l.
31. О их взглядах см.: Ibidem, 37. 149 l.
32. Ibidem, 38, 149 l.
33. История Венгрии. Т. I. С. 325.

Л.В.ЗАБОРОВСКИЙ, Н.С.ЗАХАРЫНА

ИЗ ИСТОРИИ РУССКО-ПОЛЬСКИХ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ
КОНТАКТОВ: ПОСОЛЬСТВО Н.И.ОДОЕВСКОГО С
"ТОВАРЫЩИ" 1656 г. (ПОСОЛЬСКИЙ АРХИВ)

Организационная сторона русской дипломатической службы в XVII в. - одна из слабо изученных в нашей историографии проблем.¹ В данной связи представляется целесообразным проанализировать под этим углом зрения конкретный источниковый материал как по определенным хронологическим отрезком, так и по отдельным, наиболее полно обеспеченным сохранившимся документами русским посольствам, направляемым для переговоров с зарубежными дипломатами (а также по аналогичным контактам в Москве или в "посольском шатре" во время царских походов). К числу таких миссий с полным основанием можно отнести посольство во главе с ближним боярином князем Н.И.Одоевским, отправившееся 13 (23) июля 1656 г. из царской ставки в Полоцке для встречи с представительной делегацией от Речи Посполитой. Это был очень важный момент в политических отношениях двух стран, поскольку имелись в виду переговоры (при посредничестве императорских посланцев) по двум существеннейшим не только для них, но и в целом для будущего положения в регионе проблемам: урегулирование взаимных противоречий и заключение союза, главным образом антишведского.

По этой причине, а также из-за близости места переговоров (под Вильно) к царскому лагерю (русские армии двигались тогда в шведскую Прибалтику, а затем вели там боевые действия), с которым названное посольство поддерживало регулярнейшую переписку, оно довольно полно документировано, и имеющийся материал дает возможность аргументированно судить об уровне организации русской дипломатии в то время. В настоящей статье мы коснемся только одной стороны указанной темы, а именно вопроса о составе того большого архива, который везли с собой царские по-

слы, и его роли в предстоящих беседах с польско-литовскими комиссарами.

Это действительно был крупный комплекс документов разного типа: его распись за приписью знаменитого "канцлера" думного дьяка Алмаза Иванова² заняла около 15 двухсторонних листов в деле (см. прил.³). В Посольском приказе в него сочли необходимым включить 86 наименований (несколько - в двух экземплярах) рукописных и печатных книг, грамот, выписей и иных разновидностей документации, главным образом в списках, но частично и в подлинниках на русском, польском, украинском, немецком языках и по латыни, иногда с переводами или в переводах, частью без них. Многие из них являлись сборниками сложного состава, состоявшими в свою очередь из немалого количества разнородных документов. Таким была отправленная несколько позже вдогонку посольству не попавшая в распись "выписка в тетратах ис посольские книги" Г.Г.Пушкина с "товарыщи", "договорные статьи, как они договаривались с паны рада о нашем государском, имянованье, и о Лещенского и иных вооружских книгах, и о иных статьях".⁴ Таковы вообще все статейные списки русских посольств за рубеж, некоторые сборники, включавшие копии группы грамот и др.

Естественно, что среди документации количественно преобладали материалы прямых дипломатических двусторонних взаимоотношений между Россией и Речью Посполитой или относящиеся к ним. Они охватывали почти полуторастолетний период этих отношений от 1509 г. по 1656 г. Вполне очевидно, что далеко не все из богатого собрания свидетельств на данную тему, хранившихся тогда в архиве Посольского приказа, отправили к Н.И.Одоевскому. Был произведен достаточно строгий отбор, и именно потому итоги деятельности посольских дьяков в этом направлении позволяют полнее судить о политических целях, ставившихся перед назанной миссией, и системе аргументов и фактографии, которыми желали снабдить послов для достижения поставленных задач.

Хронологически открывает этот ряд всего два документа по XVI в., начиная с договорной грамоты 1509 г. Сигиз-

мунда I и Василия III о "вечном докончанье". Известно, что данное соглашение оказалось на деле недолгим перемирием⁵, поэтому возникает естественный вопрос, почему именно его выбрали на роль своеобразного зачина отосланной посольству серии договоров? Вероятно, потому, что в нем в рамках "вечного мира" было зафиксировано начало возвращения Русскому государству ряда потерянных в прошлом территорий (фактически, это было сделано еще при Иване III в 1503 г., но в форме перемирия) и придавало этому процессу статус давности, важный в 1656 г. для трудных переговоров по главной территориальной проблеме. Кроме того, в 1507 г. Василий III вел переговоры о своей кандидатуре на литовский великорусский престол. В 1656 г. эта тема тоже присутствовала (применительно ко всей Речи Посполитой). Не исключено, что список грамоты 1509 г. сопровождался какими-то пояснениями на сей счет, хотя прямые указания такого рода в источниках отсутствуют.

Второй документ XVI в., отправленный царскому посольству, – это перемирная грамота 1591 г. Федора Ивановича и Сигизмунда III, далеко не первая и не последняя среди достаточно длинного ряда русско-польских и русско-литовских актов подобного типа, вполне обычная для них и по содержанию.⁶ Конечно, она могла представляться важной посольским дьякам в 1656 г. как последнее соглашение между Россией и Речью Посполитой, исходившее от представителя предшествующей династии. Но, может быть, они учили и проходившие до его утверждения, в 1590 г., переговоры двух сторон о заключении широкомасштабного политического договора: в 1656 г. эта тема вновь стала весьма актуальной и т.о. для нее мог создаваться исторический фон.

Все остальные документы, высланные Н.И.Одоевскому – XVII века. Среди них можно выделить несколько крупных комплексов. Один относился к важнейшим дипломатическим переговорам первой половины столетия (вплоть до 50-х годов) и достигнутым тогда между Россией и Речью Посполитой соглашениям. Это прежде всего группа источников, подводившая определенный итог событиям Смутного времени во

взаимоотношениях двух государств: смоленские переговоры посольства во главе с боярином князем И.М.Воротынским 1615-1616 гг. (наказ и статейный список) и деулинские переговоры 1618-1619 гг. другой представительной миссии, возглавляемой боярином Ф.И.Шереметевым, кончая перемирием и его утверждением (посольский наказ, статейный список, договорные записи, а также, очевидно, статейные списки предшествующих посольств).

Еще основательнее была представлена документация за 1634-1635 гг., связанная с договорным завершением Смоленской войны, заключением и взаимным закреплением Поляновского "вечного мира". Здесь не только статейные списки двух главных русских посольств за эти годы (Ф.И. Шереметева и боярина князя А.М.Львова с "товарыщи"), но и материалы более мелких сопутствующих миссий с обеих сторон, а также договорные записи и "докончальные грамоты", в т.ч. "утвержденные" Михаила Федоровича и Владислава IV, важная грамота Владислава IV о "гетманском договоре", т.е. о соглашении группы московских бояр с коронным гетманом С.Жолкевским 1610 г.⁷ Вероятно, туда вошло и хорошо запомнившееся русским дипломатам, воспроизводившиеся ими позже высказывание коронного канцлера Я.Жадика во время переговоров 1634 г. о реальности в перспективе избрания царя на трон Речи Посполитой⁸ - в 1656 г. оно было очень к месту!

В целом, эта документация не только вооружала русских послов богатым запасом фактических данных о развитии двусторонних отношений в первой трети ХУП в., но и позволяла выяснить позиции и аргументацию сторон во время тогдашних переговоров, давая возможность показать, что неблагоприятное для России положение, сложившееся в Смуту и после нее, было явлением времененным, вызванным преходящими неблагоприятными обстоятельствами.

Следующий период русско-польских контактов, до начала войны между двумя державами, был представлен менее подробно, отдельными, но важными дипломатическими документами. Показательно, что по 40-м годам ХУП в. намеча-

лось использовать материалы, свидетельствовавшие о нормальном, даже дружественном характере их взаимоотношений. Например, об урегулировании вопроса о самозванце Я.Луое (1644-1646 гг.), вопроса существенного, если учесть всегдашнюю настороженность царского правительства в связи с подобными фактами. Или о заключении в 1646-1647 гг. между Россией и Речью Посполитой соглашения, направленного на координацию в случае необходимости действий против Крымского ханства. В 1656 г. какое-то решение крымской проблемы должно было стать одним из элементов русско-польских договоренностей, и обращение посольских дьяков именно к документам 1646-1647 гг. характерно для направленности политики царских дипломатов в этом секторе. Как проявление дружественности вполне можно было оценить и ответную грамоту патриарха Иосифа от 17(27) июля 1648 г. на письмо польских сенаторов с сообщением о смерти Владислава IV, в которой патриарх сообщил о желании царя сохранять мир. Ведь было хорошо известно, что в Речи Посполитой испытывали тогда немалые опасения насчет русских намерений после первых успехов восстания на Украине. Сходно могла интерпретироваться и грамота, посланная с гонцом Г.Кунаковым к сенаторам (начало 1649 г.).

Вместе с тем, послам отправили ряд документов русско-польских дипломатических отношений времени правления Владислава IV и Яна Казимира на тему о нарушении в разных формах "вечного мира" со стороны властей Речи Посполитой, в частности об оскорблении царской части, выражавшемся более всего в применении неподобающей титулaturы. Материал этот неоднократно использовался царскими дипломатами в двусторонних переговорах, фигурировал он и на Земских соборах 1651 и 1653 гг., обсуждавших отношения с Польско-Литовским государством и возможность войны с ним.⁹ Н.И.Одоевскому с "товарищи" выслали далеко не все источники такого рода, а лишь наиболее заметные.

Открывает эту группу "ответное письмо" сенаторов "великому посольству" во главе с А.М.Львовим 1644 г., в

котором давались определенные гарантии наказания виновных в "прописках" царской титулатуры. К той же тематике относилась в некоторой мере документация "великого посольства" 1650 г., возглавляемого боярином Г.Г.Пушкиным: уже отмеченные "договорные статьи" о титулах царя, "воровских книгах" (см. далее) и по другим вопросам, в конечном итоге согласованным тогда в Варшаве; "выписка из посольской книги", т.е. статейный список, возможно, и наказы, и др.; "подтвержденная грамота" Алексея Михайловича к Поляновский договор.

Сюда же можно причислить материалы двух миссий 1652 г.: А.О.Прончищева с "товарищи", ездивших на первый варшавский сейм этого года с "прописными листами" (грамота Яна Казимира и ответное письмо сенаторов царским посланникам, в которых содержалось изложение решения сеймового суда о наказании виновных в нарушении царской титулатуры и развивалась аргументация польско-литовской стороны по этой проблеме двусторонних отношений), и ответного посольства в Москву А.Пенцлавского и К.Униковского. В "книге приезда и отпуска" последних, отправленной Н.И.Одоевскому в 1656 г., фиксируются все документы по пребыванию их в русской столице и переговорам с представительной делегацией бояр (Б.А.Репнин, Г.Г.Пушкин, П.Ф.Соковнин) и посольских дьяков, главным образом по той же проблеме взаимных нарушений титулатуры в переписке, как и о безуспешной попытке посланцев вручить боярам сеймовый декрет на эту тему и т.о. хотя бы на время закрыть ее.

Сходную направленность имели и материалы последнего предвоенного "великого и полномочного посольства" в Речь Посполитую во главе с князем Б.А.Репнином-Оболенским 1653 г.: статейный список и ответное письмо сенаторов послам, в которых подробно излагался ход бесплодных переговоров во Львове, где тогда находился Ян Казимир, прежде всего по вопросу о титулатуре, а также о некоторых других проблемах двусторонних взаимоотношений. Какую важность придавали в Москве итогам этих обсуждений видно

хотя бы из того, что их довольно подробное резюме вошло в решение Земского собора от I(II) октября 1653 г. о войне с Польско-Литовским государством¹⁰. К этой же группе следует отнести необычную для русско-польских отношений тех лет привезенную гонцом В.Пузилевичем грамоту сената Речи Посполитой царской боярской думе 1654 г. с обвинениями в разрыве "вечного мира" и с сообщением о возобновлении в связи с этим прав Владислава IV на русский престол, переходящих к Яну Казимиру. Эта грамота была интерпретирована в Москве как оскорбление величества и еще одно нарушение Поляновского договора и, очевидно, в качестве такого свидетельства намечалась к использованию в 1656 г.

Как уже отмечено, во всех документах переговоров между Россией и Речью Посполитой за десятилетие 1644-1653 гг., высланных в 1656 г. Н.И.Одоевскому с "товарищи", рассматривались и другие темы, интересовавшие обе стороны. В комплексе они давали царским послам достаточное представление об основных проблемах русско-польских отношений и в это время, о тогдашней политике и позициях двух держав и выдвигавшихся их дипломатами предложениях по урегулированию взаимных противоречий. В частности, существенное место в этих источниках занял территориальный вопрос, т.е. попытки русской стороны использовать резкое ухудшение положения Речи Посполитой в ходе освободительной войны украинского народа и методами дипломатического давления, без применения силы вернуть потерянные в Смуту земли (посольства Г.Г.Пушкина и А.О.Пронинцева).

Еще большее внимание уделялось в названных документах русско-польских взаимоотношений украинской проблеме. Впервые в переговорах с польской стороной позиция царской дипломатии на сей счет была сформулирована во время пребывания в Москве "великого посольства" во главе со С.Витовским и Ф.К.Обуховичем, которое предложило двусторонний военный союз против Крымского ханства, но прежде всего против восставшей Украины, пытаясь дискре-

дитировать Б.Хмельницкого информацией о его опасных с точки зрения интересов обоих государств связях с ханом и Портой. Именно тогда русские политики со ссылкой на украинского гетмана дали свою оценку событий на Украине, как вызванных религиозным и национальным угнетением со стороны польских феодалов, и предложили идею посредничества царя в деле ликвидации конфликта. В переданных в 1656 г. русским послам источниках об этих переговорах ("ответном письме" Н.И.Одоевского и Г.Г.Пушкина с "товарищи" послам Речи Посполитой и "выписке о делах, что говорили") вся указанная тематика нашла основательное отражение.

Разные аспекты украинского вопроса в рамках русско-польских отношений, включая и повторные предложения царского посредничества, рассматривались и во время посольств А.О.Прончищева, А.Пенцлавского, Б.А.Репнина, а отказ правительства Речи Посполитой принять эту идею был оценен на Земском соборе в октябре 1653 г. как *одно из оснований для войны*.¹¹

Значительную часть посольского архива 1656 г. составила документация, призванная представить официальную точку зрения царской дипломатии о "причинах" прекращения "вечного мира" России с Речью Посполитой и возникновения конфликта между ними. Какую важность придавали в Москве этой стороне дела видно из того, что она освещалась не только в отмеченных ранее источниках о двусторонних переговорах, но и в целой группе документов, специально посвященных данной теме. Они неоднократно использовались и в предшествующее время, в т.ч. в обобщенном виде на Земских соборах 1651 и 1653 гг., а также на международной арене. Русским политикам было важно добиться широкого признания своей трактовки "причин" войны, поскольку успех создавал хорошую основу для обеспечения благоприятных внешнеполитических условий конфликта.

Подобная цель оставалась немаловажной и в 1656 г., хотя бы из-за императорского посредничества в намеченных русско-польских переговорах. Но еще существенное было

обеспечить даже частичное согласие дипломатов Речи Посполитой с обоснованностью этих "причин" ибо тогда легче становилось настаивать на желательном русской стороне решении территориального и иных вопросов.

Среди названных документов часть предназначалась для доказательства все того же тезиса о многолетнем нарушении польско-литовской стороной "государевой чести", прежде всего в неправильном титуловании, а также уничижительных высказываний применительно к царям, патриарху Филарету, Русскому государству и его жителям. С этой целью вели в первую очередь несколько книг, приобретенных раньше в Речи Посполитой гонцом Г.Кунаковым (1649 г.) и послом Г.Г.Пушкиным (1650 г.)¹², возможно, и другими царскими посланцами. Это "Хроника" епископа П.Пясецкого в одном из краковских изданий (*Chronica gestorum in Europa singulatum*, 1646. Первое издание - Kraków, 1645); три работы, посвященные истории правления Владислава IV, скорее панегирики, в том числе подготовленные как отклики на смерть короля: Э.Вассенберга (E.Wassenberg. *Gestorum... Vladislai IV... Gedani*, 1643. Изд. 2-е), известного поэта и историка С.Твардовского (очевидно, имеется в виду его публикация "*Władysław IV król polski i szwedzki. Leszno*", 1649, хотя в "росписи" указана дата 1648), издателя и журналиста Я.Горчина (J.A.Gorczyn. *Pamięć o cnotach, szcześciu, dzielności... Władysława IV. Kraków. 1648*). Очевидно "выписка из польской печатной тетради..." о Владиславе - это экстракт из книжки Я.Горчина, а "перевед польской печатной тетради..." 1649 - работа С.Твардовского.

Отдельно было составлено несколько расписей и выписей, в которых поды托или высказывания оскорбительного характера и нарушения царской титулатуры после Поляновского договора 1634 г., собранные из разных источников "выписки злые слова", расписи "перечневая прописных листов", "грамотам и листам", "прописным листом... в прошлых годех и во 1644-м году" (т.е. в 1646 г.), "прописным листам из литовских книг", т.е. из статейных списков

русских посольств в Речь Посполитую и составлявшихся в Посольском приказе книг "приезда" королевских посланцев.

Столь же основательно раскрывалась в отосланных Н.И.Одоевскому с "товарыщи" материалах украинская проблема, причем с разных сторон, дополняя то, что на данную тему содержалось в источниках по русско-польским переговорам (см. выше). Прежде всего это были некоторые документы польско-украинских отношений времени освободительной войны: недатированное "постановление" Речи Посполитой и Войска Запорожского - очевидно, имеется в виду либо Переяславское соглашение 14(24) февраля 1649 г.¹³ либо Белоперковский договор 1651 г.; текст Зборовского договора 1649 г.; универсаль Яна Казимира и гетманов Войску Запорожскому от начала июня 1654 г. Сюда же фактически относятся печатная конституция коронационного сейма 1649 г. о присяге короля и выписка о том же. В ней содержалось очень важное с точки зрения царских дипломатов обязательство Яна Казимира поддерживать равенство между разными христианскими церквями в Речи Посполитой, нарушение этого положения освобождало его подданных от обязанности верности. Таким нарушением и объяснялся выход Украины из состава Речи Посполитой на Земском соборе 1653 г.¹⁴ и в дипломатической практике.

Вторую группу источников по украинскому вопросу, направленных Н.И.Одоевскому, составляли материалы взаимоотношений между Россией и Украиной. Как и во всех других случаях среди них был произведен строгий отбор, в результате которого выделили лишь малую их толику, которую сочли в 1656 г. необходимейшей. Это списки царских грамот, посланных Б.Хмельницкому в предшествующие годы, а также два документа за 1653 г. Первый - "список с белорусского письма" (имеется в виду текст написанный по-украински), привезенного в Москву русскими посланниками к украинскому гетману Я.Н.Лихаревым и подьячим И.Фоминым (март-апрель). Данное посольство имело целью сообщить о скорой отправке к Яну Казимиру миссии во главе с Б.А.Репиным с предложением о заключении мира меж-

ду Речью Посполитой и Украиной при царском посредничестве, а также выяснить желательные Б.Хмельницкому условия проектируемого соглашения. Соответствующий документ и был получен в виде названного письма.¹⁵

Второй – "разговоры" украинских посланников К.Д.Бурля и С.А.Мужиловского в Посольском приказе (май) о положении на тот момент Украины, состоянии и перспективах ее отношений с Речью Посполитой и на другие темы.¹⁶ Кроме того, было взята распись украинских полков с указанием относящихся к ним городов и т.п., которая кроме справок могла понадобиться и при определении границ.

В одной из дополнительных заметок к анализируемому нами документу отмечено, что посольству Н.И.Одоевского с "товарищи" необходимо также забрать с собой "лист" Б.Хмельницкого царю "о неправдах прельского короля". Очевидно, имеется в виду одно из писем от 7(17) или 12(22) июня 1656 г. (получены в июле), в которых сообщалось о дипломатической активности политиков Речи Посполитой во вред интересам России и Украины.¹⁷

Наконец, позже, 13(23) сентября 1656 г., в связи с отправкой украинских представителей для участия в переговорах с польско-литовской делегацией, миссии во главе с Н.И.Одоевским выслали из царского лагеря под Ригой грамоту с илложением относящихся к Украине условий будущего договора, присланных Б.Хмельницкому.¹⁸

Все это частично использовалось и в довоенных русско-польских дипломатических контактах, и на Земском соборе 1653 г. В 1656 г. данный материал был существен своей фактической, информационной стороной, в частности по немаловажному вопросу о границах. Но основная роль, которая предназначалась этим документам, была иной: не приходилось сомневаться, что комиссары Речи Посполитой стали трактовать связи царского правительства с Украиной и тем более переход ее под русскую власть как бесспорное свидетельство нарушения Россией условий "вечного мира". Тем важнее было обосновывать контраргументы и постараться доказать, что и в этом пункте причиной войны стала политика

господствующих кругов Речи Посполитой. Такой цели и служила отобранная документация, причем с двух точек зрения: демонстрируя лояльную по отношению к Польско-Литовскому государству позицию русской стороны в украинском вопросе на протяжении ряда лет, а с другой стороны – длительное нарушение его властями прав Украины.

Тем же обвинительным целям в показе причин русско-польского конфликта служил еще один документ, отосланный Н.И.Одоевскому: список грамоты крымского хана Ислам Герая канцлеру великому коронному Е.Оссолиньскому, доставленный в Варшаву посольством В.Бечиньского (сентябрь – октябрь 1650 г.), в связи с переговорами о совместных действиях в случае возникновения русско-польской войны (такие опасения возникли в польской столице из-за очень жесткой первоначально позиции миссии во главе с Г.Г.Пушкиным). Привезенный в Москву в начале 1651 г. посольством С.Витовского и Ф.К.Обуховича среди прочих дипломатических актов этот документ был любопытным образом, хотя и не без оснований, обращен против польской стороны как свидетельство ее антирусских контактов с "басурманами" в нарушение "вечного мира".

Кроме уже отмеченных, а также входивших составной частью в иные источники среди разбираемых материалов находились и документы, специально или в какой-то мере посвященные двум первостепенного значения темам предстоящих переговоров. Первая – это проблема избрания в перспективе царя или его сына королем Речи Посполитой. Сюда относится выписка из польских сеймовых конституций за столетие, 1550–1649 гг., от Сигизмунда Августа до Яна Казимира, об ограничительных обязательствах королей (и как великих князей Литовских) и их присяге.¹⁹ К данной группе примыкают и указанные в дополнительной помете грамоты польских сенаторов князю Трансильвании Дьёрдю Ракоци II о возможном выборе его на польско-литовский трон (осень 1655 – начало 1656 г.).

Вторая – территориальный вопрос. Очевидно, для освещения его предназначались частично источники по рус-

ско-шведским отношениям: выписка из Тявзинского 1595 г. и Столбовского 1617 г. договоров, материалы посольства окольничего князя Д.И.Мезецкого с "товарыщи" по переговорам с представителями Густава-Адольфа в 1615-1617 гг. Они должны были послужить обоснованию в 1656 г. требования царской дипломатии о выгодном для России урегулировании в Прибалтике. Судьбы иной территории, а именно Великого княжества Литовского, касались главные документы русско-литовских переговоров лета 1655-1656 г., отобранные посольскими дьяками для Н.И.Одоевского.

По 1655 г. это письмо группы литовских духовных и светских магнатов и военных во главе с Я.Радзивиллом, В.Госевским и Г.Тышкевичем боярам от 5 августа во время виленского похода;²⁰ статейный список посольства стольника Ф.М.Ртищева Большого к гетману польскому литовскому В.Госевскому и группировке при нем (сентябрь - ноябрь); письмо гетмана великого литовского П.Сапеги и сенаторов при нем царю (либо второе - к боярам) от 10 октября с посланником подстольем гродненским С.Гляденицким (s.k.Hladowicki в подлинном тексте);²¹ жалованная царская грамота старосте ошмянскому А.Саковичу и шляхте при нем от 3 ноября²²; отписка боярина князя С.А.Урусова от 17 (27) ноября в ходе действий под Брестом.²³ По 1656 г.: "речь из наказа" от 10(20) марта посланнику стольнику З.Леонтьеву, ездившему к воеводе троцкому Н.Пацу в связи с переговорами о его возможном переходе в царское подданство и наборе гусарского полка;²⁴ список с царской грамоты гетману великому литовскому П.Сапеге и находящемуся под его командованием войску, направленной с ротмистром Н.Сухтицким 13 мая.²⁵ Все эти документы имели отношение не только к вопросу о принадлежности Великого княжества Литовского, во время соответствующих переговоров постепенно вырабатывались позиции сторон по проблемам дальнейших взаимоотношений России и Речи Посполитой, обсуждались вероятные условия соглашения между ними, что было чрезвычайно для посольства Н.И.Одоевского.

Последний комплекс вопросов в еще большей мере стал предметом официальных дипломатических контактов двух держав в подготовительной фазе к виленским съездам (с начала 1656 г.), поэтому важнейшие из относящихся к этой теме материалов также препроводили Н.И.Одоевскому. Это грамоты царя - Яну Казимиру и бояр-сенаторам от 3 мая, отправленные с посланником маршалом оршанским П.Галинским (и царская грамота королю от той же даты, высланная с гонцем поручиком Ф.Т.Зыковым); "разговоры" посланца, т.е. записи обсуждения им двусторонних отношений и других политических вопросов с русскими делегатами окольничим Б.М.Хитрово и думным дьяком А.Ивановым; кроме того, поданые представителем Речи Посполитой "статьи" и "письмо" об условиях мира и прекращения военных действий (аппель - начало мая 1656 г.)²⁶

При рассмотрении выделенной в Посольском приказе для миссии Н.И.Одоевского документации обращает на себя внимание присутствие в ней ряда специальных источников о текущей политике Швеции (сверх отмеченных ранее), причем освещающих ее с нескольких точек зрения. Во-первых, состояние русско-шведских отношений в тот момент. Здесь прежде всего "выписка о неправде своего короля", т.е. подборка обвинительного материала о нарушениях "вечного мира" шведской стороной, которые в трактовке царских дипломатов послужили причиной войны между двумя государствами. Сюда же относятся грамоты Карла X Густава "к запорожским казакам, перезывая их к себе, 164-го году" и к наказному гетману, полковнику нежинскому И.Н.Золотаренко. Очевидно, имеются в виду грамоты Б.Хмельницкому и И.Н.Золотаренко от конца ноября 1655 г., фигурировавшие и в русско-шведских переговорах в марте 1656 г., причем с тем же самым обвинительным уклоном.²⁷

К этой группе следует причислить также "лист" шведского полковника, командовавшего в тот момент королевским отрядом в воеводстве Новогрудском А.Воллакса от конца 1655 г. и, вероятно, инструкцию и список с письма наместника Лифляндии графа М.Г. де ла Гарди "за рукой" А.Вол-

лакса. Трудно сказать, какой конкретно документ из довольно многочисленных писем и грамот этого полковника, направленных тогда русским военным властям и жителям ближайших поветов, имеется в виду. Что касается "листа" М. де ла Гарди, то, возможно, речь идет об "оберегательном листе" наместника Я. и Б. Радзиниллам на их владения от 6 (16) ноября 1655 г., действительно подписанного и А. Воллаксом.²⁸ В любом случае все это направлялось Н.И. Одоевскому в тех же обвинительных целях как свидетельство шведских претензий на районы, уже находившиеся под русским контролем.

Во-вторых, несколько актов было посвящено взаимоотношениям Швеции с Речью Посполитой в целом, а также с Великим княжеством Литовским. Это "перевод с немецкой печатной тетрати, за что учинилась война у скандинавского короля с польским королем 1655-го году". Из названия неясно, имеется ли в виду одно из довольно многочисленных изданий манифеста Карла X с объяснением причин войны между двумя державами или что-то иное. Но если принять во внимание, что в архиве Посольского приказа сохранилось очень известное в годы первой Северной войны немецкое издание от этого года, озаглавленное здесь "Копия с печати го письма под именем Кириака Тразимаха, писанного к его приятелю Андрею Никанору, о принятых шведским королем справедливых причинах к начатию войны против поляков", то можно предположить, что именно его выслали Н.И. Одоевскому. Эта публикация стала началом довольно длительной полемики между Г. Коннингом, А. Никанором и другими политологами того времени об обоснованности шведского вторжения в Речь Посполитую.²⁹

Шведско-литовские документы связаны с заключением Кейданского соглашения 1656 г. и с функционированием в данном районе шведской военной администрации. Очевидно, "перевод с польского письма, что писал к литовцам М. Де-лагарди" – это обращение наместника к литовцам тотчас по прибытии в Ригу с предложением протекции короля и помощи.³⁰ Затем следуют "Статьи Я. Радзивилла с королем

свейским уговариванные именем всего княжества Литовского, о чём король его милость/польский - Л.З./ и Речь Посполитая не ведали". Имеется в виду копия предложенного литовской стороной на утверждение наместнику текста соглашения (от 17 августа), привезенная в Москву П.Галинским в апреле 1656 г. Впрочем, уже в конце 1655 г. там располагали и окончательным текстом договора (от 20 октября).³¹ Наконец, последнее - "выписка из польских листов граф Магнуса" - это копии и отрывки из многочисленных универсалов, рассыпаемых тогда М. де ла Гарди в Литве и Белоруссии, в т.ч. в районы, которые царские власти считали находящимися под их контролем.

Оценивая в целом всю эту документацию, следует сказать, что она явно была нацелена на доказательство нарушения Карлом X договоров и с Россией, и с Речью Посполитой, а отсюда и демонстрацию общих политических интересов в этом пункте, желательности антишведского союза.

Интересно было бы определить, какая роль предназначалась еще одному источнику, внешне лишь косвенно относящемуся к тогдашней истории Швеции, а именно письму римского папы Александра VII бывшей шведской королеве Кристине (от 10 октября 1655 г.) вполне безобидного по содержанию.³² Не исключено, что в Посольском приказе располагали какой-то информацией о действительно возникавших планах использовать дочь Густава-Адольфа для воздействия на Карла X или даже в качестве противовеса ему.

Часть посланных Н.И.Одоевскому с "товарищи" материалов была связана с посреднической ролью императора в ликвидации конфликта между Россией и Речью Посполитой и в частности в организации Виленских переговоров, а также вообще с отношениями между московским и венским дворами. Это "выписка из посольств цесарских", т.е. из документов, относящихся к обмену миссиями двух держав. Это и несколько грамот, прямо связанных с посредническими усилиями Фердинанда Ш: от императора к царю с посланниками И.И.Баклановским и дьяком И.Михайловым от 4(14) ноября 1654 г.; "опасная грамота" польским комиссарам на сво-

бодный проезд для участия в переговорах с царскими послами от 6(16) января 1656 г., переданная императору гонцом подьячим Г.К.Богдановым; от царя к императору с послами Аллегретто де Аллегретти и И.Т. фон Лорбахом после предварительного завершения переговоров с ними (17 мая 1656 г.); дополнительная верительная грамота Фердинанда Ш тем же послам для участия в Виленских съездах от 25 июля 1656 г.³³

Для царского посольства в Вильно в Посольском приказе отобрали также два документа об отношениях с Молдавским княжеством: "Разговор молдавских посланников митрополита и логофета о государевых делах" и "челобитье волоцких посланников". Речь идет о материалах посольства от господаря Георгия Штефана во главе с сучавским митрополитом Гедеоном и боярином вторым логофетом Г.Нянулом об условиях перехода княжества в русское подданство³⁴, конкретно в данном случае, вероятно, об актах по май 1656 г., в т.ч. о крымско-польских контактах антирусского характера.

Некоторые из высланных Н.И.Одоевскому материалов были необходимы для текущей деятельности царской миссии. Это "выписка в доклад, как посланы на съезд с польскими великими послы бояря", т.е. обычная в русской дипломатической практике сводка прецедентов об организации более ранних "великих посольств". Такой же характер имели "Книга описание государств и как... титла описуют..." и "Книга о наместничестве", а именно по-преимуществу титулярник и наместнический титулярник (записи наместнических титулов послов по предшествующим русским миссиям в Речи Посполитой). И, наконец, трехязычный латинско-немецко-польский словарь издания 1642 г.

Подытоживая все изложенное, отметим, что дьяки Посольского приказа проделали очень значительную работу по отбору и в немалой мере копированию документальной базы для посольства, возглавляемого Н.И.Одоевским. Из своего архива послы имели возможность переписать данные по большому кругу вопросов, которые могли и должны были

возникать в ходе переговоров с комиссарами Речи Посполитой. Обращение к статейному списку посольства ясно свидетельствует, что материалы эти не остались лежать втуне, они активно использовались в весьма сложных, порою очень острый дискуссиях с польско-литовскими послами и императорскими посредниками. В таких спорах аргументация русской стороны получала обоснование в с истории вопроса, хотя, само собой разумеется, оставалась тенденциозной, как, впрочем, и противоположная.

Можем констатировать, что в Москве с основанием наметили и выделили те главные проблемы, которые интересовали обе стороны, а именно территориальную, шведскую, украинскую и вопрос об избрании царя, и постарались снабдить своих послов документацией для обоснования их позиции по названным темам. Действительно, эти проблемы, кроме последней, оказались важнейшими и для польско-литовских дипломатов. Иной вопрос, насколько достижимыми оказались цели, поставленные перед царской миссией. Документация для нее подбиралась, очевидно, с оглядкой на "наказы" посольству. Это и не удивительно, если учесть, что в обоих случаях активную роль играл, например, А.Иванов. Но сходны и минусы: и в наказах, и в документах слишком большое место занял обвинительный аспект; проблема избрания в перспективе царя или его сына в короли Речи Посполитой была явно недостаточно продумана, обоснована и детализирована.

Так или иначе, посольский архив был подобран неплохо, свою роль в переговорах сыграл, а успех их определял не его состав и даже не аргументация сторон, а реальная политическая и военная обстановка лета - осени 1656 г.

1. Санин Г.А. Советская историография внешней политики России в XVII в. // Итоги и задачи изучения внешней политики России: Советская историография. М., 1981. С. 92, 122.

2. Центральный государственный архив древних актов (ЦГДА). Ф. 79. Сношения России с Польшей. Кн. 87. Л.

- I06-I06об.
3. Там же. Л. I08-I22, I24.
4. Там же. Л. I98об.-I99об.; Д. 21а. Л. I6I-I6Iоб.
5. См. об этих вопросах: Базилевич К.В. Внешняя политика Русского централизованного государства: Вторая половина XV в. М., 1952. С. 517-522; Лурье Я.С. Внешняя политика и международное положение Русского государства// Очерки истории СССР: Период феодализма. Конец XV в. - начало XVI в. М., 1955. С. I5I-I52; Флоря Б.Н. Древнерусские традиции и борьба восточнославянских народов за воссоединение // В.Т.Пашута, Б.Н.Флоря, А.Л.Хоротьевич. Древнерусское наследие и исторические судьбы восточного славянства. М., 1982. С. I72-I73.
6. См. на эту тему: Флоря Б.Н. Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XVI - начале XVII в. М., 1978. С. 238-245.
7. Об этом соглашении (точнее, двух) см.: Там же. С.274-28I. В I635 г. и позже речь шла о передаче русской стороне его подданныка.
8. Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России. СПб., I86I. Т. 3. С. 362-369.
9. Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы в трех томах. М., 1953. Т. III. С. 7-II, 406-4I4.
10. Там же. С. 409-4I2.
- II. Там же. С. 4I0-4I4.
12. См., в частности: Акты... Т. III. С. 436-444.
13. См.: Документы Богдана Хмельницкого. Київ. I96I. С. I03-I07.
14. Воссоединение... Т. III. С. 4I2, 4I4.
15. Там же. С. 304-305.
16. Там же. С. 262-266, 277-279, 28I-285.
17. Документы... С. 496-503, 522-523 (датировка в публикации неверна, письмо бесспорно относится к 22 июня).
18. ЦГАДА. Ф. 27. Приказ тайных дел. Д. II0. Л. 38-46; Ф. 79. Кн. 87. Л. I78об.-I87; I656 г. Д. 26. Л. 25-32; Документы... С. 500-503, 518-522, 523-524.
19. См.: ЦГАДА. Ф. 79. Кн. 88. Л. 44-46, 47-49, 225-

- 23I об.; I656 г. Д. 28. Л. 232-235.
20. Там же. I655 г. Д. I0. Л. 34-39.
21. Там же. Л. 284-295.
22. Там же. Л. I8I-I85об.
23. Там же. I655 г. Д. I. Л. 33-49.
24. Там же. I656 г. Д. 9.
25. Там же. Д. I0; Ф. 27. Д. 86. Ч. 4. Л. I7-22.
26. Там же. Ф. 79. Кн. 86; I656 г. Д. I3.
27. Там же. Ф. 96. Сношения России со Швецией. I655 г. Д. II. Л. I-8; I656 г. Д. 2. Л. I2-I4; Д. 4. Л. I79.
28. Там же. I655 г. Д. 5. Л. I2-I4; Ф. 79. I655 г. Д. 4. Л. 40-4I, II5, II8, I29-I33, I4I-I43.
29. Там же. Ф. 96. I655 г. Д. I2. Л. I-24об.; Polska w okresie drugiej wojny północnej I655-I660. Т.III. Bibliografia. Warszawa 1957, № I33-I34, 229-23I, 264, 294, 3I2, 342-346, 483, I097.
30. Konopczyński W., Lepszy K. Akta ugody Kiejdańskiej I655 roku // Ateneum Wileński. Rocznik X. I935. S. I74-I75.
32. ЦГАДА. Ф. 96. I655 г. Д. I0. Л. I-8.
33. Там же. Ф. 79. Кн. 88. Л. 526об.-530об.; I656 г. Д. 25. Л. 3I-34; Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Т. Ш. СПб., I854, стб. I82-I87, 535-550.
34. Исторические связи народов СССР и Румынии. Документы и материалы в трех томах. Т. II. М., I968. С. 270-278, 286-293, 296-297, 39I-395.
- 3I. ЦГАДА. Ф. 79. Кн. 86. Л. 7I-8I об., I655г.Д. I3.Л. I-I8; Konopczynski W., Lepszy K. Akta... S. I87-I92.

/Приложение/

л.108

Роспись, что послано на посолской полской съезд с великими послы з боярином со князем Никитой Ивановичем Одоевским с товарищи ис Посолского приказу.

Книга Литовская, как были на съезде под Смоленском государевы большие послы бояря князь Иван Михайлович Воротынский с товарищи 123-го году

Посольство с свейскими послы оконничего князя Данила Ивановича Мезетцкого с товарищи 124-го году

л.108 об. Наказ государевых великих послов боярина и наместника Казанского князя Ивана Михайловича Воротынского 123 -го году.

Книга литовская, а в ней съезды государевых послов бояр Федора Ивановича Шереметева с товарищи, как они съезжалис с литовскими послы под Троицким Сергиевым монастырем и чинили перемирие на 14 лет и на 6 месец 127-го году.

Списки з договорных записей государевых и литовских послов, как съезжалис // во 127 -м году

Книги, а в них писан посолской наказ, каков дан ис Посолского приказу послом боярину Федору Ивановичю Шереметеву с товарищи во 127-м году, и статейные списки, каковы присланы к Троице в Сергиев монастырь.

Книга литовская, как съезжалис государевы великие послы боярин Федор Иванович Шереметев с товарищи с польскими и литовскими послы и учинили вечное докончание в прошлом во 142-м году.

л.109 об. Список с договорные записи государевых послов боярина Федора Ивановича Шереметева с товарищи, какову дали литовским послом во 142-м году.

Книга, а в ней писан отпуск в литву для закрепления вечного докончанья государевых великих послов боярина князя Алексея Михайловича Лвова с товарищи и приезд их из Литвы, и иные отпуски и приезды 142-го году.

Статейной список боярина князя Бориса Александровича

- л. II 10 Репнина с товарыши // 162-го году.
Конституции полская, почавши от короля Жигимонта Августа лета 1550 го до Яна Казимра короля лета 1649-го году.
- Книга полская на похвалу Владислава короля, писана от Самойла Твардовского лета 1648 го году.
- Книга латынская ироника Павла Пяшицкого епископа премиславского лета 1646го году.
- л. II 10 об. Книга полская вспоминане добродетелей, счастья или храбрства и мужества короля полского Владислава четвертого, писана от Яна Горчина лета 1648-го году.
- Книга латынская о делах славных Владислава короля, писана от Иверда Вассенбергуша 1643-го году.
- Книга трех языков, латынская, немецкая и полская лета 1642-го году дикционар.
- Перевод с полской печатной тетради, какову привез с собой из Литвы дьяк Григорий Кунаков 157 -го году.
- л. III. Список з грамоты от Ислям Гирея хана крымского через пана Бечинского 1650-го до канцлера.
- Список з государевы докончальные грамоты, на которой государь крест целовал полскому Владиславу королю при послех при Александре Песочинском каштеляне каменецком да при Казимере Сапеге, да при Петре Бялевиче 143-го году.
- л. III об. Список з докончальные грамоты Жиги//мента короля полского с великим князем Васильем Ивановичем о вечном докончане 7017-го году.
- Список с перемирные грамоты блаженные памяти государя, царя и великого князя Федора Ивановича всеа Руси самодержца с полским Жигимонтом королем 99-го году.
- Список с королевские грамоты о гетманском договоре, на которой грамоте Владислав корол полской и великий князь
- л. II 12 Литовский царского величества при великих // послех при боярине и наместнике Суздалском при князе Алексее Михайловиче Лвове с товарыши крест целовал во 143 -м году.

Список с королевские грамоты, какову привезли государевы великие послы боярин Василий Иванович Стрешнев во 154-м году в Лубе.

Список с королевские грамоты, что писал ко государю Ян Казимер корол полский с посланники с Одонасаем Прончищевым да з дьяком с Алмазем Ивановним^x во 160-м году.

Список с подтвержденные грамоты, какова была послана в л. II2 об. Штву с великими // послы з боярином и оружейничим з Григорем Гавриловичем Пушкиным с товарыши во 158-м году.

Выписка ис полской печатной тетрати в которой начечатано о житии и о счастье полского Владислава короля с похвалами.

Список с листа постановеня Речи Посполитой и Войска Запорожского.

Перевод с белорусского писма с статей, как мир учинилсн у короля с запорожскими казаки под Зборовым.

л. II3.Перевод с немецкой печатной тетрати//, за что учинилась война у короля свейского с полским королем.

Список с ответного з белорусского писма, каково дали государевым великим послом боярину князю Алексею Михайловичу Левову с товарыши в Варшаве паны ради Коруны Полские и Великого княжества Литовского 1644-го году.

Ответное писмо боярина князь Никиты Ивановича Адоевского да боярина ж и оружейничего Григория Гавриловича Пушкина с товарыши, каково дано полского короля великим и полномочным послом Станиславу Витовскому каштеляну Сендормирскому с товарыши.

Список с ответного писма, каково дано государевым //

л. II3 об. великим и полномочным послом боярину князю Борису Александровичу Репину с товарыши и полского короля панов ради и врадников Владислава маркграфа на Миросье Мышковского воеводы Сендормирского с товарыши.

^x Исправлено, видимо, было начало слова "Ивановичем"

Роспис перечневая, от ково имянем прописные листы и в котором году писаны.

Роспис королевским грамотам, каковы присыпал ко государю Владислав корол полской, также и порубежных его, королевских, городов воевод, и каштелянов, и старост, и державцов листом, каковы писали они в царского величества сторону после вечного докончанья, а в тех //

л. II4 королевских грамотах и порубежных людей в ссыпочных листех писано царского величества в именование и в титлах несправчиво, а в королевском титле с прибавкою мимо вечного докончания.

А какая в которой королевской грамоте или в ссыпочных листех прописка, и то писано в той росписи подлинно.

Роспис прописным листом, что писали из литовских порубежных городов старости, и капитаны, и державцы, и вся л. II4 об. кие приказные люди в царского величества города и воеводам в прошлых годах и во 154-м году. А в тех листех в царского величества именование писано несправчиво, а в иных же по пригожу, а королевского величества в именование и в титлах приписано лишнее.

Списки з запорожских грамот, каковы посланы от государя к Хмельницкому в разных годах.

л. II5 Статейной список Федора Михайловича Ртищева и перевод с полского писма, каковы писали к государю Навел Сапега и сенатори с Самойлом Глядовицким. Тут же перевод с полского писма, каковы писали к боярину и воеводам ко князю Икову Куденетовичу Черкасскому с товарищи из Вилны бискуп Юрья Тишкевичъ, и гетманы, и все рыцерство. Да отписка боярина княз Семена Андреевича Урусова, как пошли з государевыми ратными людми ис Ковны к Бресте.

л. II5 об. Список с жалованые грамоты, какова дана старосте отмянскому Адаму Саковичу и всем уроженой шляхте. Разговоры полского посланника Петра Галинского. В ящике дел. Выписка из посолств цесарских.

Роспис прошисным листом из литовских книг.

Выписки здые слова.

л. II6
Роспис сколько в государевых черкасских полках городов, и городков, и мест, и местечек, и слобод порознь.

Уневерсалы королевские и гетманские 162-го году в июне месяце.

Лист Воляксов, что он пишетца государевыми городами владетелем и Бугуслава Радзивила именами.

Да инструкція да список с листа граф Магнуса за рукою Адама х Волякса.

Статьи князя Радзивила с королем свейским, уговариванные об. именем всего княжества Литовского, о чём король его милость и Речь Посполитая не ведали, 1655-го году.

Розговоры запорожских посланников Кондрата Бирляя да Силуяна Мужиловского 161-го году.

Выписка о неправде свейского короля.

Список с ответного писма, каково дали государевым посланником Офонасию Прончищеву да дьяку Алмазу Иванову в Литве паны рада во 160-м году.

л. II7
Список з докончалные грамоты Владислава короля полского, на которой он, король, при государевых великих послех, при боярине при князе Алексее Михайловиче Лвове с товарищи на докончане крест целовали в Варшаве 143-го году.

Список з докончалные грамоты государевых послов, какову дали литовским послом во 142-м году.

Список з договорных записей панов рад, какову дали государевым великим послом боярину князю Алексею Михайловичу л. II7 об. Лвову с товарищи // и какову дали государевы послы паном раде.

Выписка из договорных Язвинских записей государевых великих послов окончичего князя Ивана Туренина с товариши с свейскими послы с Стен Баннером с товарищи 103-гс.

Выписка перечневая из Столбовского договору государевых великих послов окончичего князя данила Ивановича Мезецкого с товарищи с свейскими великими послы с Иковом Пунтосовым с товарищи 125-го году.

л. II8 Грамота, какова писана от государя^x к паном раде з дьяком з Григорьем Кунаковым во 157 -м году.

Грамота ^x, какову писал к государю Ян Казимер корол полской з дьяком з Григорьем Кунаковым и как писали к государю паны рада с ним ^x, Григорием.

Разговор молдавских посланников митрополита и лагофета о государевых делах 164-го году.

л. II8 об. Выписка с докончальных грамот // блаженные памяти государя, царя и великого князя Михаила Федоровича всея Русии и Владислава короля полского 143-го году.

Список с листа постановения Речи Речи Посполитой и Войска Запорожского.

Да список з белорусского писма, каково привез из Запор Яков Лихарев да подячей Иван Фомин во 161-м году.

Да перевод с статей, как мир учинился у короля з запорожскими казаки // под Зборовом.

Выписка ис полской печатной тетрати, в которой напечатано о житии и о счастье полского Владислава короля, с похвалами. Тут же присяга королевская Яна Казимера короля.

Перевод с немецкой печатной тетрати, за что учинилас война у свейского короля с полским королем 1655-го году.

Перевод с полского писма, что писал к виленскому бискупу и к Бугуславу и к Инушу Радзишилам свейской генерал Магнус Делегардий.

л. II9 об. Перевод с цесаревы грамоты, какову // писал ко государю с посланники с Иваном Баклановским да з дьяком с Иваном Михайловым 163-го году.

Список з грамоты, какова послана к полскому королю^{xx} с посланником с Петром Галинским да список з грамоты ^x, какову писали бояря к паном раде.

^x вписано сверху

^{xx} вписано сверху

Список з грамоты ж, какова послана к цесарю опасная на
полских послов з гонцом з Григорьем Богдановым.

Выписка ис пословъ цесарских.

- л. I20 Лист свейского Карл Густава // короля, писан к запорож-
ским казаком, перезывая их к себе, 164-го году.
Статьи, что прислал Петр Галинской, на чом просит у го-
сударя полской король миру, да писмо за его рукою.
Список з грамоты, какова послана к цесарю с послы с Ал-
гаретом с товарищи.

Перевод з грамоты, что писал ко государю Фердинандус
цесар римской с послы своими во 164-м году.

Список с полской печатной конституции о присяге Яна Ка-
зимира короля латынскаго языку 1649 -го году.

- л. I20 об. Выписка полских послов Станислава Ватовского каштеля-
на Сенномирского с товарищи о делех, о чом говорили в
ответех з бояры со князем Никитой Ивановичем Одоевским
с товарищи 159-го году.

Выписка о договорных статьях боярина князя Алексея Ники-
тича Трубецкого с товарищи с полским посолом Адамом Ки-
силем 156-го году.

Грамота, какову писал святейший Иосиф патриарх к паном
раде против их грамоты, объявляя про смърть полского Влад-
ислава короля, и чтоб между великими государствы был мир и
тишина неподвижно.

- л. I21 Список с листа, каков писал к бояром ко князю Алексею
Никитичу Трубецкому с товарищи Адам Кисел во 156-м году.
Перевод с латинского листа, что писал папа римской к
свейской королеве Христине 1655-го .

Выписка в доклад, как посланы на съезд с полскими ве-
ликими послы бояря.

Перевод з грамоты свейского короля, какову писал к
Золотаренку.

Список з грамоты, какова прислана от панов рад к бояром
з гонцом с Василем Пузылевичем^{xx} 162 -м году

x "на" вписано сверху

xx исправлено, было Пузыревичем

Книга описание государств и как в которое государство и из государств государственные титла описуют на обе стороны. Книга о наместничестве.

Выписка ис полских листов граф Магнуса.

Челобитъе волosких посланников.

Список з грамоты, какова послана к полскому королю с Федором Зыковым.

л.122. Книга приезд к Москве и отпуск // с Москвы полских посланников Албрехта Пенцлавского да Христопа Униховского 160-го году.

Речь из наказу, как велено говорить столнику Замятине Девонтьеву Троцкому воеводе наодане.

Список з грамоты, какова послана к гетману к Навлу Салеге с ротмистром Сухтицким.

л.124 Взять на съезд надобно.

Грамоты данов рад, как они писали к Ракоце о обиране его на королевство.

Хмельницкого лист к государю о неправдах полского короля.

---

* Зачеркнуто: полского короля Ка

inlav